

Светлана Бестужева-Лада

Первая забытая

Рафаэль Соколовский

Поэт Божьей милостью

Евгений Гик

История Олимпийских игр. Как это начиналось

Ирина Опимах

История любви великого художника

Анна и Сергей Литвиновы

Талант на миллион

О любви великого
художника Ильи Репина
читайте на стр. 65

Это интересно

<i>Евгений Гик</i>	История Олимпийских игр. Как это начиналось, или У храма Зевса4
--------------------	--

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Первая забытая24
--------------------------------	-------------------------------

Рассказ

<i>Эрнест Хемингуэй</i>	Эшиллесова пята 48
<i>Федор Ошевнев</i>	Самосуд 96

Штрихи к портрету

<i>Рафаэль Соколовский</i>	Поэт Божьей милостью56
----------------------------	-------------------------------------

Конкурс одного стихотворения64**Творец и женщина**

<i>Ирина Опимах</i>	История любви великого художника 65
---------------------	--

Звезды не гаснут

<i>Евгения Гордиенко</i>	Счастье по-итальянски76
--------------------------	--------------------------------------

Как это было

<i>Владимир Братченко</i>	Еще один «философский» пароход84
---------------------------	---

Забытые страницы

<i>Михаил Зоценко</i>	История болезни90
-----------------------	--------------------------------

Неизвестное об известном

<i>Майя Орлова</i>	Тупейные художества116
--------------------	-------------------------------------

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Талант на миллион 132
--------------------------------	------------------------------------

Кроссворд. Эрудит**188**

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	«Фонарь в Ялте» Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8600 экз.

Зак. №377

Цена свободная

Номер подписан в печать: 23.01.2014

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Здравствуйте, уважаемая редакция любимой «Смены»!

Получила первый номер журнала за этот год и только тут сообразила, что журналу, который наша семья читает многие десятилетия, уже исполнилось 90!

Сколько же радости получили мы от чтения «Смены», сколько нового узнали! Еще когда был жив отец, он собирал номера журнала с самыми интересными детективами и сам, как мог, делал подшивки. А меня всегда интересовали исторические статьи, часто я находила там такие интересные факты, каких не могла найти раньше ни в одной книге. А моя дочка (она учится в художественном колледже) очень интересуется всем, что пишет «Смена» о художниках, и еще учась в школе, часто прибегала к помощи журнала, когда писала доклады. Ведь, кажется, нет темы, которую «Смена» не затронула бы, и это совсем другое, чем бездумно скачивать что-нибудь из Интернета. Очень надеюсь, что и будущие внуки мои найдут для себя в «Смене» много интересного.

А еще я не могу не поблагодарить вас за то, что на сайте «Смены» размещены отсканированные номера прошлых лет. Ну где бы я прочла, например, номера, вышедшие во время войны? Наверное, только в Ленинской библиотеке. До чего же ценны для нас, нынешних читателей, те публикации, так же ценны, как и для старшего поколения, войну пережившего. И вообще, просматривая архив, можно убедиться, как тесно «Смена» была связана со всеми историческими событиями, происходившими в стране, но никогда не работала на потребу каким-то негативным веяниям, витавшим в то или иное время. Так, к примеру, в 30-е годы со страниц журнала не неслись призывы расстрелять кого-нибудь «как бешеных собак», а в 90-е не нашлось места для публикации какой-нибудь «чернухи».

Много изменений претерпела «Смена» за прошедшие годы, и не всегда, на мой взгляд, это шло ей на пользу. Конечно, понимаю, что необходимо было искать какие-то новые формы, чтобы не отставать от времени. И мне кажется, что сейчас, в свои 90 лет, журнал нашел наилучшее свое воплощение. Очень удобный формат, позволяющий положить журнал в сумку и носить с собой. Конечно, хорошо бы, чтобы и бумага была получше, но я понимаю, что все стоит немалых денег, а вы предпочитаете предоставлять свои страницы интересным статьям, а не рекламным объявлениям.

Словом, позвольте искренне, от всей души поздравить вас с замечательным юбилеем и пожелать благополучия и процветания любимому журналу, а всем, кто над ним трудится и делает его таким замечательным, крепкого здоровья и большого счастья!

Лилия Короленко,
г. Пересвет, Московская область

Евгений Гик

ИСТОРИЯ ОЛИМПИЙСКИХ

ИГР

Как это начиналось, или У храма Зевса

О зарождении Олимпийских игр рассказывают легенды и мифы древней Греции. Игры посвящались богам и проходили под их покровительством. Самая древняя легенда связывает

основание Игр с временами царствования Крона, когда только что родился Зевс. Мать Зевса Рея, пряча сына от злого отца, передала новорожденного пятерым братьям

Куретам (одновременно воины и символы плодородия). Позднее, стараясь отвлечь внимание Крона и показать преданность ему, Куреты пришли в Олимпию, где тогда поклонялись Крону. Геракл, старший из братьев (не путать с Гераклом-героем, сыном Зевса), победил всех в беге и был награжден за победу венком из дикой оливы.

По другой легенде, Игры основал сам Зевс. Победив своего отца Крона, он стал властелином мира и в честь этого устроил в Олимпии праздник, в программе которого были соревнования по бегу.

Согласно еще одной легенде, греческий герой Пелопс полюбил красавицу Гиподамию — дочь царя Эномая. Победив хитростью царя, убивавшего всех женихов своей дочери (царь вызывал их на гонки колесниц, где ему не было равных), Пелопс взял Гиподамию в жены, завладел всем царством Эномая и по этому поводу устроил в близлежащей Олимпии спортивный праздник, который решил повторять раз в четыре года.

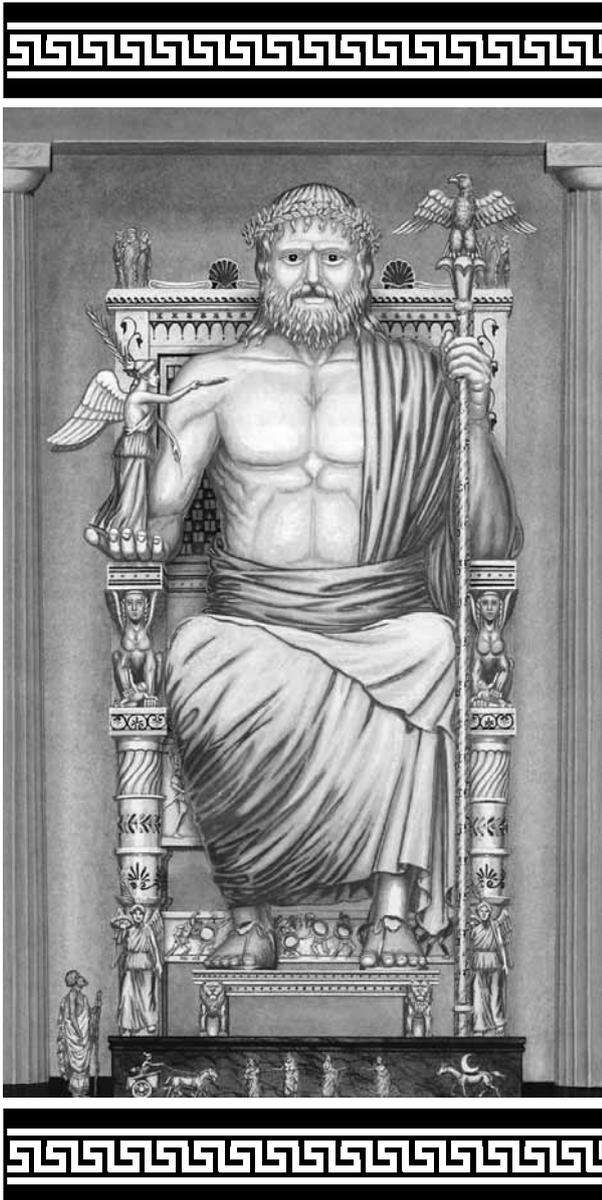
Есть и еще одна легенда. Шестым из двенадцати подвигов великого героя Геракла стала чистка Авгиевых конюшен — грязного скотного двора Авгия, царя Элиды. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвел в него воду реки Алфей. Однако Царь Авгий не дал герою обещанной награды. Тогда обиженный Геракл собрал большую армию и расправился с Авги-

ем. В честь этой победы он принес жертвы олимпийским богам и основал Олимпийские игры, которые проводились с тех пор каждые четыре года в Олимпии. Это были уже вторые игры, основанные Гераклом. Первыми были Немейские игры — в честь победы над Немейским львом.

Историки все же склоняются к тому, что основателем Олимпийских игр был Ифит — реальная историческая личность, царь Элиды, небольшого греческого государства, на территории которого находился религиозный центр Олимпия и два крупных города — Элис и Писа. Получив от Дельфийского оракула совет «основать для укрепления мира Игры, угодные богам», Ифит договорился с царем Спарты Ликургом и другими соседями о независимости Элиды. Чтобы отблагодарить богов, он устроил в 884 г. до н.э. в Олимпии большой праздник, который и решил повторять раз в четыре года («Олимпиада» по-гречески означает период из четырех лет).

Что же представляла собой Олимпия и почему древние Игры проводились именно там? Это был крупнейший общественно-религиозный центр на юго-западе Древней Греции. Здесь постоянно жили жрецы, а множество народа съезжалось сюда со всей страны во время частых празднеств, посвященных богам.

Центральное место в олимпийском комплексе занимал храм Зевса Олимпийского, созданный архитектором Либоном. Внутри него возвышалась огромная, высотой более

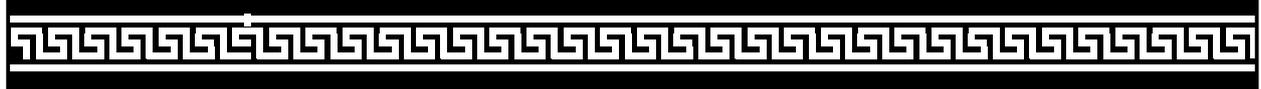
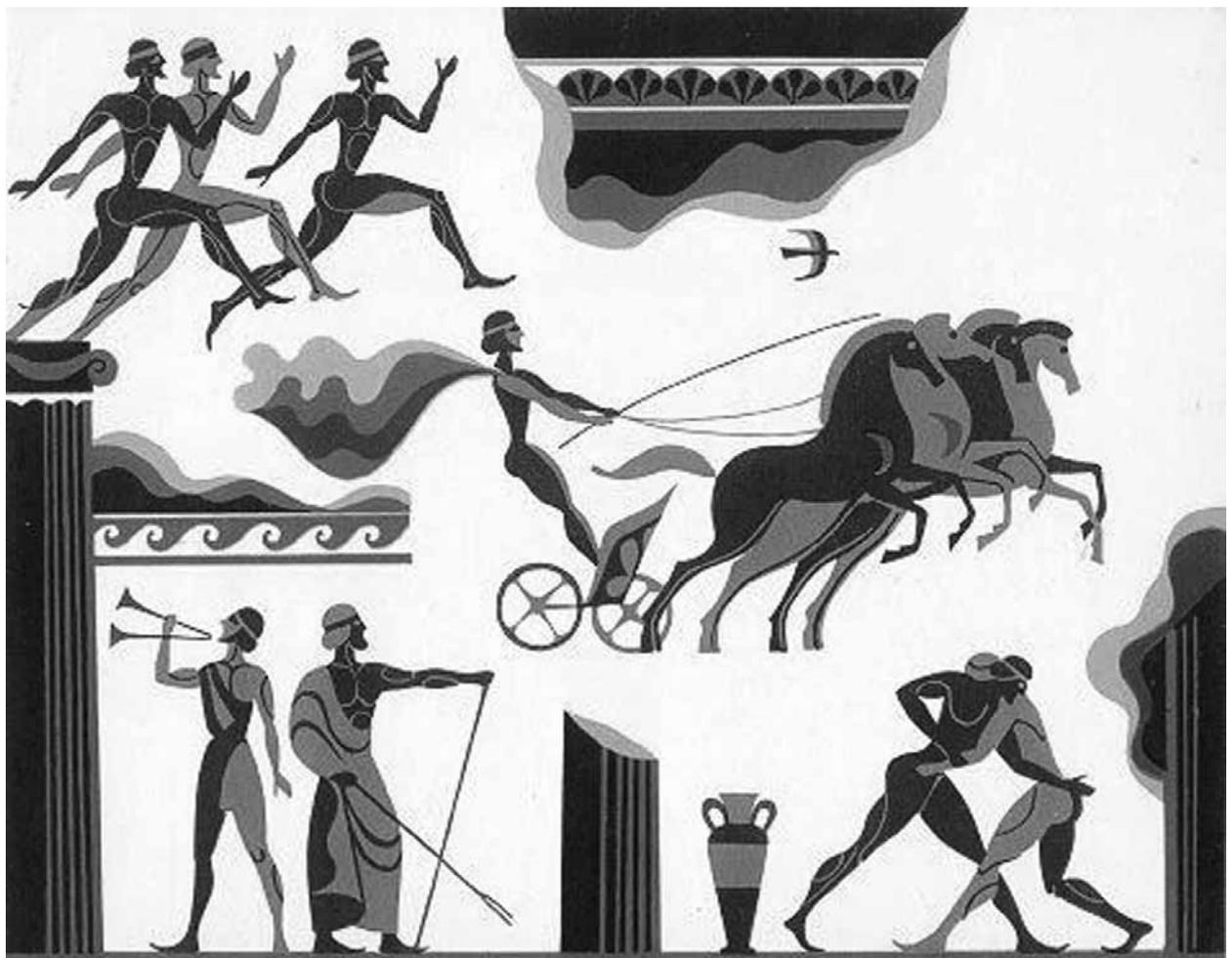
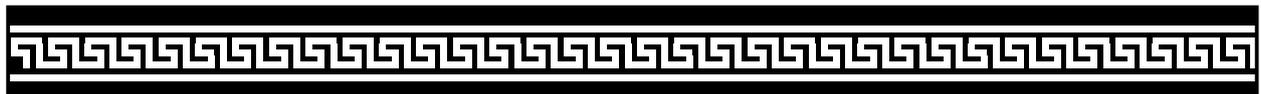
*Зевс — «основатель»
Олимпийских игр*

13 м, статуя Зевса работы знаменитого скульптора Фидия — одно из семи чудес света. Олимпийский спортивный комплекс был построен в 450 г. до н.э. в священной роще Альтис у места слияния двух небольших рек. Стадион лежал в углублении и соединялся с рощей 32-метровым подземным ходом, через который участники состязаний

после принесения жертвы богам выходили на стадион. Площадь арены составляла 6784 кв. м, размер 212 x 32 м. Его окружала невысокая насыпь, за которой располагались зрители. Для знатных гостей стояли скамьи. Беговая дорожка была довольно широкой, по ней одновременно могли бежать восемь атлетов. Еще одним спортивным сооружением был гимназиум — место для тренировок, где можно было заниматься бегом, метаниями, прыжками и борьбой. Рядом с ним жили участники состязаний.

В Греции установился обычай, по которому раз в четыре года в разгар междоусобных войн все откладывали оружие в сторону и отправлялись в Олимпию, чтобы восхищаться гармонично развитыми атлетами и славить богов. Олимпийские игры стали событием, объединившим всю Грецию, в то время как до и после них страна являла собой множество разрозненных, враждующих между собой государств.

Итак, первые игры в Олимпии прошли в 884 г., это были соревнования в беге на один стадий. Они родились из религиозного ритуала — с давних времен на празднествах в честь бога Зевса состязались в беге с факелами, и победитель зажигал огонь на алтаре. Позже бежали уже без факелов. Бегуны финишировали у алтаря, а роль судьи выполнял жрец, который, подготовив жертву богам, вручал победителю забега факел для зажигания жертвенного огня. В Играх тогда участво-

вали только жители Элиды, а состязания в основном сводились к религиозной церемонии.

В 776 г. до н.э. Олимпийские игры были признаны официально — правителями всех городов-государств Древней Греции — и проводились регулярно раз в четыре года. Первым олимпийским чемпионом стал Кориоб — повар из города Элис. С этого времени был открыт счет древних Игр. Они носили символический смысл, значение имела чет-

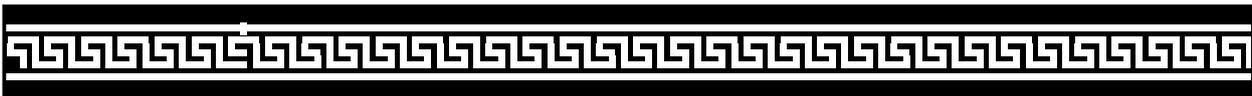
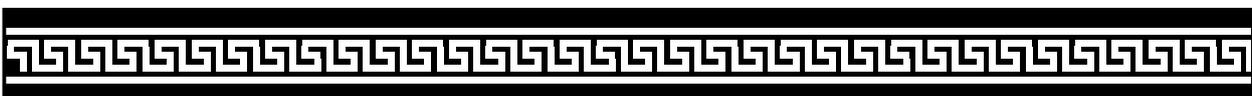
кая периодичность, детали церемоний открытия и закрытия, атрибутика. Этот вопрос затрагивается даже в одной из самых читаемых (и скандальных!) книг начала XXI в. — «Код да Винчи» Дэна Брауна.

ВИДЫ ДРЕВНЕЙ ОЛИМПИЙСКОЙ ПРОГРАММЫ

Первые тринадцать общегреческих Олимпийских игр (начиная с 776 г. до н.э.) включали только бег на один

стадий. Стадий — это специальная мера длины, равная шестистам ступням жреца Зевса. Длина стадия отмерялась разными жрецами и поэтому была принята разной в разных

ко в процессе соревнований, но и при подготовке к ним. Олимпийский праздник включал религиозные церемонии, спортивные состязания, конкурсы искусств, выступления по-

городах Греции. Легенда рассказывает, что в Олимпии стадий отмерял сам Геракл. Один олимпийский стадий равнялся 192 м 27 см. Именно от слова стадий и произошло название «стадион».

Олимпийские игры и в древности были одним из важнейших событий. На это время в Греции объявлялось перемирие для всех воюющих армий. Оно продолжалось три месяца и защищало участников Игр не толь-

этов и философов. Программа Игр постоянно расширялась.

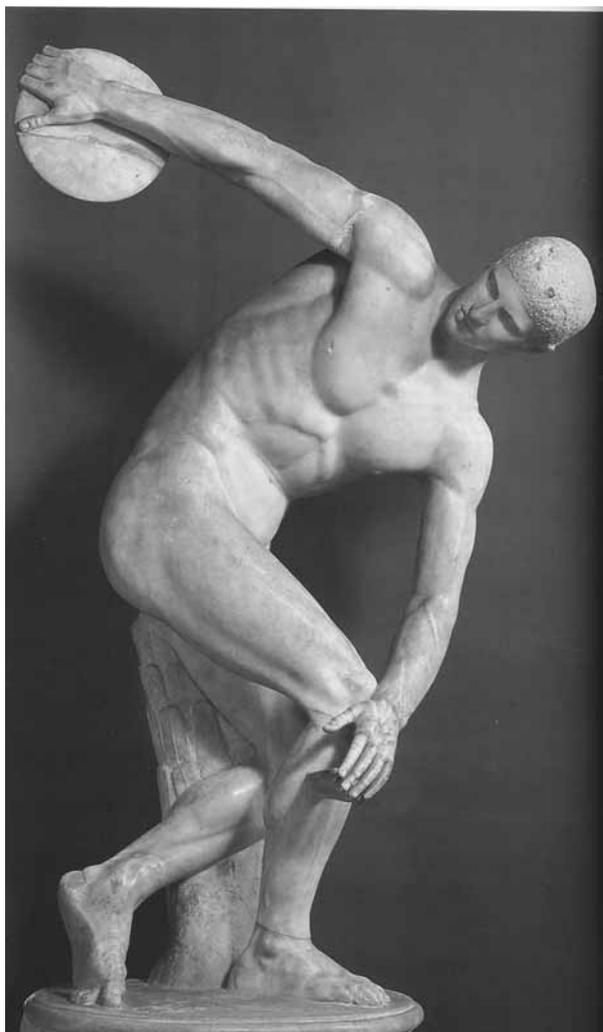
К бегу на 1 стадий в 724 г. до н. э. добавился «двойной бег» на дистанцию 384,54 м. Бегуны бежали один стадий туда и один обратно. Такой бег родился из ритуала принесения жертвы богам, когда после зажигания огня на алтаре бегуны звали народ, приглашая присоединиться к празднику. Затем, в 720 г., в древнюю программу вошел бег на

длинную дистанцию на 24 стадия. Это уже были круги по стадиону.

В 708 г. до н.э., на XVIII олимпиаде, появились борьба и пятиборье, состоящее из бега на один стадий, прыжков в длину, метания диска, метания копья и борьбы. Еще через две Олимпиады были введены гонки колесниц, а на XXXIII олимпиаде, в 648 г., появился самый жесткий и зрелищный вид — панкратион (единоборство с использованием приемов кулачного боя и борьбы, в котором схватка велась до тех пор, пока один из противников не признавал свое поражение).

В 680 г. до н.э. состоялись первые состязания в скачках. В дальнейшем программа конного спорта значительно пополнилась. Сначала это были гонки на двухколесных колесницах, запряженных четверкой лошадей, затем — на колесницах, запряженных двумя лошадьми, потом появились скачки на лошадях и даже соревнования повозок, запряженных мулами. Соревнования были очень опасными, они нередко сопровождались серьезными травмами, бывали даже смертельные случаи.

Когда богатые владельцы конюшен решили завоевывать победу, не подвергаясь риску, они стали отправлять на соревнования рабов под своим именем. А могущественные правители иногда вообще не приезжали на Игры. В случае победы раб получал от хозяина значительную сумму денег и мог быть даже отпущен на свободу, стать свободным гражданином. Понятно, что

рабы не щадили себя, добывая победу своим хозяевам. А летописцы дипломатично писали о могущественных правителях: «был провозглашен чемпионом» (а не «стал чемпионом»).

Царь Македонии Филипп II — отец Александра Македонского — трижды становился олимпийским чемпионом. В честь первой победы его жена сменила имя и стала зваться Олимпиадой.

К участию в соревнованиях допускались только граждане Греции. По олимпийским правилам все атлеты заявляли о себе за год до Игр и перед их началом представляли доказательства, что в течение де-

обеды и лучшие места в театрах. Известен случай, когда за счет города был построен зал специально для тренировок борца-чемпиона.

Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, могли ли

сяти последних месяцев готовились к состязаниям. Исключение делалось лишь победителям предыдущих Олимпиад. Обязательным требованием был и приезд участников на тренировки в Олимпию как минимум за месяц до Игр. Все расходы оплачивали сами спортсмены, и поэтому их участниками были в основном богатые и знатные греки.

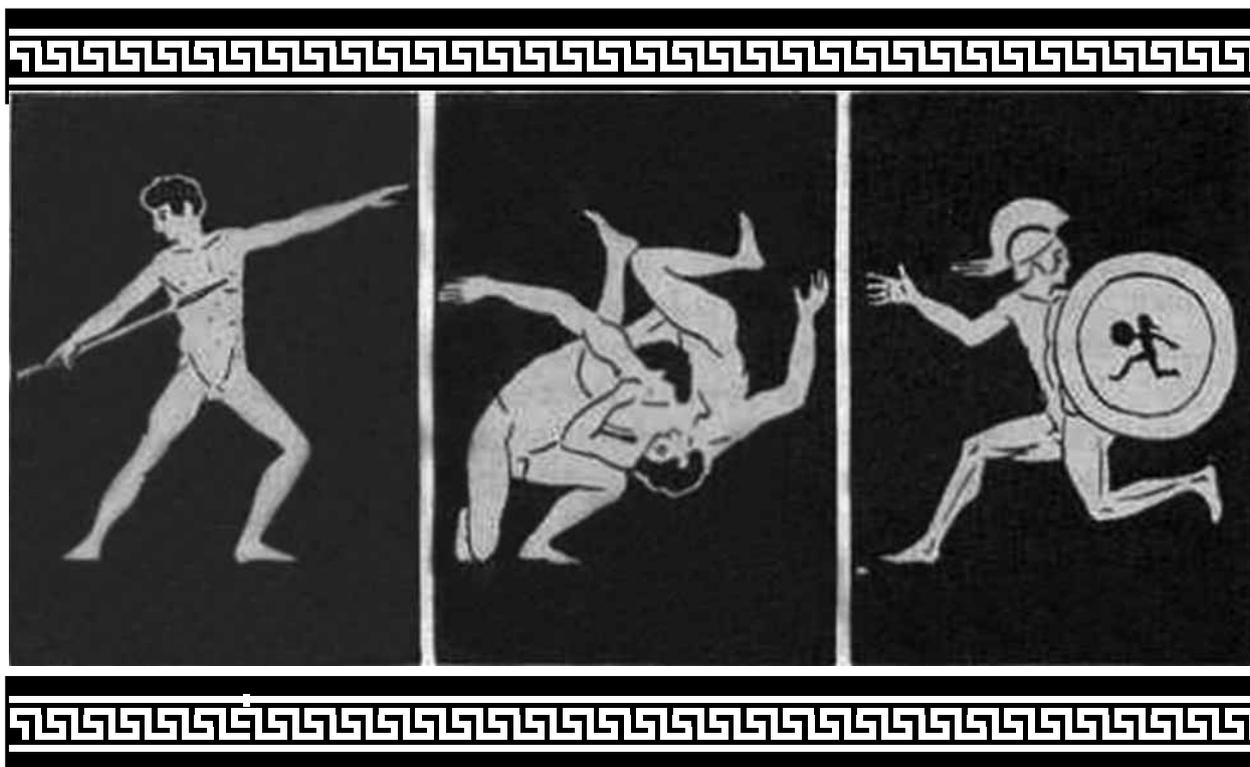
Чемпион Олимпийских игр получал венок из ветвей оливы, выросшей в священной роще Олимпии, и здесь ему воздвигали статую. А в родном городе его ждало всеобщее восхищение, а также бесплатные

женщины участвовать в Играх. Точно установлено, что для замужних женщин существовал запрет даже на присутствие на стадионе. Но девушки, возможно, допускались на стадион и ипподром и могли участвовать в гонках колесниц.

Победительницами на ипподроме в разных видах назывались Цинисея из Спарты (дочь царя Архидамма), сильнейшая, Эврилеония из Спарты, а также знаменитая фаворитка египетского фараона Птолемея II Велестихия из Македонии. Однако нет подтверждений того, что эти дамы, имевшие могущественных

покровителей, действительно участвовали в соревнованиях. Возможно, что настоящие победители соревнований были рабами и, провозглашая победу своего хозяина или хозяйки, получали свободу.

Амвросий не занимал положение «серого кардинала», а действовал открыто: в историю вошел случай, когда он заставил Феодосия принести публичное покаяние за кровопролитие в храме. Действительно ли

В 146 г. до н.э. Древняя Греция была завоевана Римом и вошла в состав Римской империи. Олимпийские игры продолжались, но теперь в них участвовали и римляне, а сами Игры все больше теряли религиозный смысл, превращаясь в демонстрацию могущества Рима. На них появились бои гладиаторов и поединки с дикими зверями.

Инициатором прекращения Игр, по одной из версий, был епископ Амвросий Медиоланский — фактически правитель государства. Император Феодосий полностью находился под его влиянием, причем

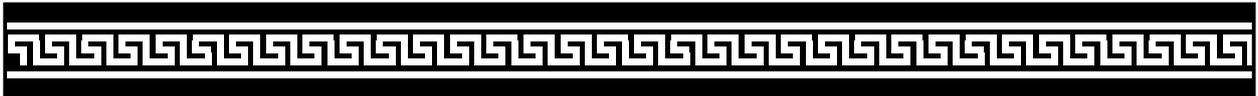
в 393 г. н.э. император ввел запрет, объявив Игры нечестивыми? Достаточных оснований для этого нет, скорее, это был некий указ, относящийся к язычникам и конкретно не упоминавший Олимпию. Так или иначе, последние Олимпийские игры состоялись в 394 г. н.э., но подробности неизвестны.

А в 395 г. н.э. византийцы и готы столкнулись на берегах Алфея. В результате кровавой битвы Олимпия была разрушена. В 426 г. произошли новые события, не получившие однозначного толкования. По самой распространенной версии, император

Святой Амвросий не пускает императора Феодосия в Миланский собор

Феодосий II во имя христианской веры приказал стереть с лица земли остатки языческих храмов. Погиб величественный храм Зевса, а статуя — творение бессмертного Фидия, одно из семи чудес света, была увезена в Константинополь. По другой версии, поджог устроили нечестивые враги, а император спас статую, увезя ее. Вряд ли можно сейчас установить истину. К тому же еще через сто лет разгром Олимпии довершили два сильных землетрясения, и она исчезла под песком и тиной.

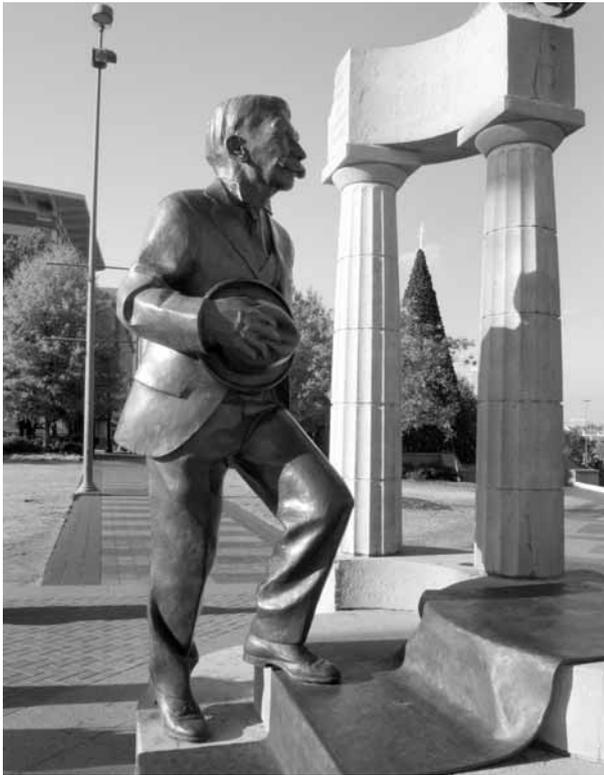
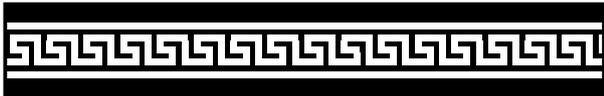

ДРЕВНИЕ КУРЬЕЗЫ И СКАНДАЛЫ

В Древней Греции олимпийские чемпионы — олимпионики — пользовались огромным уважением. При жизни им возводили статуи, а на стенах стадиона писались их имена. Победители получали ценные награды. Неудивительно, что уже тогда появились и негативные моменты Игр, такие как подкуп судей и соперников, и даже выступление за другой город или государство. Спортсмены, уличенные в обмане, платили штраф, а собранные деньги тратились на статуи Зевса, которые в большом количестве водружались около стадиона.

Некоторые нарушения правил и скандалы, возникающие в истории древних Олимпиад, были весьма необычны. Например, наказания в виде штрафов назначали за отказ от тренировок в Олимпии, а один из спортсменов, имя которого история не сохранила, был оштрафован за «трусость» после того, как покинул Олимпию за день до старта.

В 496 г. до н.э. судьи не признали атлета Клеомеда победителем в кулачном бою, потому что во время схватки он случайно убил своего противника. В 480 г. Феаген с острова Фасос подал заявку на соревнования по кулачному бою и панкратиону, которые проводились в один

Памятник Кубертену

день. Кулачный бой он выиграл, но очень устал, и с панкратиона снялся. Судьи оправдания не приняли, пришлось платить штраф, причем и «в пользу богов», и сопернику по боксерскому финалу Ефимию. Но ему Феаген платить отказался, а вместо этого пообещал не конкурировать с ним на следующих Играх. И сдержал слово: через четыре года в кулачном бою победил Ефимий. А Феаген стал чемпионом в панкратионе.

В 420 г. до н.э. спартанцы во время олимпийского перемирия провели военные маневры с участием 1000 солдат. Организаторы Игр по-

требовали с них штраф — по 200 драхм за каждого солдата спартанцы платить не стали, заявив, что маневры закончились до перемирия. Тогда их не допустили на Олимпиаду.

Удивительный рекорд установил в 416 г. до н.э. Алкибиад из Афин: в одних и тех же состязаниях он одновременно (!) занял первое, второе и четвертое место. Во всяком случае, так было официально объявлено. Сам же чемпион — богатый владелец лошадей, выставивший на гонки семь колесниц, ничуть не смутился, наоборот, такое достижение принесло ему славу и почет.

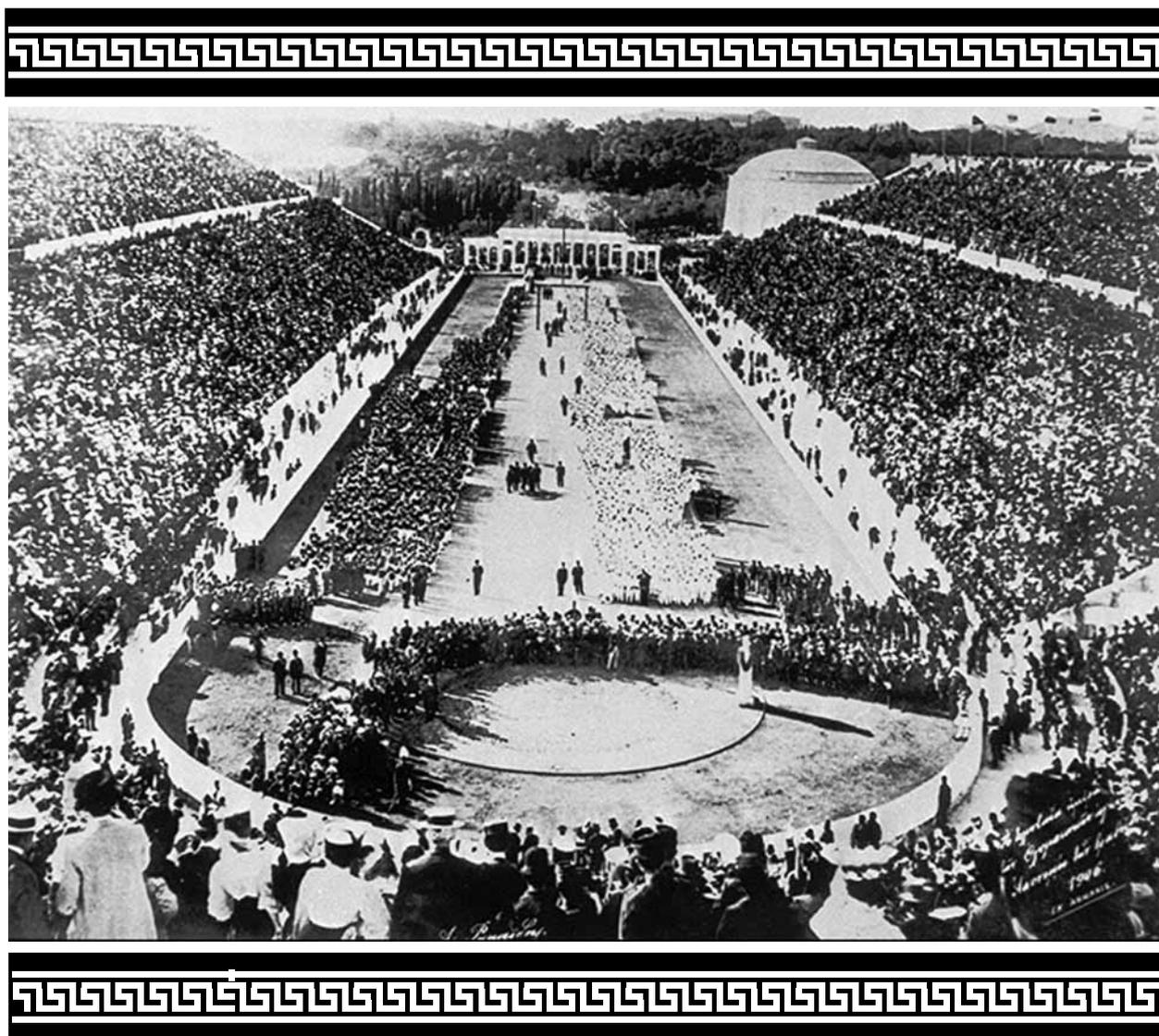
Самыми частыми были скандалы, связанные с выступлением участников Игр не за свой город. Астилос из Кротона победил на трех олимпиадах в двух видах беговой программы, но на второй и третьей Олимпиадах выступал за другой город — Сиракузы. В родном городе ему не простили измены: чемпион лишился всех наград, а его статую разбили. Победитель одной из Олимпиад в беге на длинную дистанцию Сотадес с острова Крит на следующей Олимпиаде выступил как гражданин Эфеса, получив взятку от правителя этого города. Результатом стал штраф и изгнание с Крита. А в 420 г. до н.э. судьи вовремя разобрались в ситуации и не засчитали победу возницы Лихаса, так как он незаконно участвовал в Играх: был родом из Спарты, но выступал от другого города.

Договорные результаты на древних Играх были нередки. Особенно часто они встречались в единобор-

ствах. Прекрасную почву создала популярная практика снятия с соревнований в знак признания преимущества соперника. (Кстати, возможно, именно с тех пор пошло выражение «чистая победа» — победитель не пачкался в покрывающей арену грязи.) Рекордным стало наказание сразу четырех спортсменов: кулачный боец Эвпол дал взятку трем соперникам. Нарушители были наказаны не только солидным денежным штрафом, но и всеобщим презрением. Был и случай, когда отец одного из юных борцов-финалистов Олимпиады подку-

пил отца другого, чтобы тот уговорил сына сняться с соревнований. В результате судьи наказали не спортсменов, а их отцов-обманщиков.

А вот такого случая в истории Игр больше не было и, надо надеяться, не будет. В 67 г. н.э. на Олимпиаду приехал римский император Нерон. Эти Игры он своим волевым приказом передвинул на два года — для собственного удобства. А на Играх подкупил судей и добился дисквалификации всех соперников, которым хватило храбрости не сняться с соревнований. Император гордо выступил один

в шести видах программы и конкурсе искусств и везде был объявлен победителем. Позднее, правда, результаты этой Олимпиады были отменены.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Эпоха Возрождения — важнейший этап исторического развития. На смену мрачному средневековью пришел бурный расцвет культуры, искусства и спорта. Образцом стали древнегреческие традиции. Можно смело сказать, что, учитывая популярность греческих образцов, возрождение Олимпийских игр в том или ином варианте, было исторически обусловлено и неизбежно.

Более тысячи лет развалины Олимпии оставались нетронутыми, и первые идеи о возрождении появились в XV в. В 1516 году соревнования, названные «Олимпийскими играми», были проведены в Германии, а в 1604-м — в Англии. В 1793 г. с первым предложением возродить Игры выступил один из основоположников немецкой гимнастической школы Гутс-Мутс, но не нашел поддержки. Во второй половине XIX в. с выходом спорта на международную арену возникла необходимость проведения крупных комплексных состязаний, и идея возрождения Игр появлялась снова и снова. Начиная с 1850 года, в одном из графств Англии регулярно проводила соревнования Национальная олимпийская ассоциация, которую иногда называют первым в мире Олимпийским комитетом.

В 1875 году археологические раскопки в Олимпии были организованы германским правительством, причем археологи дали обязательство передать все находки Греции. В результате шестилетней работы было найдено 130 мраморных статуй и барельефов, 13 тысяч бронзовых предметов, 6 тысяч монет, около тысячи надписей, множество глиняных изделий. Оказалось, что и древний стадион, и все храмы Олимпии в той или иной мере сохранились.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СПОРТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Концепция современного олимпизма принадлежит Пьеру де Кубертену. По его инициативе в 1894 году в Париже состоялся Международный атлетический конгресс, на котором двумя тысячами делегатов от двенадцати стран единогласно было принято решение о возрождении Олимпийских игр и учреждении высшего руководящего органа — Международного олимпийского комитета (МОК). В первый МОК вошли четырнадцать представителей от 12 стран, в том числе от России генерал А. Бутовский. Члены МОК стали организаторами национальных олимпийских комитетов (НОК) в своих странах.

Состав, обязанности и организация работы МОК четко и очень подробно расписаны в Олимпийской хартии. МОК постоянно базируется в Лозанне (Швейцария). В его состав входят спортсмены и представители руководства Международных спор-

тивных федераций и НОК. Общее число членов МОК не должно превышать 115 человек. Его сессия проводится в разных странах не реже одного раза в год. Исполнительный комитет состоит из президента, четырех вице-президентов и десяти членов. Задача МОК — руководство развитием олимпизма в соответствии с Олимпийской хартией.

На сессии в Париже в 1914 г. было принято несколько важных организационных решений. Прежде всего утвердили флаг с пятью переплетенными кольцами, официальными языками МОК утвердили французский, английский и немецкий, впервые рассмотрели вопрос взаимоотношения с международными федерациями. Эмблема МОК — олимпийские кольца с девизом: «Быстрее, выше, сильнее!» За особые заслуги перед олимпийским движением МОК награждает Олимпийским орденом.

Северные игры, проводившиеся в 1901–1926 гг., стали первыми крупными международными соревнованиями по зимним видам спорта, и без сомнения, способствовали появлению и успеху зимних Олимпийских игр. Они зародились в Швеции при активном участии Виктора Балка — одного из пяти самых первых членов и создателей МОК. В основном в них участвовали спортсмены скандинавских стран, а программа включала прыжки на лыжах с трамплина, хоккей, керлинг и скелетон. Спортсмены соревновались и по некоторым летним видам, в том числе по плаванию и фехтованию. Только одни из

восемью Игр, в 1903 г., были проведены частично в Норвегии, все остальные — в Швеции.

Северные игры были основой проведения первых зимних Олимпийских игр в 1924 г. в Шамони. А игры 1926 г. стали последними. В 1928 г. умер их вдохновитель Балк, в 1930 г. Игры отменили из-за отсутствия снега, в 1934 г. они не состоялись из-за экономического кризиса, и, наконец, провести Северные игры в 1942 г. помешала Вторая мировая война.

Кроме МОК, олимпийское движение включает в себя международные федерации, НОК всех стран, организационные комитеты Олимпийских игр (ОКОИ), некоторые другие организации, а также судей, тренеров и видных специалистов в области спорта.

ОЛИМПИЙСКИЕ РИТУАЛЫ

Отсчет современных Игр ведется с I Олимпийских игр, проводившихся в Афинах в 1896 году. За 100 с небольшим лет (1896–2012) состоялось 26 летних олимпиад, и трижды (1916, 1940, 1944) они были отменены из-за Первой и Второй мировых войн.

Отсчет зимних Олимпийских игр, которые проходят с 1924 года, ведется отдельно. Согласно Олимпийской хартии, честь их проведения предоставляется не стране, а конкретному городу, причем место проведения МОК объявляет не позднее чем за шесть лет до начала Игр. После этого начинается строительство новых спортивных сооружений

и Олимпийской деревни для спортсменов.

Как и в древности, современные Игры представляют собой огромный праздник и сопровождаются торжественными церемониями. В параде стран первой всегда выходит Греция. Далее команды идут в алфавитном порядке. Замыкает торжественное открытие страна-хозяйка Олимпиады. И, наконец, глава города или государства объявляет их открытыми.

Олимпийский флаг был утвержден МОК в 1913 году, его поднимают во время исполнения олимпийского гимна. Флаг представляет собой белое полотнище без окаймления. В его центре расположен олимпийский символ в пяти цветах, пять колец — символ пяти континентов (Европы, Азии, Австралии, Африки и Америки), а их сцепление — знак прочного союза. На флаге любого государства можно найти по крайней

мере один цвет из представленных на олимпийских кольцах. Белое поле флага символизирует чистоту олимпийского движения, мир и дружбу.

Олимпийский факел, доставленный из Греции, используется для зажигания олимпийского огня, одного из главных символов Олимпийских игр. Впервые олимпийское пламя вспыхнуло на Амстердамском стадионе в первый день Игр 1928 года.

Бег факелоносцев — торжественный пролог Игр — появился не сразу. Начало факельным эстафетам, доставлявшим огонь из Олимпии в город летней Олимпиады, было положено в 1936 году. С тех пор церемонии открытия Олимпийских игр обогатились волнующим зрелищем зажжения на главном олимпийском стадионе огня от факела, пронесенного эстафетой. 20 июня 1936 года в Олимпии был зажжен огонь, совершивший затем 3075-километровый путь по дорогам Греции, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и Германии. На зимних Играх олимпийский огонь впервые появился в 1952 году в Осло.

Факел символизирует чистоту олимпийского движения, а передача факела — передачу олимпийских традиций следующим поколениям...

ДАМЫ ПРОТИВ КАВАЛЕРОВ

Движение за равноправие женщин не просто нашло отражение в истории Игр, но и проявилось в ней очень ярко. В Лондоне в 1908 году женщины (36 участниц) появились

впервые. Они соревновались в теннисе, стрельбе из лука и фигурном катании. В парусном спорте в составе экипажа-победителя из Великобритании в классе «7 метров» выступала дама, Френсис Райветт-Карнекк вместе с мужем Чарльзом. Следует отметить, что соревновался экипаж сам с собой — других участников в этом классе не было. Женщина была и на занявшем 3-е место в классе «8 метров» британском судне, причем она получила олимпийскую награду, хотя числится в списках как «дополнительный член экипажа», фактически — пас-

сажирка. Не удивительно, это хозяйка яхты Констанция Корнуэлис-Вест, герцогиня Вестминстерская.

Вопрос об участии женщин в соревнованиях начала XX в. стоял очень серьезно. Многие виды спорта дамам были запрещены, женских видов было значительно меньше, чем мужских. Кубертен, МОК и Международная федерация легкой атлетики решительно протестовали против включения в Олимпиаду женских видов по легкой атлетике.

В 1921 году была создана Международная федерация женского спорта (ФСФИ), которую возглавила

француженка Алиса Миллиат. Эта решительная и мощная дама увлекалась многими необычными для женщин видами спорта, в том числе футболом, хоккеем и академической греблей. Алиса была не просто хитрой и напористой. Она получила хорошее образование, свободно говорила на нескольких языках. И, что существенно, имела опыт близкого общения с мужчинами — побывала

прошли в 1922 году в Париже, собрали спортсменов из 5 стран и имели неожиданный успех. В результате ФСФИ добилась включения легкоатлетических дисциплин в Игры 1928 года в Амстердаме.

Следующие женские игры прошли в Праге. Программа включала уже не только легкую атлетику, а также баскетбол и гандбол. Успех этих Игр заставил МОК изменить

замужем, хотя муж вскоре оставил ее вдовой.

В ответ на отказ включить женские легкоатлетические дисциплины в Олимпийские игры Миллиат объявила о проведении женских Игр. Они

свое решение, и женская легкая атлетика все-таки попала в Олимпийские игры 1932 года, а в 1936-м ФСФИ полностью передала руководство женскими дисциплинами легкой атлетики ИААФ и вскоре бы-

ла распущена. Главная задача была выполнена — женская легкая атлетика закрепились в олимпийской программе.

Что касается футбола, то именно в этом виде состоялась первая в истории «битва полов»: в 1922 году английская женская команда «Дик Керрз Лейдиз» провела в США серию матчей с мужскими командами. Результат ничейный — три победы, три поражения, три ничьи. Но женский футбол появился на Олимпийских играх только в 1996 году.

В наше время мужских и женских видов спорта почти не осталось, здесь достигнуто почти полное равноправие. Никого не удивляет, хотя многим это еще кажется странным, например, женская тяжелая атлетика или мужская художественная гимнастика, соревнования женщин по прыжкам на лыжах с трамплина или настойчивые попытки мужчин пробиться в последний пока закрытый для них вид — синхронное плавание. Кстати, синхронное плавание зародилось как мужской вид. В 1882 году в Англии появилась команда пловцов, которая выполняла на воде различные фигуры. Позже, в 1891 году в Берлине были проведены первые соревнования по синхронному плаванию среди мужчин. Первым и пока единственным мужчиной, решившимся выступить в этом виде в наше время, был американец Билл Мей, который занял на соревнованиях, проходящих в рамках Игр доброй воли, второе место в состязаниях дуэтов в паре

с девушкой — Кристиной Лум, а также выиграл серебро в групповых упражнениях. Спортсмен категорически отверг подозрения о своей нетрадиционной ориентации и рассказал, что занялся синхронным плаванием в 10 лет вместе с сестрой.

Олимпиада в Лондоне-2012 стала новой победой женского спорта. На ней впервые появился женский бокс, и теперь не осталось ни одного вида (если смотреть по федерациям), где бы не были представлены и спортсмены, и спортсменки.

Что касается зимних видов, на первых двух Олимпиадах женщины соревновались только в фигурном катании. В 1932 году в качестве демонстрационного был представлен женский конькобежный спорт. В еще одном демонстрационном виде той Олимпиады — гонках на собачьих упряжках вместе с мужчинами выступала дама, Ева Силей. Она за-

няла последнее, 12-е место. В Гармиш-Партенкирхене впервые в истории зимних Олимпиад были разыграны медали в горнолыжном спорте, причем появилось сразу два вида программы, мужская и женская комбинации. В 1956 году женщин впервые допустили к лыжным гонкам, и первой в истории чемпионкой стала Любовь Козырева. С 1960 года они начали выступать в конькобежном спорте, с 1964 г. — в сан-

БУДУЩЕЕ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Современные Олимпийские игры — событие мирового масштаба, которое регулярно проводится рекордно долгое время — более тысячи лет! «Игры являются апофеозом международных спортивных манифестаций, благодаря им МОК оказывает финансовую поддержку спорту во всем мире», — считает президент МОК Жак Рогге.

ном спорте, в 1998 году были представлены женский хоккей и керлинг, и последним из видов спорта (если смотреть по федерациям) в программу зимних Олимпиад с 2002 года включены женские бобслей и скелетон. В Сочи-2014 мы увидим и женские прыжки на лыжах с трамплина.

Что ждет Игры в будущем? Процедура выбора города-кандидата на их проведение будет усовершенствована. Можно надеяться, что этот выбор станет более справедливым и будет соответствовать целям олимпийского движения.

Президент МОК Жак Рогге считает важными и проблемы безопас-

ности и уменьшения расходов на Игры. Количество участников Олимпиад не может расти бесконечно. Поэтому можно ожидать сокращение олимпийской программы. Первыми, попавшими «под сокращение» стали бейсбол и софтбол — их не стало в программе Игр 2012 года. Есть противники у бокса, греко-римской борьбы, тяжелой атлетики, современного пятиборья.

С другой стороны, возможно добавление новых видов — в первую очередь красивых и зрелищных, не требующих большого времени на

в обоих пройдут мужской и женский турниры.

Зимние Игры-2018 пройдут в городе Пхенчхан, Южная Корея. Решение об этом было принято 6 июля 2011 года. Конкурентами были Анси и Мюнхен. Настойчивость корейцев была вознаграждена: Пхенчхан уже в третий раз подает заявку, причем проигрывал всего несколько голосов — сначала Ванкуверу, потом Сочи. Изменений по видам спорта не будет, но предполагается добавление нескольких новых видов — в основном эстафетных и командных.

проведение соревнований и больших расходов.

Олимпийские игры развиваются и совершенствуются в XXI веке. Уже сейчас мы знаем о подготовке и планах ближайших Олимпиад.

Летняя Олимпиада 2016 года состоится в Рио-де-Жанейро — это будут первые Олимпийские игры в Южной Америке. Добавятся два новых вида — гольф и регби-7, причем

А в начале февраля 2014 года наступает важный момент в спортивной истории нашей страны — открытие в Сочи зимних Олимпийских игр. «Жаркие. Зимние. Твои.» — это слоган предстоящих игр. Пусть они действительно будут жаркими, действительно станут играми каждого, а нам остается только болеть за спортсменом, желать им удачи и больших побед. □

Первую мировую войну в советской историографии обычно рассматривали как пролог и причину «великой революции». Поэтому многие бывшие школьники и студенты были обязаны намертво заучить цитату из В.И. Ленина: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов».

Цитату запомнили, а войну... забыли. Точнее, не забыли — подвергли забвению, как все нежелательное и не вписывающееся в рамки «марксистско-ленинской идеологии».

ПЕРВАЯ

Поэтому можно сказать, что о Первой мировой войне мы не знаем почти ничего, хотя длилась она четыре года —

Светлана
Бестужева-Лада

ЗАБЫТАЯ

как и Великая Отечественная. Мы не знаем имен героев, не знаем их подвигов, не знаем даже того, что на эту «империалистическую бойню» русские солдаты шли с такой песней:

**«Смело мы в бой пойдём
За Русь святую
И, как один, прольём
Кровь молодую».**

Потом слова исправили, про войну постарались забыть и, надо сказать, преуспели: забывать проще, чем помнить и чтить. А если попробовать восстановить историческую справедливость?

Это была война между двумя коалициями, Антантой и Тройственным союзом, за преобладание в Европе и мире. Поводом к войне послужило убийство в Сараево 28 июня 1914 года сербским террористом Гаврило Принципом наследника австрийского и венгерского престолов эрцгерцога Фердинанда. Австро-Венгрия 28 июля объявила Сербии войну. Это автоматически привело в действие цепочку союзов. Россия 29 июля объявила всеобщую мобилизацию. Германия потребовала отменить мобилизацию, но Россия не ответила на этот ультиматум, и 1 августа Германия объявила войну России, а 3 августа — Франции...

Что за коалиции и союзы, почему убийство наследника австро-венгерского престола вызвало такой эффект, как развивались военные действия — непонятно.

Вот сухие статистические данные. К началу войны в русской армии имелось 7030 орудий (48 на дивизию) и 263 аэроплана, а во французской 4800 орудий (36 на дивизию) и 156 аэропланов. По технической оснащенности царские войска превосходили Францию и Англию, уступая только Германии и Австро-Венгрии. Что касается кадров, тактики и обучения личного состава, русские могли дать фору и немцам. Германские военные в начале войны вышагивали на поле боя, как на параде, в плотных шеренгах, а то и колоннах, держали равнение, шагали в ногу — и падали шеренгами под русской шрапнелью и пулеметами. Где же пресловутая «отсталость»?

20 августа 1914 года русские войска одержали блестящую победу под Гумбинненом и сорвали германский план Шлиффена, спасая тем самым от неизбежной гибели свою союзницу — Францию. Затем разгромили Австро-Венгрию, отобрали у нее Галицию, благодаря чему спасли и Сербию. Вражеские контрудары под Варшавой, Лодзью, в Карпатах завершились тяжелыми поражениями немцев и австрийцев. В декабре 1914-го — январе 1915-го под Сарыкамышем была почти полностью уничтожена турецкая армия, пытавшаяся прорваться в русское Закавказье.

И где здесь непрерывные поражения и прозябания в холодных окопах?..

Но эти успехи встревожили не только противников. Они переполошили западных союзников, испугавшихся, что победоносная Россия сможет диктовать условия мира, станет после войны лидером в международных делах.

Кстати, что же это были за союзники?

Наращение международной напряженности в конце XIX века привело к созыву в 1899 году Гаагской мирной конференции. Страны-участницы договорились о мирном урегулировании территориальных и иных конфликтов, о том, чтобы в будущих военных конфликтах не применять удушающие газы и вообще ограничить жестокие проявления ведения войны, о судьбе пленных и деятельности Международного Красного Креста. Но, несмотря на все эти соглашения, в Европе продолжали формироваться военно-политические блоки, находившиеся в остром противостоянии. С одной стороны таким блоком являлся Тройственный союз (Германия, Италия, Австро-Венгрия), а с другой — Антанта — «Сердечное согласие» (Великобритания, Франция и Россия).

Германия, Италия и Япония, которые «опоздали» к переделу мира, но, начиная с последней четверти XIX века, развивались невероятными темпами, желали получить свою долю от «колониального пирога».

Бурно развивающейся экономике Германии и Японии необходимы были новые пространства для сбыта своей продукции и конкуренции с другими державами.

Так что главной предпосылкой Первой мировой войны было желание нового передела мира со стороны развивающихся стран. У России такие амбиции отсутствовали, ей вполне хватало собственных территорий, и воевать за новые она не собиралась.

Но с 1899 по 1913 гг. Европа и мир, так или иначе, принимали участие в военных конфликтах. Англо-бурская война в Южной Африке, оккупация Японией Кореи, русско-японская война, Боснийский кризис,

две Балканские войны были своего рода репетициями. А чисто формальным поводом к началу самого «спектакля» послужил так называемый «выстрел в Сараево». Не случись его, чуть раньше или чуть позже нашелся бы другой повод.

А ведь начало двадцатого столетия стало невиданным ранее единством Европы как национального, политического, культурного целого, подчинившего себе практически всю планету в качестве колоний, либо распространившись за океаны, в Новый Свет. Конфликты между европейскими государствами являлись внутренними конфликтами, локализуясь в пределах континента. Напротив, по отношению к внешнему

миру до 1 августа 1914 года европейцы всегда выступали единым фронтом.

Не следует забывать также и о том, что Первая мировая война стала первым крупным глобальным конфликтом в условиях произошедшего технического и научного переворота. Эта война стала абсолютно новой, не похожей на все предыдущие конфликты и боевые действия. В ней были задействованы практически все государства мира.

Если вдуматься, почти все современные средства уничтожения, которые изобрело человечество в XX столетии и которые еще применяются в XXI веке, впервые появились на вооружении в период Первой мировой.

В то время, в начале прошлого века, когда еще использовались ар-

хаичные конные повозки и в городах ходили трамваи на конной тяге, вышли в море первые подводные лодки. Возможно, еще более грозным оружием стали самолеты. Тогда их называли аэропланами, они были еще несовершенны, но какой производили психологический эффект! Сразу же появилась и противовоздушная оборона — действие рождало противодействие. На полях Первой мировой войны впервые было применено современное химическое оружие и другие новые виды вооружения. Вообще можно сказать, что в то время научная мысль оказалась полностью направлена на создание средств уничтожения.

Теперь немного про «империалистическую бойню», на которую «кровавый царский режим затащил

Россию». Со стороны России война была справедливой. Кайзеровская Германия заранее готовила агрессию, нацеливалась, ни больше ни меньше, как на мировое господство. Ее геополитические проекты предусматривали лишить Россию выходов к морям, отчленить Финляндию, Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Украину. Союзница немцев, Османская империя, желала получить, «всего-навсего», Крым, Кавказ, Поволжье и всю Среднюю Азию.

Конечно, простые русские люди не знали тонкостей внешней политики, но, по общему впечатлению современников, они душой чувствовали, что борются за правое дело. Планы мобилизации опережались. Крестьяне и рабочие, не дожидаясь повесток, осеняли себя крестным знаменем и шли на призывные пункты. Многие люди, освобожденные от призыва, вступали в строй добровольцами.

Первый катастрофический удар России нанесли... нет, не враги, а «друзья». В условиях общего кризиса с вооружением и боеприпасами все участники войны лихорадочно реорганизовывали свою промышленную базу, и только русскому военному ведомству союзники как-то сумели внушить заказывать все необходимое на британских заводах «Виккерс-Армстронг». Как это удалось сделать, в точности не известно до сего времени.

Зато известно, что заказ на 5 млн. снарядов, 1 млн винтовок, 1 млрд

патронов, 8 млн гранат и другое оружие был принят, с отгрузкой в марте 1915 года, но не выполнен. Причем русских даже не сочли нужным предупредить об этом заранее. Результатом стал «снарядный голод», «винтовочный голод» — и, как следствие, «великое отступление». Нашим солдатам пришлось оставить Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии, Украины.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И. Иванов 20 мая 1915 года с тревогой сообщал начальнику Генштаба генералу Н.Н. Янушкевичу:

«Остающийся в моем распоряжении запас артиллерийских и ружейных патронов не покрывает даже четверти некомплекта их в войсках и полевых парках. Половина, а в некоторых армиях большая часть последних пуста. Увеличившийся за последние дни напор противника, который успел подвезти тяжелую артиллерию и, видимо, большой запас боевых припасов, повелительно требует пополнения их и у нас».

Командовавший 8-й армией генерал А.А. Брусиллов вспоминал, в каком состоянии находились оборонявшие крепость Перемышль ополченцы:

«...На двух фортах западного фронта Перемышля противник спокойно резал проволоку предфортовых заграждений, а гарнизон этих фортов не только сам не мешал этому делу, но и не позволял артиллерии стрелять вследствие опасе-

ния, что сильная неприятельская артиллерия обрушится на форты. Очевидно, что такие гарнизоны легко отдали форты врагу, который, таким образом, попал внутрь крепости. При таких условиях удерживать Перемышль дальше было невозможно...»

Обвинили во всем, естественно, правительство и, прежде всего, самого императора, который «не обеспечил». Впрочем, об этом можно прочесть в любом учебнике истории прошлого века.

Правда, в них не написано, что Россия справилась с тяжелым положением без помощи союзников. С некоторым запозданием она взялась перестраивать промышленность и совершила невероятный рывок. Невзирая на тяжелую войну, на потерю западных губерний, валовый объем продукции российской экономики в 1916 году составил 121,5% по сравнению с 1913 годом! По подсчетам академика Струмилина, производственный потенциал России с 1914 до начала 1917-го вырос на 40%. Возникло 3 тысячи новых заводов и фабрик. По выпуску орудий в 1916 году наша страна обогнала Англию и Францию, он увеличился в 10 раз, выпуск снарядов — в 20 раз, винтовок — в 11 раз. Положение с оружием и боеприпасами полностью нормализовалось.

Эти успехи немедленно сказались на ходе боевых действий. Отступление сменилось очередными победами. На Кавказе были взяты

Эрзерум и Трапезунд, казаки поймали коней в Тигре и Евфрате, вышли на подступы к Багдаду. В Брусиловском прорыве, который просто невозможно было замолчать, наши солдаты окончательно сломали боеспособность австро-венгерских войск и нанесли серьезный урон немецкой армии.

Наши воины совершали чудеса героизма. Хорунжий Семенов, возвращаясь с десятью казаками из разведки, узнал вдруг, что на тылы 1-го Нерчинского полка налетела германская кавалерийская бригада, захватила обозы, артиллерийский парк, знамя, и уходит, уводя пленных. Одиннадцать всадников налетели на арьергардную заставу врага. Паника покатила, нарастая, от хвоста к голове колонны, и неприятель обратился в бегство, бросив добычу. Было освобождено 400 пленных, отбито знамя и все трофеи...

Самолет «Илья Муромец» Авенира Костенчика при выполнении боевого задания получил два прямых попадания вражеских снарядов. Пилот, будучи контуженным и тяжело раненным, сделал еще круг, сбросив остаток бомб, а потом стал терять сознание. Его штурман сумел посадить машину, в которой позже насчитали 70 пробоин...

Летчик Александр Казаков сбил 32 неприятельских самолета, Петр Маринович — 22, Иван Смирнов и Виктор Федоров — по 20. Александр Прокофьев и Юрий Гильшер предварили подвиг Марс-

сьева — потеряв ногу, продолжали летать и одерживать победы с протезом.

Зимой 1916 года Кавказская армия штурмовала мощную крепость Эрзерум, считавшуюся неприступной. 1 февраля, когда наметился успех, начальник 39-й пехотной дивизии ввел в бой резерв, 154-й Дербентский полк. Но под убийственным многослойным огнем полк понес большие потери и залег. Узнав, что большинство офицеров выбито, священник отец Павел (Смирнов) поднял, как знамя, крест и повел дербентцев в атаку. Воодушевленные солдаты ринулись за ним и ворвались в турецкие укрепления. Сам отец Павел был тяжело ранен, ему ампутировали ногу.

Точно так же, возглавляя с крестом атаку, на Юго-Западном фронте погибли в 1916 году еще несколько полковых священнослужителей.

Генерал Брусилов вспоминал:

«В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастеров мелькали черные фигуры — полковые башушки, подогнув ряссы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и своим поведением... Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой».

На Западном фронте прославилась Мария Бочкарева. Дочь крестьянина из Томска, она с началом войны подала прошение о зачислении на службу. Император лично для нее сделал исключение. Она

воевала рядовым в 28-м Полоцком полку, четырежды была ранена и за доблесть заслужила полный Георгиевский бант из 4 крестов и 4 медалей. Была произведена в прапорщики...

«Ставропольской девой» прозвали героически погибшую у небольшого карпатского села в 1915 году сестру милосердия Римму Иванову, бывшую школьную учительницу, добровольно ушедшую на фронт. Она писала родным оттуда:

«Вы должны радоваться, если любите меня, что мне удалось устроиться и работать там, где я хотела... Дайте же мне быть истинной сестрой милосердия. Дайте мне делать то, что хорошо, и что нужно делать. Думайте, как хотите, но даю вам честное слово, что многое-многое отдала бы для того, чтобы облегчить страдания тех, которые проливают кровь. Но вы не беспокойтесь: наш перевязочный пункт не подвергается обстрелу... Жизнь вообще коротка, и надо прожить ее как можно полнее и лучше. Помогите, Господи! Молитесь за Россию и человечество... Опасность далеко от меня, ее нет...»

Солдаты души в ней не чаяли, считали своим живым талисманом и называли «святой Риммой». 9 сентября Оренбургский полк пошел в атаку. В 10-й роте были убиты оба офицера, солдаты смешались. Сестра милосердия, перевязывавшая раненых, поднялась и крикнула:

— Вперед! За мной!

Собрала вокруг себя тех, кто еще мог держать оружие, и повела в атаку. Солдаты, воодушевившись, разбили врага. Однако Римма была смертельно ранена. По словам очевидцев, она прошептала: «Боже, спаси Россию...» — и перекрестила окруживших ее рыдающих солдат. Ей был 21 год.

«Сестра милосердия стала предводителем воинства, совершила подвиг героя... Город наш, город Ставрополь! Какой славы сподобился ты! Франция имела Орлеанскую деву — Жанну д'Арк. Россия имеет Ставропольскую деву — Римму Иванову. И имя ее отныне будет вечно жить в царствах мира», — за-

явил на похоронах героини протоиерей Семен Никольский.

Указом Николая II Иванова была посмертно награждена офицерским орденом Святого Георгия IV степени. Это была единственная женщина, удостоенная такой награды.

Генерал Макс Гофман, в конце 1916 года ставший начальником штаба германского Восточного фронта, так подвел итоги кампании 1915 года:

«План Антанты закончить войну путем одновременного наступления русских масс на Пруссию и в Карпатах потерпел крушение. Русские потерпели поражение на всем фронте и понесли потери, от которых они уже больше не оправились. Но нам не удалось разгромить русских в такой степени, чтобы они были вынуждены заключить мир».

Даже к последующим годам войны, вопреки расхожему мнению, Россия отнюдь не надорвалась и не истекла кровью. Учет боевых потерь в то время велся весьма скрупулезно, и, согласно последней предреволюционной сводке от 26 февраля 1917 года, общее число убитых и умерших от ран по всем фронтам составило 598 764 офицеров и нижних чинов.

Для сравнения: в германской армии за тот же период погибло 1,05 млн, во французской — 850 тысяч солдат и офицеров. Количество пленных, захваченных русскими, и русских пленных у неприятеля было примерно одинаково, как и выживших по ранениям.

Можно, впрочем, привести и другое сравнение. Гражданская война, якобы спасшая Россию от «империалистической бойни», обошлась нашему народу в 15–17 млн. жизней, в основном, мирных граждан.

1917 год должен был стать... победным. Да-да, именно так, а не «гибелью державы», как нас постоянно убеждали. Противники уже на ладан дышали, у них начался голод, людские ресурсы были исчерпаны. Русские войска готовились к последнему решительному наступлению. На фронт широким потоком шло лучшее вооружение: пулеметы, орудия, броневики.

Намечалось ввести и новую форму одежды. Она была более удобной, кроме того, государь пожелал, чтобы форма была выполнена в русском национальном духе, напоминая воинам о славном прошлом. Ее изготовили по эскизам художника В.М. Васнецова. Для солдат вместо фуражек предусматривались остроконечные суконные шапки-богатырки, красивые шинели. Для офицеров шились легкие и практичные кожанки...

Но такое положение дел не устраивало ни оппозицию внутри страны, ни союзников, вовсе не желавших видеть Россию в числе самых могучих держав после окончания войны. Подрывная работа, постепенно набравшая обороты, развернулась по двум направлениям. С одной стороны, ее широко вели противники России, финансируя и активизируя

любые антигосударственные и революционные течения. Так что история о «запломбированном вагоне», который доставил в Россию будущих вождей революции, возникла не на пустом месте.

Однако не меньшие усилия прилагали и... союзники. Их пугало усиление России и то, что она будет претендовать на причитающуюся ей долю плодов победы. В подготовке революции деятельно участвовали правительства и спецслужбы США, Англии, Франции. Впрочем, можно отметить, что финансирование всей разрушительной работы — и со стороны Германии, и со стороны союзников, осуществлялось из одних и тех же транснациональных банковских кругов. Там и тут орудовали одни и те же банкирские семьи: Варбурги, Ротшильды, Моргань, Милнер, Шифф.

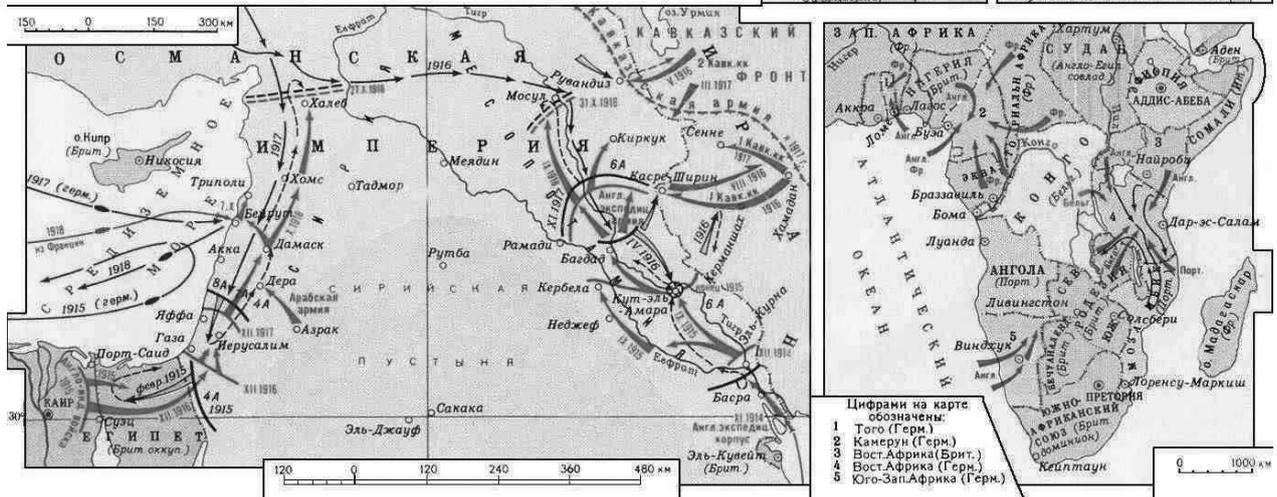
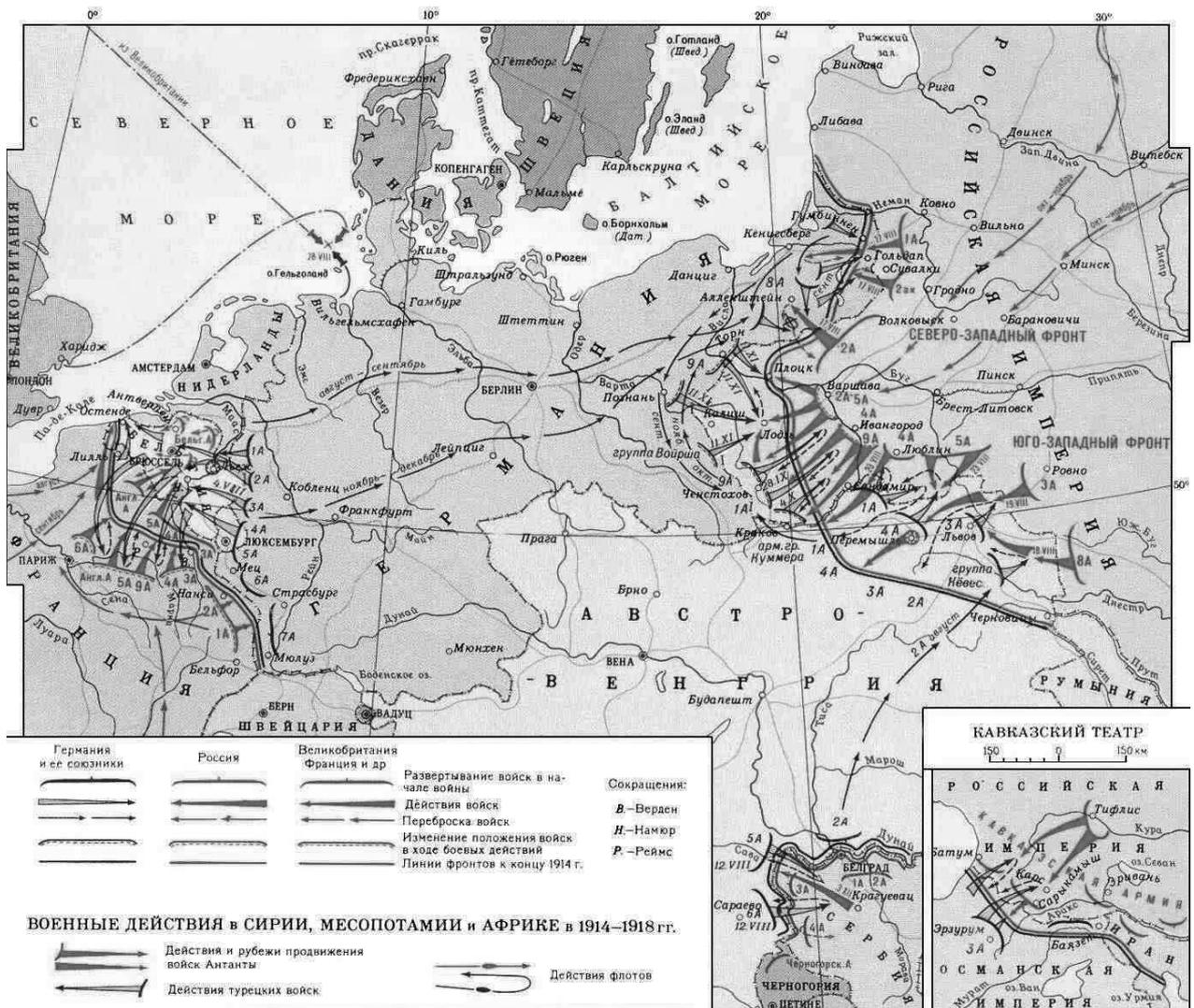
Война значительно облегчила эту деятельность. Шло обычное расслоение — патриоты стремились на фронт, а в тылу оседали шкурники. Кадровая армия понесла серьезные потери, а запасников, призванных «от сохи», уже в тыловых казармах обрабатывали агитаторы. Раскачке способствовали и мягкие законы. Российская империя была единственной воюющей страной, сохранившей вполне мирный тыл и не ограничившей «демократические свободы». Например, Дума имела возможность выплескивать любую грязь с трибун, пресса — печатать все, что оплатят заказчики, рабочие — бастовать,

сколько вздумается. Мало-мальски жесткие меры по наведению порядка тут же блокировались Думой, а думские либералы находились под откровенным покровительством союзников, с которыми император считал себя не вправе ссориться в условиях войны. Он был глубоко убежден — невзирая на различия политических взглядов, русские люди для достижения победы должны сплотиться. Это еще один штрих к его портрету — удивительная наивность Николая II, безоговорочно верящего во всеобщее благородство и чувство долга.

Военные неудачи привели к кризису в российском военно-политическом руководстве. 23 августа 1915 года Николай II переместил великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего русской армией наместником на Кавказ и сам занял его место.

Большинство монархистов негативно оценивали поступок царя, полагая, что в случае новых поражений общественное мнение будет теперь винить во всем царя. Не одобрила этот шаг и либеральная оппозиция, симпатизировавшая Николаю Николаевичу и опасавшаяся, что сосредоточение всей власти в руках Николая II еще больше отдалит страну от назначения ответственного перед Думой правительства («ответственного министерства»).

Фактически боевыми действиями стал руководить генерал М.В. Алексеев, 31 августа назначенный на-

чальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего. Военный министр Владимир Сухомлинов оказался «козлом отпущения»

за неподготовленность к войне и был заменен близким к думским кругам генералом А.А. Поливановым.

Между тем опальный Сухомлинов категорически отрицал свою ответственность за поражения русской армии. В своих мемуарах он утверждал:

«...Я отрицаю... всякий упрек в неготовности русской армии перед открытием кампании. Лишь в 1914 году по моей инициативе... утвержденная программа усиления нашей армии, ее пополнения и вооружения могла в действительности создать наши вооруженные силы в полной готовности для активного участия в европейской войне, но не ранее 1916 года. В критические дни перед объявлением войны я... был устранен с того момента, когда русские дипломаты, в особенности Сазонов, не считаясь с моим мнением о состоянии армии, считались с великим князем Николаем Николаевичем и подчиненным мне начальником генерального штаба генералом Янушкевичем, который злоупотребил моим доверием... Мое мнение о состоянии наших вооруженных сил было известно государю. Знание этого именно моего мнения о нашей армии было причиной, вследствие которой великий князь Николай Николаевич, Сазонов и Янушкевич действовали помимо меня».

Кроме всего прочего, личные взаимоотношения внутри императорской фамилии не были безоблачными. Хотя и не предполагалось, что одни люди царской крови станут мечтать об устранении других лиц царской крови. И даже — о фи-

зическом устранении. Но дело, увы, впоследствии дошло именно до этого.

Между царицей Александрой Федоровной и великим князем Николаем Николаевичем существовала личная вражда, возникшая из-за Григория Распутина. Когда-то великий князь Николай Николаевич, доставивший Распутина ко Двору, рассчитывал через него управлять царской семьей, но вскоре Распутин вышел из-под контроля, после чего и он, и царица стали врагами властолюбивого великого князя.

В начале 1917 года великий князь отказался от предложения оппозиционных заговорщиков стать императором, но не доложил об этом своему племяннику и сюзерену. А в ходе Февральской революции он стал одним из тех семи высших командиров, которые не только не поддержали царя в борьбе со столичным мятежом, но и оказали всемерное давление на императора в плане отречения от престола.

И это при том, что великий князь, вне сомнения, являлся безусловным и искренним патриотом России. Просто залог сохранения страны и монархии Николай Николаевич, как и подавляющее большинство членов императорской фамилии, видел в отречении Николая II.

Он просто «забыл», что не кто иной, как он сам в числе многих прочих готовил общественное мнение к подобному исходу. Вдобавок фигура Распутина оказалась столь

удобной мишенью для антиправительственной пропаганды, что, как говорится, если бы Распутин не было, его следовало бы придумать. Помимо генерала В. А. Сухомлинова «во главе» «шпионов» оказался и сам Распутин. О том, что он был одним из немногих приближенных к императору лиц, кто протестовал против войны с Германией, старались не вспоминать — ведь вся оппозиция приветствовала войну, рассчитывая на переход власти в ее руки в период военной невзгоды.

Еще одна любопытная деталь: летом 1916 года появился сценарий, согласно которому США должны были вступить в войну только после свержения русского царя. Тогда сама война будет выглядеть борьбой «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». А ведь срок вступления США в войну оговаривался заранее — весна 1917 года. И сценарий был с блеском воплощен в жизнь. В тот самый момент, когда победа была совсем близка, России вонзили нож в спину, и вместо триумфа наша страна посыпалась в развал и хаос, в кровавую мешанину...

6 апреля 1917 года Америка объявила войну Германии. В США опасались, что Антанта может потерпеть поражение или хотя бы свести войну «вничью». Это не только поставило бы под угрозу американские вложения в военное производство для союзников, но и сохранило бы Германию в качестве глав-

ного торгового и промышленного конкурента Соединенных Штатов. С вступлением США в войну поражение Германии было предопределено, так как ресурсы Антанты неизмеримо возросли.

А вот истощение сил и, в частности, почти полное уничтожение посланных на Юго-Западный фронт гвардейских полков, из которых сформировали Особую армию, подорвали способность русской армии к дальнейшей борьбе. Как отмечал полковник лейб-гвардии Финляндского полка Дмитрий Ходнев: «К февралю 1917 года, понеся за время войны страшные потери, гвардейская пехота как таковая почти перестала существовать! «Старых» — кадровых офицеров, подпрапорщиков-фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых «мирного» времени, получивших в родных полках должное воспитание, понимавших и свято хранивших свои традиции, видевших мощь, славу, величие и красоту России, обожавших царя, преданных ему и всей его семье, — увы, таких осталось совсем мало! В действующей армии, в каждом гвардейском пехотном полку насчитывалось человек десять-двенадцать таких офицеров (из числа вышедших в поход 70–75) и не более сотни солдат (из числа бывших 1800–2000 мирного времени). В каждом бою гвардейская пехота сгорала как солома, брошенная в пылающий костер... Перебрасываемая постоянно с одного участка

фронта на другой... посылаемая... в самые опасные, тяжелые и ответственные места, гвардия все время уничтожалась. Будь гвардейская пехота не так обессилена и обескровлена, будь некоторые ее полки в Петрограде — нет сомнения, что никакой революции не случилось

бы, так как февральский бунт был бы немедленно подавлен».

Но гвардия была — увы! — почти полностью уничтожена на фронте, и остановить нараставший хаос внутри страны было некому.

К концу февраля 1917 года, когда в России произошла революция,

положение на фронте оставалось стабильным. Продолжалась однообразная позиционная война, способствовавшая падению морального духа войск. Еще с осени 1916 года в русской армии резко усилились антивоенные настроения. Солдаты устали от войны, целей которой они не понимали, а почти все кадровое офицерство оказалось к тому времени выведено из строя. Офицеры же военного времени — призванные из запаса и выпускники школ прапорщиков — зачастую не имели необходимого командирского опыта и авторитета у подчиненных.

13 марта 1917 года Временный комитет Государственной думы обратился к армии и флоту с призывом «сохранить полное спокойствие», пообещав, что «общее дело борьбы против внешнего врага ни минуты не будет прекращено или ослаблено». От войск требовали «так же стойко и мужественно, как доселе... продолжать дело защиты своей родины». Сменившее Временный комитет Временное правительство подтвердило лозунг: «Война до победного конца!» Однако революция посеяла в армии семена разложения, давшие быстрые всходы на подготовленной почве.

Путь к восстановлению боеспособности армии Временное правительство видело в организации победоносного наступления. Опытные генералы и офицеры к успеху подобного замысла относились край-

не скептически. Будущий донской атаман и известный писатель, а тогда командир 2-й Сводной казачьей дивизии генерал Петр Краснов вспоминал:

«...Меня спросили, как я смотрю на переход в наступление революционными войсками, с комитетами во главе. Я ответил, что, как русский человек, я очень хотел бы, чтобы оно завершилось победой, но, как военному, сорок лет верившему в незыблемость принципов военной науки, мне будет слишком больно сознавать, что я сорок лет ошибался».

О ненадежности армии предупреждал и Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев, 29 апреля писавший военному министру А.И. Гучкову:

«С большим удивлением читаю отчеты безответственных людей о «прекрасном» настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя — это роковое самообольщение. Надо называть вещи своими именами, и это должны сделать Временное правительство, трезвая печать, общество, все партии, пользующиеся авторитетом масс, коим дорога свобода народов, населяющих Россию».

Однако решение о начале наступления все-таки было принято.

Первоначально русское наступление должно было проходить одновременно с наступлением союзников — в апреле 1917 года, но революция в России нарушила со-

гласованные планы. В результате, на Западном фронте англичане и французы пошли в наступление тогда, когда на Восточном фронте боевые действия фактически прекратились.

Впрочем, новый военный министр Александр Керенский и новый Верховный главнокомандующий генерал Алексей Брусилов настаивали на том, что главный удар должен быть нанесен на Юго-Западном фронте, чтобы вовлечь всю массу солдат в бои и отвлечь ее от разлагающего влияния политизированного тыла. Керенскому и другим правительственным агитаторам из числа меньшевиков и эсеров удалось убедить солдатские комитеты всех фронтов и армий поддержать наступление, одобренное также всероссийскими съездами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он говорил солдатам:

— Ваша армия при монархе совершала подвиги. Неужели она при республике окажется стадом баранов?

Но было поздно. Многие части отказывались продолжать наступление. Солдаты самовольно покидали позиции. Приказы командования обсуждались на митингах и чаще всего не выполнялись. Участились убийства офицеров.

В октябре, когда солдаты уже толпами покидали фронт, неизбежность скорой военной и политической катастрофы стала ясна всем.

А в начале ноября власть перешла уже в руки большевиков.

Партия Ленина пришла к власти под лозунгом: «Мир без аннексий и контрибуций!» И первым постановлением новой власти стал Декрет о мире, содержащий обращение ко всем воюющим странам немедленно начать мирные переговоры.

20 ноября 1917 года нарком иностранных дел Лев Троцкий обратился к воюющим государствам с предложением заключить общий мир. С этого момента прекращение огня было фактически установлено на фронтах России со странами германского блока. Страны Антанты отвергли предложение о перемирии и мирных переговорах, а Германия и ее союзники, надеясь избавиться от русского фронта, его приняли.

3 декабря начались переговоры о мире в Брест-Литовске. 15 декабря было заключено официальное перемирие. Центральные державы формально соглашались на мир без аннексий и контрибуций, но лишь при условии, что такую же позицию займут и государства Антанты. Однако при этом Германия настаивала на сохранении своих колоний и считала, что оккупация Польши, Литвы и Курляндии должна продлиться до заключения всеобщего мира.

9 января 1918 года советскую делегацию возглавил Троцкий. Насчет возможности продолжать войну ни он, ни Ленин нисколько не заблуждались.

Троцкий настаивал: «Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». Когда В.И. Ленин выразил опасение, что немцы все-таки возобновят наступление, он заявил:

— Тогда мы вынуждены будем подписать мир. Но для всех будет ясно, что у нас нет другого исхода. Этим одним мы нанесем решительный удар легенде о нашей закулисной связи с Гогенцоллерном. Конечно, тут есть свои плюсы. Но это слишком рискованно. Если бы мы должны были погибнуть для победы германской революции, мы были бы обязаны это сделать. Германская

революция неизмеримо важнее нашей. Но когда она придет? Неизвестно. А сейчас нет ничего более важного на свете, чем наша революция. Ее надо обезопасить во что бы то ни стало.

Германская сторона сочла, что отказ от подписания мира дает достаточно оснований для прекращения перемирия. 18 февраля немецкие и австро-венгерские войска начали наступление и быстро продвигались вперед, практически не встречая сопротивления. 24 февраля немцы заняли Псков, 1 марта — Киев, 3 марта — Нарву.

На Украине интервенты 29 апреля свергли Центральную Раду

и привели к власти генерала царской армии Павла Скоропадского, провозглашенного «гетманом всея Ук-раины». Петроград решено было не брать, поскольку сил для оккупации России у Германии и ее союзников уже не было.

Теперь Троцкий всецело поддержал Ленина в необходимости достижения мира любой ценой. 19 февраля советская сторона заявила о принятии прежних германских условий. Однако 21 февраля немцы выдвинули новые, гораздо более тяжелые.

3 марта был подписан договор, по которому Германия удерживала за собой все оккупированные территории до заключения всеобщего

мира, а Россия навсегда отказывалась от Польши и Прибалтики и должна была признать независимость Украины и Финляндии, где находились германские войска. Турции возвращались Батум, Ардаган и Каре.

Хотя 15 марта Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор, немецкие войска в апреле и начале мая захватили Крым и Ростов-на-Дону, а в конце мая-начале июня — Грузию. 15 сентября турецкие войска вошли в Баку. Кроме того, по дополнительному договору от 27 августа 1918 года Германия должна была получить контрибуцию в 6 миллиардов марок.

13 ноября после капитуляции Германии Брестский мир был аннулирован. Ленин называл его «несчастливым миром» и рассматривал как необходимую передышку для становления новой власти. Он был уверен, что скорая революция в Германии превратит Брестский договор в клочок бумаги, и не ошибся в расчетах.

И все же исход войны определился не на полях сражений. Западные правительства и спецслужбы использовали против Германии и ее союзников такое же оружие, как и против нашей страны — революционное разложение. Осуществлять подобные операции оказалось не так уж сложно. Ведь теперь они велись через Россию. Разрушительными идеями заражались пленные, возвращаемые немцам и австрийцам, заражались их гарнизоны на оккупированной террито-

рии. В Берлин засылались эмиссары большевиков, направляли значительные средства и ценности. Не сидели сложа руки и американцы с англичанами, подкармливали и подпитывали либералов, социал-демократов.

После того как союзные войска прорвали «Линию Зигфрида» и фронт на Балканах, в стане их противников забурлило недовольство, выплеснувшееся в открытые мятежи. Началась революция в Болгарии, 29 сентября она капитулировала. В октябре революция охватила Османскую империю. 3 ноября вышла из войны Австро-Венгрия и тут же развалилась на части, охваченная пожарами восстаний. А после падения последней союзницы перехлестнуло и в Германию.

Кайзер Вильгельм отрекся от престола и сбежал в Голландию. К власти пришли социал-демократы,

наивно поверившие агитации Вильсона, что война ведется только против кайзера, а с демократической властью победители обойдутся мягко.

11 ноября 1918 года в Компьене германская делегация подписала перемирие. Присутствовали представители Франции, Англии, США, Италии, Сербии, Греции... Пригласить русских не сочли нужным. Президент Франции Клемансо красноречиво пояснил: «России больше нет».

«Мягкий» договор полной капитуляции, обязывавший Германию оплатить нанесенный ущерб другим странам, был подписан в 1919 году. Она была вынуждена не только отказаться от ряда своих территорий, но и выплатить репарации на сумму 226 миллиардов рейхсмарок. России же война обошлась еще дороже — платили не золотом, а кровью русских людей...

Но это уже другая история, а мы вернемся к военным годам и к некоторым их особенностям, в большинстве своем неизвестных широкому читательским кругам.

В Первой мировой войне помимо солдат почти всех национальностей мира участвовало и множество «братьев наших меньших». Животные были специально дрессированы для военной службы, иногда даже числились как одно из военных подразделений в составе армии.

Дрессированные собаки использовались в качестве посыльных, переносили приказы и письма между разными частями линии фронта. Прика-

зы в специальных капсулах крепились к туловищу собаки, после чего собака-говец отправлялась по выученному маршруту. Также собак использовали для прокладки телеграфных линий по всей длине фронтальной полосы.

Во время войны существовала и специальная российская программа по использованию морских млекопитающих: дельфинов, тюленей и морских львов в военных целях — для обнаружения подводных мин или обезвреживания аквалангистов-диверсантов. В 1915 году Генеральный штаб ВМФ Российской империи обратился к знаменитому дрессировщику Владимиру Дурову с предложением обучить тюленей искать мины. Дуров обучил 20 животных, но программа провалилась, так как в один день дрессировщик обнаружил всех тюленей мертвыми. Они были отравлены. В совершенном преступлении обвинили немецкую разведку.

В полевых условиях, когда перемещения были крайне затруднительными, солдаты часто использовали голубей как для переноски почты, так и для передачи приказов между частями фронта. За большие заслуги в Первой мировой войне голубю № 888 Великобританской армии было присвоено звание полковника, а после смерти он был захоронен со всеми воинскими почестями. Также были попытки более изощренного применения голубей в полевых условиях, например для аэрофотосъемки местности. Первый патент на по-

добное изобретение в 1908 году был выдан немцу Юлиусу Нойброннеру, однако по разным причинам технология так и не заработала подобающим образом. Во время Второй мировой войны фотографирование боевой местности с использованием голубей иногда использовалось как в немецких, так и в американских и французских войсках.

Помимо собак в окопах солдаты держали и кошек, но не для домашнего уюта, а в качестве индикатора воздуха. Жестоко, конечно, но внезапная смерть четвероногого любимца могла быть признаком того, что началась газовая атака и необходимо спасаться, надевая противогазы.

Кстати, вопреки общепринятому мнению, немцы не были первыми, кто в полевых условиях использовал химическое оружие. В августе 1914 года французы атаковали немецкие окопы, забросав их слезоточивым газом (в большой концентрации способным даже ослеплять). В январе 1915 года немцы использовали аналогичные бомбы против русских, но из-за холода газ превратился в жидкость и не нанес вреда противнику. Тем не менее, немцы первые использовали смертоносные газы, содержавшие большую концентрацию хлора.

По подсчетам экспертов, за все время войны было использовано приблизительно 30 разновидностей смертельных газов. Франция, Великобритания и Германия (в общем счете по отношению к против-

нику) использовали почти 119 тонн ядовитых газов. Приблизительно 1 200 000 солдат подвергались газовым атакам, и почти 100 тысяч из них погибли мучительной смертью, отравившись ядовитыми газами.

Эффективные противогазы с респираторами, дававшие надежную защиту от газовых атак, появились лишь в 1918 году, когда война уже близилась к своему завершению. До этого солдатам рекомендовали использовать тряпки, напитанные мочой, как одно из средств защиты.

Множество солдат, переживших газовые атаки, ослепли или получили ожоги разной степени тяжести, поэтому многие страны подписали договор об отказе от химического оружия в военных действиях.

Каждый школьник в России знает о подвиге защитников Брестской крепости. Но далеко не каждому известно, что чуть меньше чем за четыре десятилетия до этого на счету русских солдат уже была подобная безнадежная битва. Осада небольшой крепости Осовец, прикрывающей путь на Белосток, продолжалась 190 дней. Прославилась она в первую очередь безнадежной контратакой 13-й роты 226-го Землянского полка.

24 июля 1915 года немцы предприняли массированную газовую атаку. У русских солдат практически не было индивидуальных средств защиты, и все они получили отравления той или иной степени тяжести. Большая часть гарнизона погибла или получила тяжелейшие отравле-

ния. Немецкие части под прикрытием артиллерии пошли в атаку, но навстречу им из зеленых клубов хлора выступили фигуры людей, больше похожих на ходячих мертвецов, с лицами, замотанными тряпками, со слезящимися глазами, в изорванных гимнастерках, беспрерывно кашляющих, но сжимающих в руках винтовки. Атаку возглавил подпоручик Владимир Котлинский.

Немцы были отброшены на свои исходные позиции, но сам офицер погиб. Посмертно он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Позже по приказу командования русские части оставили крепость Осовец...

За Первой мировой войной 1914–1918 годов, с легкой руки советских

историков, закрепилось название «империалистической» или «германской». А ведь вплоть до октябрьских событий 1917 года она именовалась не иначе, как «Великой» и «Второй Отечественной» (первая — в 1812 г.).

В сегодняшней России она во многом продолжает оставаться войной «неизвестной», что не удивительно: любая память о ней тщательно вымарывалась со страниц учебников истории, а ее материальные свидетельства в виде русских воинских захоронений безжалостно разорялись (как, например, кладбище георгиевских кавалеров на Соколе в Москве) или исчезали, приходя в запустение.

Исключение, пожалуй, составляют только некоторые места погреб-

бений в Калининградской области РФ — бывшей территории Восточной Пруссии, да русские мемориалы на территории зарубежных государств: Польши, Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Чехии, Словакии, Франции, Греции, Сербии и других.

К сожалению, сформировавшаяся в советские годы трактовка Первой мировой войны, как позорной и бесславной, продолжает доминировать: как будто не было победоносной Галицийской битвы (1914), беспримерной по своему героизму обороны крепости Осовец (1914–1915), Эрзурумского сражения и взятия Трапезунда (1916)... Единственное отступление от общего правила — Брусиловский прорыв

(1916), все-таки упоминаемый в советской историографии.

Георгиевские ленточки, которые сейчас раздают во время празднования Дня Победы, многие ассоциируют только с Великой Отечественной войной, но это ведь символ российской славы еще с давних времен. Если бы не предательство изнутри — призыв «развернуть штыки против эксплуататоров», и не двурушничество союзников, совершенно не заинтересованных в победе России, мы могли бы праздновать совсем другой День Победы и — как знать! — избежали бы ужасов войны с фашизмом, за отсутствием такового.

Впрочем, у истории нет сослагательного наклонения. □

Э

Эрнест Хемингуэй

ШИЛЛЕСОВА

ПЯТА

В давние непросвещенные времена бытовало выражение: «In vino veritas», означавшее примерно следующее: под влиянием чашки напитка с градусами человек срывал с себя маску сдержанности и условностей и показывал свое истинное лицо. Оно могло быть радостным, поэтическим, неприятным, а то и невероятно драчливым. По грубой шкале наших предков эти вновь открываемые особенности человека проявлялись в следующем порядке: смех, пьяные слезы и стремление помахать кулаками.

Иной человек, скорлупа которого удаляется под разъедающим действием алкоголя, может являть собой крайне непривлекательную внешность, напоминая сморщенного, бесформенного краба-отшельника, лишённого защищающей его раковины. А другой, с каменно-подобной внешностью, приняв на грудь, может оказаться искренним, щедрым и компанейским. Но при этом есть люди, на чью внутреннюю сущность алкоголь оказывает такое же воздействие, как выплеснутый на пирамиду уксус — на мумии, покоящиеся внутри саркофагов.

Про таких людей говорят, что у них удивительные головы, большинство неправильно воспринимает голову как главный защитный рубеж в борьбе человеческого тела с алкоголем. Если уж говорить о физиологии, то эти люди могут похвастаться желудком, не впитывающим алкоголь. Но не создать барной саги на желудке, который не впитывает алкоголь! Это так

же сложно, как и убедить тяжело раненого солдата, что он воевал с германским государством и ни в коей мере с народом Германии.

Этот рассказ о желудках, не выпитых алкоголем, стрельбе, деснице Божьей и об истинном месте средоточия эмоций. Впрочем, речь обо всем этом пойдет не в вышеуказанном порядке, а начнется с десницы Божьей.

В те давние дни, когда коктейли пили из чайных чашек, Десница Эванс был киллером. Ныне киллер в значительной мере отличается от стрелка. Стрелком по нынешней моде принято считать человека с двумя револьверами, волевым подбородком, широкополой шляпой, южным выговором и привычкой ворочать челюстью так, чтобы на крупных планах бугрились лицевые мышцы (аналогичного эффекта можно добиться, не расставаясь с жевательной резинкой). И, конечно же, рукоятки двух огромных револьверов должны торчать из открытых кобур, низко висящих на ворсистых штанах. Он может выглядеть крутым, но на самом деле у него добрейшее сердце, и в последней части фильма все получится как нельзя лучше.

Киллеру не свойственна ни одна из главных характеристик стрелка. Он тихий, невзрачный, совершенно неприметный профессиональный поставщик смерти. Внешне киллеры могут сильно различаться, но, как общность, они любят работать парами и в близком контакте с жертвой. Предпочтение близкому контакту обусловлено тем, что обычно киллер — стрелок скверный. В городе не так уж и много возможностей потренироваться в стрельбе из автоматического пистолета, но, если до цели не больше десяти футов, не обязательно быть метким стрелком. Опять же, у каждого киллера есть слабое место, которое полицейский Джек Фаррелл называл «эшиллесовой пятой». Как бы не бахвалились киллеры, слабое место находилось у всех.

Но Десница Эванс был исключением. Его прозвищем стало сокращение от десницы Божьей. Это странное для представителя преступного мира прозвище прилепилось к нему еще в Сиэтле, прежде чем он отправился на восток. После того, как он выполнил первый заказ на Среднем Западе, Роки Хейфиц, владелец салуна на углу Девятой авеню и Гранд-стрит держал речь перед группой завсегдаев, сидевших у стойки, сопровождая слова уколами пухлого пальца.

— Если эта птичка — Десница Божья, я вам скажу, что у Господа отличный прямой левой. Вот кто эта птичка: Божий Прямой Левой. Он из тех, кто стреляет быстрее, чем вы сможете открыть рот. Вы тут болтаетесь и надуваете щеки, будто лучше вас никого нет, но я не советую вам переходить дорогу Деснице, — говорил Роки, постукивая по стойке деревянной лопаточкой.

Первое заказное убийство Десница совершил не без шика. Кому-то потребовалось убрать некоего Скотти Дункана. Он много чего знал, и возникли подозрения, что имеющуюся у него информацию он сливает слугам закона. Десница потребовал «двести долларов аванса, деньги на отъезд и чек на двести долларов после выполнения заказа». Вроде бы получалась огромная сумма за то, чтобы отправить к праотцам одного человека, но Десница объяснил: «Согласиться или отказаться — дело ваше. Я за гроши не работаю. Наймите какого-нибудь дешевого козла, если хотите облома». Они согласились, потому что никому не хотелось, чтобы от убийства Скотти Дункана, учитывая его связи в полиции, потянулась ниточка к местному криминалу.

Короче, вскоре после полудня, когда Скотти Дункан обычно выходил из ресторана «У Вульфа», куда постоянно заглядывал на ленч, Десница Эванс, хладнокровный, невысокого роста, чернявый, стоял в коридоре бара Хей-фица у приоткрытой входной двери. С неспешной точностью чемпиона по бильярду, выполняющего несложный удар, он достал из кармана грозного вида автоматический пистолет, выстрелил один раз, когда Дункан появился на другой стороне улицы, посмотрел, как он падает на тротуар лицом вниз, а потом, сунув пистолет в карман, прошел к стойке бара.

Роки поставил перед ним бутылку виски, и Десница налил себе пол-стопки.

— Выстрел в голову, — доверительно объяснил он Роки, благо, по предварительной договоренности бар пустовал, — проще и чище, а если пуля с мягким наконечником, ты знаешь, что цель достигнута.

Он выпил виски, запивать водой отказался, взял шляпу с мягкими полями и длинное свободного покроя пальто с крючка на стене, подхватил с пола дорожную сумку и направился к черному ходу. «Эй, Десница! — прокричал Роки, выходя из-за стойки. — Я бы хотел позать тебе руку!»

— Не называй меня Десницей, — ровным голосом ответил Эванс и открыл дверь, ведущую в проулок. — И я никому не пожимаю рук.

После этого город какое-то время Десницу Эванса не видел.

Изредка о нем приходили разрозненные вести. Он объявился в Нью-Йорке. Кого-то пришел. Покинул Нью-Йорк. Никто не знал, где он. Полагали, что снова на Западе. Потом он убил человека в Новом Орлеане. Месяц или два о нем не слышали, после чего он объявился в Чикаго и снова кого-то убил. Всякий раз прослеживалась одна и та же схема. Десница Эванс появлялся в городе. Следовало убийство без свидетелей или со свидетелями, которые предпочитали держать рот на замке. Десница Эванс исчезал. Он работал по самым высоким ставкам, и работал один. Никому не помогал сам и ни с кем не делился своими заказами.

Представители древнейшей профессии не могли его зацепить, и единственной возможной слабостью была выпивка. Пил он слишком много, но спиртное не оказывало на него никакого видимого эффекта. Когда его соседи по барной стойке становились плаксивыми или драчливыми, он всегда оставался Десницей Божьей, смертоносным, как гремучая змея, только без предупреждающего постукивания погремушек.

Поэтому, когда Десницу увидели в баре Роки Хейфица после двух лет отсутствия, у тех горожан, которым стало известно о приезде, его возвращение вызвало массу догадок, испуг, а в двух случаях ледяной, парализующий ужас. Догадки, конечно же, строились на реалиях жизни: появление Десницы Эванса куда более верный знак того, что кто-то в самом ближайшем времени умрет, чем почитаемый в Ирландии крик баньши. И все, кто знал ситуацию изнутри, гадали, кому предстояло умереть. Ледяной, парализующий, высасывающий все соки страх испытывали Пинки Миллер и Аик Ланц. При этом радость переполняла сердце Джека Фаррелла.

Блестяще организованный уход Скотти Дункана не остановил утечку информации, которая грозила поставить под удар дамбу безопасности, защищавшую тех, кто предпочитал не афишировать свою деятельность, и внезапно прорвавшийся сквозь нее поток мог подхватить их и забросить в тюремную камеру. Пинки Миллер и Аик Ланц прекрасно понимали, как и почему их вечное молчание укрепит безопасность определенных лиц. Страх, что Десница Эванс появился в городе по их душу, пугала до тошноты, и они прекрасно помнили Скотти Дункана, лежащего на тротуаре перед рестораном «У Вульфа», с аккуратной круглой дырочкой во лбу и огромной дырой, через которую могло пролезть куриное яйцо, в затылке. В итоге они пошли к Джеку Фарреллу.

— Десница Эванс в городе, — сообщил Пинки, глядя через стол на мясистое, с тяжелой челюстью лицо Джека Фаррелла, царя полицейского участка на Пятнадцатой улице.

— Знаю. — Фаррелл аккуратно сплюнул в плевательницу, стоявшую в углу, и вновь сунул в рот сигару.

— И что вы собираетесь с этим делать? — спросил Аик.

— Ничего, — ответил Фаррелл, насмешливо глядя на них из-под седых кустистых бровей.

— Ничего, — чуть ли не выкрикнул трясущийся от страха Пинки. — Ничего. Он же приехал, чтобы грохнуть нас. И он это сделает. А вы говорите «ничего».

Он стукнул кулаком по столу, его лицо порозовело от эмоций. «Или вы не знаете, что он приехал, чтобы убрать меня и Айка?»

— Само собой, — ответил Джек Фаррелл и вновь повернулся к плевательнице.

— Не дразните нас, Джек, — в голосе Айка слышалась мольба, хотя он держал себя в руках. — Мы знаем, что мы — «стукачи». Но я видел Скотти Дункана. Не дразните нас, Джек.

Фаррелл вытащил сигару изо рта, откинулся на спинку стула, посмотрел обоим в глаза:

— Я вас не дразню. У нас ничего нет на Десницу Эванса. Мы знаем, что он грохнул Скотти, но улики-то нет.

— Как насчет Хейфица? — взвизгнул Пинки.

— Хейфиц? Хейфиц поклянется, что никогда не видел Десницу. А что еще мы можем ему предъявить? Допустим, арестуем за бродяжничество или для того, чтобы допросить, но все равно не продержим под замком больше двадцати четырех часов. Он не бродяга и на допросе не расскажет ничего нового. Мы и так все знаем. Так что кому-то предстоит поездка в один конец. На станцию назначения, откуда не возвращаются. Но ты же не боишься умереть, Пинки, так?

— Не дразните нас, Джек. — Присущая ему национальная сила духа позволяла Айку держаться с большим достоинством, чем скулящий Пинки. — Неужели ничего нельзя сделать?

— Укокошьте его сами и смойтесь, или наройте на него что-нибудь, и я посажу его. — Фаррелл самодовольно затянулся сигарой.

— Вы знаете, что мы не сможем укокошить его. Мы не киллеры, — взмолился Аик.

— Он же пьет, так? И будет пить, с кем угодно. Может, он приехал и не по ваши души, парни. Может, вы ему совсем и не нужны. Напоите его, и, возможно, он что-нибудь сболтнет. Напоите его сегодня у Хейфица. Я постараюсь вам помочь, чем смогу, парни.

— Чем помочь? — проверещал Пинки. — Он же не обычный киллер, иначе мы могли бы попытаться справиться с ним или послали бы кого-нибудь, чтобы его шлепнули. Но этот парень — ходячая смерть. Никто не может к нему подобраться, и у него нет слабых мест. Он убьет любого, кто попытается даже ущипнуть его.

— Слабые места есть у всех, — возразил Фаррелл. — А теперь выматывайтесь отсюда.

«Стукачи» открыли дверь и тихонько выскользнули из кабинета.

Фаррелл потянулся к настольному телефонному аппарату и продиктовал телефонистке номер.

— Привет, Роки. Это Джек. Кто-нибудь есть рядом? Хорошо. Да. Я знаю, что ему нужен я. Двое «стукачей» только что заходили. До смерти напуган-

ные. Но у нас ничего на него нет. Да. Я понимаю, почему ты не можешь дать показания. «Стукачи» собираются напоить его вечером. Он хочет грохнуть меня завтра? Я бы поступил так же. Зачем размениваться на сошек, если можно добраться до человека повыше. Хорошо. Да, вот что, Роки, я посылаю тебе пластинку для фонографа. Вечером, около половины двенадцатого, позвоню тебе от «Вульфа» на другой стороне улицы. Поставь пластинку. Ту, что я тебе пришлю. Он будет пить, и два «стукача» тоже там будут. После того как заиграет пластинка, будь готов в любой момент нырнуть под стойку. Да. Все хорошо. Пока, Роки.

Он положил трубку, надел шляпу, нашел в ящике стола новую сигару и, посвистывая, двинулся к двери.

В этот вечер Десница Эванс, невысокого роста, смуглолицый, с каменными глазами, расположился в баре Роки Хейфица, поставив правую ногу на бронзовую рейку, которая тянулась вдоль стойки. Пальцы левой руки обнимали бутылку виски, из которой он регулярно наполнял маленький стаканчик, стоявший перед ним. Правая рука или свободно висела, рядом с выпуклостью в кармане пальто, или лежала на стойке, готовая в любой момент схватиться за рукоятку другого пистолета в плечевой кобуре. Его глаза не отрывались от длинного зеркала за спиной Роки, в котором он видел и зал, и входную дверь.

За вечер несколько человек подходили к Деснице и предлагали угостить его выпивкой. Всем он отвечал одно и то же: «Я сам покупаю себе выпивку». После этого разговор сам собой заканчивался. Вероятность того, что Десница его продолжит, сводилась к нулю. Если выражение «*In vino veritas*» хоть в малой степени соответствовало действительности, и алкоголь разъедал скорлупу, под которой пряталась истинная сущность человека, то у Десницы под первой скорлупой проступала вторая, куда более прочная.

За полчаса до полуночи на стойке затрезвонил телефонный аппарат. Роки ответил: «Алло? Неправильно набрали номер», — и бросил трубку.

— Эй, вот пластинка, которую, наверное, никто из вас не слышал, — и он взял верхнюю из стопки.

— Никакого чертова джаза, — предупредил невысокий чернявый мужчина, сидевший у стойки.

— Это не джаз, — ответил Роки, вставляя новую иглу, — это настоящая музыка. Музыка супа и рыбы-фиш. Она называется «Вести те Габби».

Он включил фонограф, и бар заполнил голос великого тенора и рвущая душу музыка Леонкавалло. «Смейся, паяц, над разбитой любовью», — пел Карузо. Лицо Десницы просветлело, потом затуманилось, он устался в пол. И пока Карузо пел, кляня судьбу, которая заставляет его веселить

толпу, когда рушится жизнь, Десница не отрывал глаз от пола. Скорлупа треснула.

Десница не видел, как открылась дверь и в бар вошел Джек Фаррелл. Он слышал только мощный голос Карузо, озвучивавший душевные страдания Канио. На последней ноте он механически поднял обе руки, чтобы поплодировать.

— И не опускай их! — рявкнул Джек Фаррелл. Десница вскинул голову, чтобы увидеть нацеленный на него револьвер сорок пятого калибра, который держала крепкая, в веснушках, ирландская рука. — Не опускай их, итальяшка!

Его опытные пальцы прошли по пальто Десницы, достали оба пистолета, из кармана и из плечевой кобуры, а потом Фаррелл рассмеялся прямо в смуглое лицо:

— Нет слабого места, так? Не позволишь себя ущипнуть? Убьешь любого, кто тебя ущипнет, да? — Он защелкнул стальные браслеты на запястьях Десницы. — Теперь можешь их опустить. Теперь у нас на них много чего есть, и Роки может без риска для себя рассказать все, что ему известно о Скотти Дункане.

Десница Эванс застыл, как памятник, глядя на Фаррелла с ненавистью гремучей змеи, которой перебили позвоночник.

— У тебя не было слабого места, — продолжал Фаррелл, широко улыбаясь. — Выпивка тебя не брала. Женщины прельщали не больше, чем игральные автоматы. И завтра ты собирался меня убить. Но слабое место у тебя все-таки нашлось. Твоя настоящая фамилия Гуардалабене, так? — Десница с момента ареста не произнес ни слова, вся распирающая его ненависть сосредоточилась в глазах. Лицо оставалось каменным.

— Его фамилия Гуардалабене, Роки, — повернулся к бармену Фаррелл. — И от кармана его руку мог оторвать только голос того итальяшки. И твоей «эшиллесовой пятой», мистер Гуардалабене, оказалась музыка. Позвони в участок, Роки, пожалуйста. □

Перевод с английского **Виктора Вебера**

Рафаэль Соколовский

ПОЭТ

Божьей милостью

Его творчество благословляли Борис Пастернак, Илья Эренбург, Павел Антокольский, Николай Глазков, отец Александр (Мень) и в штыки встречал советский режим. Его стихи в редакциях называли безыдейными и лишенными социального оптимизма. При жизни поэту удалось напечатать только три стихотворения из трех тысяч им написанных! Фактически он жил в Советском Союзе, на самом же деле выбрал своей родиной Россию, которой посвятил прекрасные проникновенные стихи. Именно в России он мог писать так, как пела его душа, и обращаться в своей поэзии к Богу, запрещенному советскими властями.

Родился Николай Шатров в Москве на Арбате 17 января 1929 года. Отец Михин Владимир Александрович был известным врачом-гомеопатом,

что не простила ему советская власть. Он был репрессирован и выслан в Тбилиси, где скончался в 1942 году. Мать Николая — актриса

Шатрова Ольга Дмитриевна с Михаи́лым разошлась, и сын взял фамилию матери. Предвоенная жизнь Николая прошла в различных городах, где гастролировала его мать. В октябре 1941 года Ольга Дмитриевна с сыном эвакуировалась в город Семипалатинск Казахской ССР, где вскоре она стала ведущей актрисой русского театра. За творческие заслуги ей было присвоено звание заслуженной актрисы Казахской ССР.

Николай поступил в Семипалатинский пединститут на факультет

ситета. Неожиданная женитьба на Лилиане изменила его судьбу: молодые отправились жить в Нижний Тагил к ее матери, так как им приходилось ютиться с дочкой в одной из комнат крохотной двухкомнатной квартирki в общежитии, которую, устроившись на работу в театр, получила Ольга Дмитриевна.

Затем Борис Пастернак, опекавший Николая, помог ему перебраться в Москву. Он как-то сказал, что из молодых больше всего ценит Виктора Бокова, Евгения Виноку-

П

ервое стихотворение Николая Шатрова было напечатано летом 1946 года в газете «Прииртышская правда», а после этого там же, как отклик на постановление о журнале «Звезда» и «Ленинград» и на доклад Жданова, была опубликована разгромная статья о поэзии Н. Шатрова, основанная на тетрадке со стихами, принесенной в редакцию!

русского языка и литературы. Первое его стихотворение было напечатано летом 1946 года в газете «Прииртышская правда», затем, как отклик на постановление о журнале «Звезда» и «Ленинград» и доклад Жданова, там же была опубликована разгромная статья о поэзии Н. Шатрова, основанная на тетрадке со стихами, принесенной в редакцию!

В 1948 году Николай Шатров перевелся на заочное отделение журналистики Казахского госунивер-

сита, Бориса Слуцкого и «Кику». «Кикой» Пастернак называл Шатрова. Он не только ценил Николая как поэта, но вместе с пианистом В. Софроницким старался поддерживать его материально. Они «покупали» его стихи, то есть, когда Шатров где-нибудь выступал со своими стихами, тайком клали деньги ему в карман.

В 1951 году Николай поступил в Литинститут, но проучился недолго — оказавшись «белой вороной», был вскоре отчислен.

Надо было как-то содержать семью, и приходилось подрабатывать в Музее композитора Скрябина и в Третьяковской галерее. После того, как однажды пьяный водитель снегоочистителя наехал на Николая, он получил увечье и инвалидность, которая спасла его от высылки из Москвы как тунеядца. В 1958 году Николай и Лилиана разошлись, так в его жизни появилась другая женщина — Маргарита Димзе, она и забрала Николая из больницы после выздоровления.

Шатров предлагал свои стихи различным редакциям, но везде получал решительный отказ. Близкий друг поэт Николай Глазков снабжал

переводил французских поэтов), в числе компромата был тот факт, что он дал студентам «провокационное задание» написать сонет о Хлестакове. Студенты отказались и выразили протест, а студент Семипалатинского пединститута Николай Шатров поддержал его и сочинил такой сонет, отправив его П. Антокольскому.

Когда в № 1 журнала «Новый мир» за 1950 год появилась гнусная статейка В. Важдаета, клеймившего Александра Грина как космополита и антисоветчика, создавшего якобы в противовес нашей советской стране некую чуждую нам Гринландию, Шатров разразился стихами:

Б

орис Пастернак как-то сказал, что из молодых больше всего ценит Виктора Бокова, Евгения Винокурова, Бориса Слуцкого и «Кику». «Кикой» он называл Шатрова. Пастернак не только ценит Николая как поэта, но вместе с пианистом В. Софроницким старался поддерживать его материально. Они «покупали» его стихи, то есть, во время выступлений Шатрова со своими стихами тайком клали деньги в карман его пальто

его подстрочниками якутских и армянских поэтов, что приносило семье хоть какую-то толику дохода.

Николай Шатров был человеком поступков и яростно откликался на злобу дня, когда она касалась его взглядов. Когда в 1949 году Павла Антокольского изгоняли из Литературного института за космополитизм (а он блестяще

*«Теперь не удивлюсь я ничему —
и даже из навозной кучи грому.
Я снова пожелаю вам чуму,
Чуму на оба ваших дома».*

Наконец, во время травли Бориса Пастернака, Николай Шатров свел поэта с французской слависткой Жаклин де Пруайар, которая и передала в Париж рукопись «Док-

*Николай
Шатров*

тора Живаго» с авторской правкой. Этот факт послужил поводом для создания документального фильма Н. Назаровой «Если бы не Коля Шатров...», который демонстрировался на канале «Культура».

Сердечный приступ настиг Николая в конце марта 1977 года, в небольшой однокомнатной квартирке блочного дома рядом с Москвой-

рекой, забитой бумагами, книгами и картинами. Жена Маргарита вызвала «скорую помощь», и Шатрова повезли в больницу, но спасти его врачи уже не смогли...

Отпевание и похороны поэта предполагались в церкви Новой Деревни, где служил Александр Мень, с которым поэта многое связывало. Общение с Менем родило в свое

время немало духовных стихов. Но произошло непредвиденное — церковный староста категорически запретил захоронение, и гроб покойного увезли в крематорий. Позже урна с прахом Николая Шатрова была тайком помещена его вдовой на могиле ее отца, героя гражданской войны командарма Берзиня,

похороненного на Новодевичьем кладбище.

Только в 1995 году в Нью-Йорке посмертно вышла первая книга поэта «Стихи». Творчество Николая Шатрова проникнуто такой светлой энергией, что стихам его суждена долгая и более счастливая судьба, чем была у самого поэта.

В

конце марта 1977 года в небольшой однокомнатной квартирке блочного дома рядом с Москвой-рекой, забитой бумагами, книгами и картинами, Николая настиг очередной сердечный приступ. Жена вызвала «скорую», и его повезли в больницу, но спасти Шатрова врачи уже не смогли...

НИКОЛАЙ ШАТРОВ

* * *

*Стихи — осколки боли,
Избитые слова.
Зовешь вас поневоле,
Пока душа жива.*

*Умрешь. Тогда не надо
Ни рифм, ни роз, ни рек...
О, жалкая отрада —
Пахать стихами век!*

*Едва дыша со страху,
Не сдвинуть бы звезды,
Ты подыхаешь, пахарь,
Не кончив борозды.*

* * *

Ночь жива лишь до рассвета,
Как жива до правды ложь.
Можно и убить поэта —
Песне горла не заткнешь!

Заточи ее в темницу,
Спрячь от солнечных лучей,
Глядь — она щебечет птицей,
И наполнила ручей.

* * *

Опять на небе острый серп!..
Апрельский месяц, друг
двурогий,
Ты засияешь на ущерб,
Блуждая млечною дорогой...

Но вечно светит человек,
Дышавший вещими стихами,
И звезды падают, как снег,
И тают от его дыханья.

* * *

Ветер дует, надрывая душу...
Жизнь опять смертельно
хороша.
Прислонись к земле и слушай,
слушай!
О, оттуда этот шум в ушах.

Я не знаю лучшего питья!
Радость духа, опьяненье
тела,
И любви жестокая игра...
Ничему на свете нет предела,
И всему, всему своя пора.

Из зеленых трав и крови
красной
Нам сварили брагу бытия.
Кто сказал, что пили мы
напрасно?

Лишь когда иссякнут жизни
силы,
Ты утихнуть сердцу повели,
И потребуй отдыха у милой
Утомляющей тебя земли.

* * *

Проходит жизнь, и — ни просвета,
Ни проблеска в моей судьбе.
О, что мне сделать? Посоветуй:
Я верю только лишь тебе...

Зачем ты отпустила душу
На странствия в чужом краю,
Где море затопило сушу,
Как горе Родину мою?..

* * *

Наверстать упущенное хочется,
Что в реальной жизни не изжил,
Потому к неточной рифме

творчества

Надо изо всех тянуться жил.

Где-то там смеются и целуются,
Проживают считанные дни...

Я иду с возлюбленной по улице...
Это счастье, Боже, сохрани!

Горницу, как душу, вымыл дочиста.
Милая, входите, мы одни.
Так прекрасно с Вами

одинокчество!

Это счастье, Боже, сохрани!

* * *

Рассветная роса у звездного
обрыва...

Смешалось в поле все. Дороги
не найти.

И я тебя люблю, и мы с тобою
живы,

И дикие цветы горят в конце пути.

Вперед или назад, направо иль
налево,

Везде пред нами цель
к какой-нибудь звезде.

Кто венчаны — навек Король
и Королева,

Не руки, а крыла Архангел ввысь
воздел.

Тому, кто пил огонь, людская
кровь — водица.

За смертью встретят нас
чьи души, чьи умы?

Мы никогда уже не сможем
заблудиться:

И на пороге тьмы — на горизонте мы.

* * *

Не ходить, а ступать...
Не дышать, а вдыхать силы
духа.

Струи ливней встречая.
Как вольные струи стихий!
Не глядеть — прозревать!
Наклоня внимательней ухо

Только шепоту грома,
Когда он читает стихи.

Говорить, как молчать,
Улыбаться, как будто бы плакать.

И чем крест тяжелей,

Тем под ним становиться прямой!

* * *

И счастье — путь. И горе — лишь
дорога,

Которая познаем дорога.

Побудем на земле еще немного

И убежим на звездные луга.

Какие травы там, цветы какие...

А спросит Петр, ключарь
небесных врат,

Откуда мы? Ответим:

из России...

И прежде все нас впустят

в Божий Сад. □

Илья Боровский

28 лет, Башкортостан,
село Акбердино

ЖИВЕМ ПОД НЕБОМ ТОЛЬКО РАЗ

Живем под небом только раз,
Мелькая в зеркале экрана.
С дурманом легкого обмана
Вдыхаем праздничный экстаз.

Мы гоним жизнь, нас терпит Бог,
С надеждой в скорое спасенье
И быстротечность проведенья
Случайно выдуманных строк.

Стремимся жить, срываясь с мест,
В концерте светопреставленья,
Услышав пульс, сердец биенье,
И беспрестанный благовест.

Нам выпал век коротких фраз.
Душой на части разрываясь,
С одной покорно примерялись:
«Живем под небом только раз!»

Ирина Опимах

История любви

великого
художника

Наталью Нордман даже в юные годы трудно было назвать красавицей. Казалось бы, ничто в ее облике не могло привлечь тонкого ценителя женских прелестей. «Уж подлинно, ни рожи, ни кожи», — писал о ней Владимир Стасов. Но на картинах своего мужа, великого русского художника Ильи Репина, она становилась прекрасной — сексуальной, тонкой, влекущей...

Первый раз они встретились летом 1898 года. Тогда Репин — уже известный художник, прославившийся своими яркими полотнами «Бурлаки на Волге», «Запорожцы едят письмо турецкому султану», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван» и многими другими — писал портрет княгини Марии Тенишевой. Чтобы ей не было скучно во время позирования, Репин, а иногда и сама она приглашали кого-нибудь посидеть с ними, поболтать. И вот однажды Тенишева сказала, что к ним придет ее приятельница Наталья Нордман — она замечательная, столько всего знает! Настоящая Шехерезада! Но уже на следующий день княгиня получила от Репина письмо, в котором прочла следующее: «Мы с Вами еще не закончили, нам нужно повторить сеанс. Я буду очень рад Вас видеть, но чтобы эта больше не переступала порог моего дома!» Тогда Наталья Нордман произвела на художника столь неприятное впечатление, что он даже не смог написать ее имя — «эта» было для него достаточно. Но прошло совсем немного времени, и он в нее страстно влюбился, и «эта» стала его женой!

Наталья Нордман родилась в 1863 году в Финляндии, Гельсингфорсе (нынешнем Хельсинки). Ее отец, адмирал русского флота, по происхождению был шведом, мать происходила из русской дворянской семьи. Адмирал умер рано, и семейству стало трудно поддерживать привычный уровень жизни. Вся надежда госпожи Нордман была на удачное замужество дочери, но... У Натальи были совсем иные планы на жизнь. Она совсем не стремилась надеть подвенечное платье. Быть свободной, реализовать свои способности, служить на благо народу — вот какие цели ставила перед собой дочка адмирала. Она была убеждена, что пришла в

этот мир не зря, что ее ждет высокое предназначение. Кончилось все тем, что она ушла из дома, а потом вообще уехала в Америку. Видно, девушке казалось, что в далеких Соединенных Штатах она найдет и свободу, и справедливость, и счастье... Но, увы... В стране Марка Твена и О. Генри Наталье пришлось быть и горничной, и гувернанткой, и даже поработать на ферме. Через год она вернулась в Россию — без денег, но с большим жизненным опытом. И, слава богу, живая. Правда, репутация ее в свете была слегка подпорчена — кто знает, что она там делала, в этой Америке?

А Наталья принялась искать себе занятие, достойное ее высоких

*Двойной портрет кисти И. Репина —
И. Репин и Н. Нордман*

устремлений, — пробовала заниматься искусством (лепкой, музыкой, рисованием), потом увлеклась фотографией (и, кстати, оставила потомкам множество замечательных фотографий, на которых запечатлен Репин и его окружение). Позже начала писать романы, сочинять пьесы и даже взяла себе псевдоним — Наталья Северова. Надо сказать, все ее литературные произведения были весьма автобиографичны. Сюжеты она черпала из своей богатой событиями и страстями жизни. Так, в романе «Крест материнства» она описывает историю любви известного скульптора и юной девушки — и это довольно искренне изложенная история ее романа с Репиным.

Они снова встретились на вечерах у Тенишевой. Страсть захватила обоих, хотя многим это было непонятно, ведь Наталья такая эксцентричная, шумная, бестактная особа, да, к тому же, совсем некрасивая. «Эта женщина поглотила Репина целиком», — негодовал Василий Розанов. А пораженный В. Стасов писал брату: «Репин ни на шаг от своей Нордманши (вот-то чудеса: уж подлинно, ни рожи, ни кожи, — ни красоты, ни ума, ни дарования, просто ровно ничего, а он словно пришит к ее юбке)».

Но едкий Стасов перегибал палку — у «Нордманши» была масса дарований: яркая, остроумная, а уж когда влюблялась, так становилась даже красивой. И эту ее красоту

Н. Нордман

внезапно открыл для себя влюбленный Репин ...

Он уже был ранее женат — его жена Вера родила ему четырех детей, была ему очень предана, но эта тихая, измученная его частыми увлечениями женщина не могла разде-

лять его страсть к искусству и мало понимала его творчество — правда, тщательно следила за его гонорарами. Постепенно у них все меньше и меньше становилось общего, они непрерывно ссорились и в 1887 году развелись.

И теперь в Наталье Нордман, молодой, пылкой, страстно влюбленной в него, он увидел женщину, с которой интересно говорить, которая прекрасно понимает искусство и ценит в нем именно художника, а не добытчика денег.

В 1898 году Репин отправился в Палестину — писать библейские пейзажи, и Наталья, уже не стеснясь никого и ничего, провожала его до Одессы. Во время этого недолгого путешествия она забеременела. А потом на свет появилась маленькая девочка, прожившая всего лишь две недели. Наталья очень переживала, и Репин, чтобы как-то ее утешить и отвлечь от горестных мыслей, купил ей небольшой дом в финской деревушке Куоккала, окруженный заросшей и неухоженной землей (небольшой участок в 2 га). Он стал первым по-настоящему при-

надлежащим ей домом — ведь до сих пор она жила как приживалка у друзей, да и питалась в основном за их счет. Это было настоящим счастьем! Наталья назвала свое жилище и парк, в который она превратила заброшенный участок земли, «Пенатами» — теперь пенаты, эти герои римской мифологии, боги-покровители домашнего очага, охраняли ее любовь, ее мир, ее счастье.

Она действительно чувствовала себя счастливой — Репин обожал свою молодую подругу (она была на 17 лет его младше), восхищался ее талантами, иллюстрировал ее книги. «Самое лучшее, что можно сказать о ней: она часто не похожа на свои брошюры и памфлеты. Она читала мне отрывки из своего дневника, посвященные главным образом Репину и его окружению (1903–1909), и я был удивлен ее талантли-

*Наталья
в кабинете
мужа*

востью: столько здесь было зоркого и меткого юмора, столько свежей женской наблюдательности», — вспоминал Корней Чуковский. Репин даже купил маленький театрик (барак) на окраине Куокколы, где ставились ее пьесы. И... писал ее портреты, на которых она выглядела вполне привлекательной, писал себя рядом с ней... Через какое-то время он окон-

чательно переселился в «Пенаты», и сюда к нему стали приезжать его многочисленные друзья. Наталья устраивала так называемые «репинские среды» — в эти дни в дом съезжалось множество гостей — писателей, художников, поэтов. И она была среди них своей — ведь она тоже писала книги и статьи на самые разные темы. Корней Чуковский в своей

книге «Илья Репин» вспоминал, что, в отличие от первой жены Репина, Наталья Борисовна с огромным уважением относилась к его творчеству, с 1901 года стала собирать литературу о нем, составляла альбомы с газетными вырезками о каждой его картине. Недаром Репин не раз говорил, что одной из своих наиболее блестящих творческих удач — композицией «Государственного совета» — он целиком обязан Наталье Борисовне: «она приняла к сердцу те трудности, которые он встретил при написании этой картины, и помогла ему своими советами, а также сделанными ею фотоснимками». Знаменитые среды, которые она завела в доме, внесли в жизнь Репина порядок — в остальные дни он мог спокойно работать, не боясь, что ему кто-то помешает, и был благодарен жене за это.

Наталья Борисовна знала три языка, разбиралась и в музыке, и в скульптуре, и в живописи, и Репин полюбил ходить с ней на концерты, посещать вернисажи и лекции. Нравились ему и ее демократические убеждения. А главное, она была трудолюбива и деятельна, что Репин, всегда возмущавшийся паразитарной праздностью своей первой семьи, очень ценил.

«Наталье Борисовне жилось весело, и она умела своим весельем зажечь всех ближних, ей удавалась всякая затея, — писал он уже после ее смерти. — Ее окружала, за ней неслась везде повышенная жизнь.

Ее веселые большие серые глаза встречались только с радостью, ее грациозная фигура всякий момент готова была блаженно танцевать, как только звуки плясовой музыки долетали до ее слуха.

И с таким веселым характером эта женщина кипела всегда новыми и самыми разнообразными серьезными идеями всех жизненных вопросов и форм. Ко всему она относилась критически, все готова была сейчас же переделать по совершенно новому образцу. И это ей удавалось. В течение более пятнадцати лет, я, близкий свидетель ее деятельности, не переставал удивляться ее жизненному пиру».

Но у Натальи Борисовны были недостатки, которые портили им жизнь, делали смешными и ее, и Репина, вынужденного идти у нее на поводу.

«По всему своему душевному складу это была ярая сектантка, — рассказывал Чуковский. — Всегда ей было необходимо фанатически верить в какой-нибудь единственный рецепт для спасения людей и громко проповедовать этот рецепт как панацею от всех социальных недугов. Одно время она была боевой суфражисткой и сделала свой феминизм религией. Потом стала проповедовать «раскрепощение прислуги». Потом — вегетарианство. Потом — кооперативную организацию труда, воспринятую как евангелие жизни. Потом отвары из свежего сена в качестве

здоровой, питательной пищи. Потом так называемый «волшебный сундук», то есть ящик, обшитый подушками и набитый сеном. «Волшебный сундук» был своеобразным термосом: он сохранял пищу горячей в течение целого дня. И т.д., и т.д., и т.д. Все это было, конечно, нелепо, но — искренне».

В 1911 году Наталья написала «Поваренную книгу для голодающих». Кто тогда только не издевался над ней! Но прошло семь лет, в России наступили трудные времена, разруха, голод, и очень многим в России пригодились вегетарианские рецепты Натальи Нордман.

«Она свято верила во все свои новшества, и первая становилась их жертвой, — вспоминал Чуковский. — Когда восстала, например, против шуб и мехов, составлявших, как она выражалась, «привилегию зажиточных классов», то в самый лютый мороз облеклась в какое-то худое пальтишко, подбитое сосновыми стружками, и уверяла, что ей гораздо теплее, чем нам, закутаным в «шкуры зверей. Эта «сосновая шуба» принесла ей простуду, а супы из сена — малокровие. Из румяной, осанистой женщины со свежим и круглым лицом, какой она была за несколько лет до того, она стала такой худосочной, что казалась воплощением чахотки. Вегетарианство ее было очень суровое: она не ела яиц, не пила молока».

Возможно, потому она и заболела — все эти пляски на снегу и легкие пальтишки зимой не прошли

даром. Она начала кашлять с кровью в 1905 году, и Репин увез ее в Италию, где ей стало лучше. Но ненадолго. Правда, надо сказать, что болезнь ничуть ее не изменила, она по-прежнему целиком отдавалась своим увлечениям, принятым ею теориям, и требовала того же и от Репина. Жена Куприна говорила, что Горький, узнав, что они собираются к Репину, предупреждал их: «Ешьте больше, у Репина ничего, кроме сена, не получите». А сам художник порой сбегал к Чуковскому, жившему по соседству, чтобы поесть вдоволь мяса, или отправлялся в Петербург, шел в самые лучшие рестораны и там отводил душу.

С прислугой тоже была настоящая беда. Наталья Борисовна считала, что нельзя заставлять одних людей прислуживать другим, а потому в ее доме одежду у гостей принимал сам хозяин, великий художник Репин. Поначалу ему, может, это и нравилось, но потом... На стенах в их доме повсюду висели плакаты: «Не ждите прислуги, ее здесь нет», «Все делайте сами» и другие того же типа. За столом, к примеру, суп разливали по очереди, на кого выпадал жребий, а кто не справлялся с задачей, должен был заплатить штраф — произнести речь, причем обязательно интересную, со свежими идеями.

Чуковский вспоминал, что она, человек доброй души, вечно за кого-то хлопотала, вечно кому-то помогала, но все это получалось как-то бестактно и нелепо.

*«Пенаты» — дом в Куоккала,
подаренный Репиным Наталье Нордман*

А потом Наталья увлеклась вином — считала, что это соки солнца, а состояние опьянения — священо, поскольку дает человеку полную свободу. Ну и, в соответствии с этими своим воззрениями, пила много, а потом танцевала босая летом на траве, а зимой — на снегу, словно языческая жрица. Все это с годами стало раздражать Репина. Позже он вспоминал: «Наталью Борисовну дьяволы подцепили на «солнечной энергии», так называла она виноградное вино и верила, что эта прелестная оживляющая влага, кроме своего притягательного вкуса, обладает способностью не только веселить человека, но и подкреплять и восстанавливать его силы и во всех отношениях служит ему жизненным эликсиром, как солнце своей энергией

всей земле». Ну, кто бы мог столь долго терпеть нелепый быт, невкусную, пресную вегетарианскую еду, ловить усмешки друзей!

При всей любви к Репину, Наталья не могла всю себя посвятить служению ему — ей казалось, что и она сама многое делает в этой жизни. А так как Наталья Борисовна в силу своего характера считала, что должна делать еще больше, она устраивала театр для местных крестьян, открывала детский сад для их детей. Вся эта суэта мешала Репину работать, а вот с этим он уж никак не мог смириться — работа для него была самым главным в жизни.

В 1913 году Наталья Борисовна снова простудилась — опять из-за своей шубы из мешковины, набитой сосновой стружкой, которую никак не хотела заменить нормальной, ме-

*Спящая Наталья — портрет кисти
И. Репина*

ховой. Ну, и еще пара танцев босиком на снегу сделали свое дело...

Будучи очень неглупой и решительной женщиной, в один прекрасный момент она поняла, что, постаревшая, похудевшая и подурневшая, да еще и страдающая тяжелейшей чахоткой, не нужна Репину, и нашла в себе мужество уйти из его жизни. В его отсутствие, даже не предупредив мужа о своем решении, она взяла с собой денег ровно столько, чтобы хватило на дорогу, и уехала из «Пенатов» в Швейцарию. Там, в Локарно, Наталья Борисовна легла в клинику для неимущих.

Репин не поехал за женой — кто знает, о чем он тогда думал, наверное, не понимал, насколько тяжело она больна, а, может, вздохнул с об-

легчением. Однако перевел ей деньги, чтобы она ни в чем не нуждалась, которые, впрочем, Наталья тут же отправила назад. Она уже не считала его своим мужем... «Какая дивная полоса страданий, — писала Чуковскому Нордман, — и сколько откровений в ней: когда я переступила порог «Пенатов», я точно провалилась в бездну. Исчезла бесследно, будто бы никогда не была на свете, и жизнь, изъяв меня из своего обихода, еще аккуратно, щеточкой, подмела за мной крошки и затем полетела дальше, смеясь и ликуя. Я уже летела по бездне, стукнулась об утесы, и вдруг очутилась в обширной больнице... Там я поняла, что никому в жизни не нужна. Кругом все умерло. Ни звука ни от кого».

Наталья Борисовна ушла из жизни 28 июня 1914 года. Репину сообщили телеграммой о ее кончине, и он поехал ее хоронить, но не успел — это сделали без него. А Илья Ефимович отправился в Венецию — обрести душевный покой.

Вернувшись в Россию, в «Пенаты», он тут же отменил все порядки, установленные Натальей Борисовной, к примеру, убрал дурацкие плакаты, и в передней уже не висел ни призыв «Бейте весело в тамтам!», ни сам тамтам. «Память Натальи Борисовны он почтил небольшой статейкой, написанной в его обычном дифирамбическом стиле, — писал Чуковский. — Возможно, что он и тосковал по умершей, но самый тон его голоса, которым он в первую же среду заявил посетителям, что отныне в «Пенатах» начнутся другие порядки, показывал, как удручали его в последнее время порядки, заведенные Натальей Борисовной. Раньше всего Илья Ефимович упразднил вегетарианский режим и по совету врачей начал есть в небольшом количестве мясо».

Умирая, Наталья Нордман завещала Репину единственное, что у нее было — «Пенаты», причем оговорила, что после его смерти там должен быть музей — дом Репина. Именно здесь и прошли последние годы художника... После 1917 года «Пенаты» оказались за границей России. Репин мечтал вернуться на родину, друзья тоже усиленно его

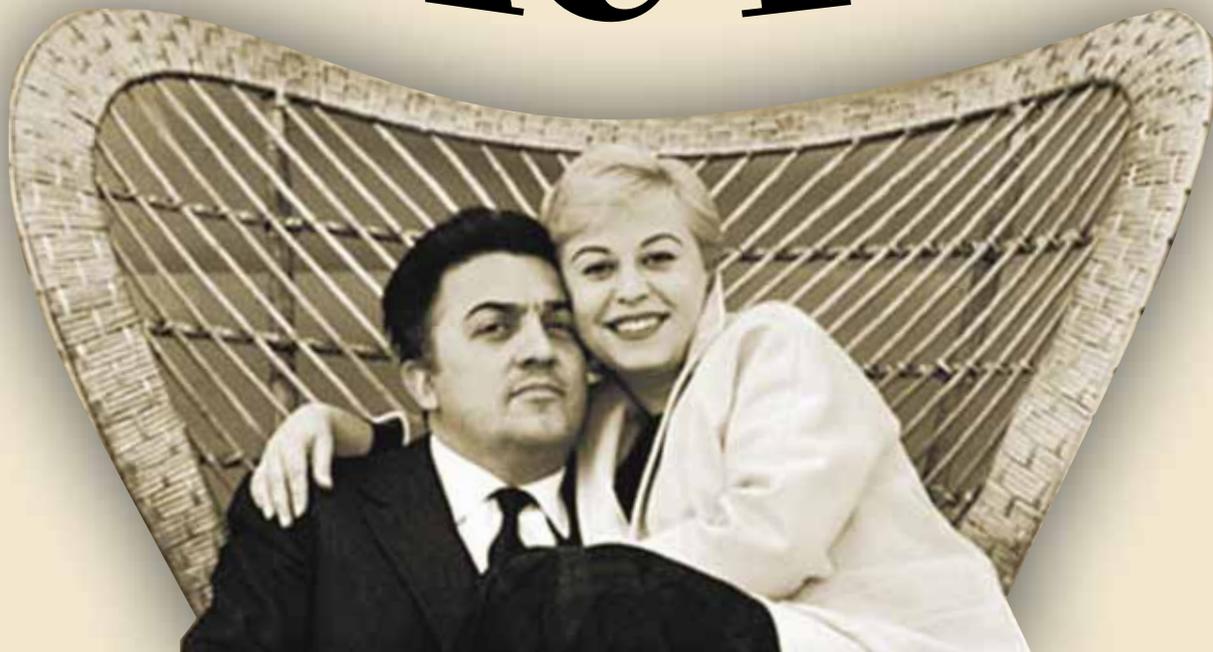

звали, однако поначалу он боялся переезжать в большевистскую Россию, а потом сил на переезд не стало — с годами его здоровье не улучшалось. Великий русский художник Илья Репин скончался 29 августа 1930 года в возрасте восьмидесяти шести лет, в «Пенатах» — доме, когда-то подаренном им Наталье Нордман.

После 1940 года Куоккала (ныне — поселок Репино) стала советской территорией. Дети Репина, которые до этого жили в «Пенатах», эмигрировали, и в 1940 году здесь открылся музей Репина. Так, наконец, сбылось последнее желание Натальи Нордман. И дух ее живет в этих стенах... □

Евгения Гордиенко

СЧАСТЬЕ

НО-ИТАЛЬЯНСКИ

Итальянцы — нация очень эмоциональная, они любят вкусную еду, отличное вино, любят любить и быть любимыми. И точно знают, что такое счастье и как его достичь.

Итальянское кино, при всем его кажущемся печальным образе, все равно остается одним из самых жизнеутверждающих в мире.

А одним из самых известных певцов итальянского кино, итальянского образа жизни, самой Италии со всей ее «Dolce Vita» был и остается величайший Федерико Феллини, сумевший поделиться своей любовью к Италии со всем миром.

Прибрежный Римини. Это только через пятьдесят лет он станет всемирно известным курортом, а пока это просто провинциальный городок, куда приезжают итальянцы, чтобы насладиться пятнадцатью километрами песчаных пляжей у Адриатического моря.

1920 год. В семье коммивояжера Урбано Феллини родился сын Федерико. Мальчика, как принято в добропорядочной итальянской семье, отдали учиться в католический колледж. Но Федерико пропускал мимо ушей нудные наставления священников, живя в своем собственном несуществующем и фантастическом мире.

Никогда нельзя было понять, правду говорит этот ребенок или придумывает очередное... нет, даже не вранье, а очередной сюжет своего собственного маленького театра, где он — и автор пьесы, и режиссер, и постановщик, и исполнитель главной роли.

Например, он говорил о том, что прочитал всего три книги, хотя на самом деле читал постоянно — такого «книжного червя» среди детей еще поискать.

Он сообщал всем, что не раз убегал из дома, однажды даже — с трупной бродячих артистов. В действительности же детство его прошло в основном дома среди докторов — ребенок страдал головокружениями и часто падал в обмороки.

Рассказы о побеге с годами обрастали все новыми подробностями, и Федерико сам уже верил в то, что сочинил, верил в написанную

им самим пьесу, вживался в назначенную себе самому роль. И талантливо играл ее, не сомневаясь, что так все и было на самом деле.

Его детское счастье было именно в этом — уйти от родителей, католической школы, скучного Римини в себя, где можно быть кем угодно и играть любые роли в самых фантастических декорациях.

Естественно, этим фантазиям рано или поздно находился выход: Феллини писал — и статьи, и рассказы, рисовал карикатуры, участвовал в издании журналов и газет.

Походя, незаметно для самого себя, он поступил в римский университет на факультет юриспруденции, но позже сам признавался, что сделал это исключительно для того, чтобы избежать призыва в армию Муссолини.

Однако уклониться от тени этого человека в своей жизни Феллини не удалось. Во время войны он зарабатывал тем, что писал сценарии на киностудии, находящейся под покровительством Витторио Муссолини, сына дуче. Федерико понимал, что находится в данном случае в двойственном положении: с одной стороны, он работает на легальную фашистскую киностудию, с другой — подпольно снимает репортажи, направленные против режима. Впрочем, для Феллини, погруженного в мир собственных фантазий, такое противоречие вряд ли было таким уж важным. Что внешний мир, когда главное — внутри, в твоей голове...

*Федерико
Феллини*

Уже по окончании войны произошло одно из самых судьбоносных для Федерико знакомств. В лавчонку, где он, подрабатывая, рисовал шаржи, заглянул как-то Роберто Росселлини. Он предложил Феллини написать вместе с ним сценарий фильма о священнике, казненном немецкими нацистами. Федерико с радостью согласился. И не зря — именно на площадке он вдруг осознал, что режиссура — это то, о чем он мечтал всю жизнь. Создавать новые миры, где все так и только так, как ты придумал, — что может быть прекраснее?

«Работая с ним, — говорил он о Росселлини, — я понял, что делать фильмы — это как раз то, чего я хо-

чу, а он укреплял во мне веру, что мне по плечу постичь эту форму искусства...Росселлини открыл мне, что режиссером может быть обыкновенный человек».

Во время войны, в 1943 году, Феллини познакомился с юной Джулией Анной Мазиной — актрисой студенческого театра, которая участвовала в постановке радиоспектаклей по его сценариям.

Федерико влюбился. Но не забывал и о том, чтобы подойти к новой пассивности по-режиссерски — то есть немного переиначить и задать нужную «линию игры». Прежде всего, нужно изменить имя. Джулия Анна — скучно и банально. Джульетта — да, тут слышится Шекспир и буйство страсти.

В военное время было не до размышлений, и уже через несколько месяцев после знакомства молодые люди пошли под венец. Но что за итальянская семья без детей? Феллини «срежиссировал», и вскоре молодая семья уже ждала ребенка. Но однажды Джульетта случайно упала с лестницы, и произошел выкидыш.

Вторая попытка оказалась удачнее — она родила мальчика, которого назвали в честь отца — Федерико. Но ребенок был настолько слабым, что через 2 недели после рождения умер.

Феллини и Мазина были безутешны, но Федерико — как настоящий мужчина, режиссер и итальянец —

снова взял дело в свои руки. Он предложил Джульетте усыновить ребенка, но эта хрупкая женщина, ростом в полтора метра и весом в сорок пять килограмм, неожиданно проявила твердость и отказалась от усыновления. Феллини пришлось смириться. Он понимал, что отныне его счастье — в этой маленькой женщине, которая сама — словно ребенок.

Сам Федерико говорил: «Если бездетная пара не распадается, это значит, что связь действительно прочна». Их связь оставалась прочной на протяжении пятидесяти лет.

Джульетта знала мужа так хорошо, что легко подхватывала высказываемые им вслух фантазии, даже если прежде никогда о них не слы-

шала. Однажды за обедом Феллини сказал: «Помнишь, Джульетта, когда мы были в Австралии...», — на что жена тут же ответила: «Да, милый, там были чудесные артишоки». Нужно ли говорить, что в Австралии никто из них не был?

Их не раз спрашивали, в чем же секрет счастливого брака. В ответ на это Феллини и Мазина только

смотрели друг на друга и ничего не отвечали.

Именно благодаря Феллини Мазина, которую доселе не замечали режиссеры, стала известной актрисой. Он был ее Пигмалионом, вылепившим из нее «Чарли Чаплина в юбке», трагикомическую клоунессу, образ, который прославил ее на весь мир.

*Федерико
Феллини
и Джульетта
Мазина*

Он снял ее в «Дороге» — в образе циркачки, в «Ночах Кабирии» — в образе проститутки. Крошечная девочка, огромные грустные глаза, печальные, но такие пронзительные картины. Феллини чувствовал, что стоит на правильном пути.

Путь Феллини — это бесконечная череда встреч с людьми, которых мы сегодня знаем как «великих», «основателей», «основоположников», «знаменитостей». Но были ли они такими тогда?..

Одно из имен, прочно связанных с именем Феллини, это имя Марчелло Мастоляни. После Мазины — это второй человек, который словно жил с Федерико одними фантазиями. Как актер, он понимал своего режиссера без слов. Феллини достаточно было в самых общих чертах описать Мастоляни образ, который требуется воплотить, а Марчелло уже подхватывал его мысль, развивал ее, создавал именно то, что нужно. Он настолько органичен

*Федерико Феллини
и Марчелло Мастроянни*

в фильмах Феллини, что порой стирается грань между образом самого Мастроянни и героев, которых он играет. Феллини говорил о нем: «Такого друга можно найти только в произведениях английских писателей. Даже когда я не планировал снимать Марчелло, я всегда в последний, самый отчаянный момент звал его».

Они работали вместе над «Dolce Vita» и «Восемь с половиной», они дружили и соперничали, кто купит автомобиль подороже, проводили вместе время, как и положено итальянцам, за вкусной едой и прекрасным вином.

Феллини был уже достаточно богат, чтобы купить квартиру в Пари-

оли — одном из зеленых районов любимого Рима, богат, чтобы то и дело пополнять свой автопарк дорогими автомобилями: и «ягуар», и «шевроле», и «альфа-ромео». Но после того, как под колеса Феллини едва не угодила мальчишка на велосипеде, режиссер больше не садился за руль.

Наряду с артистами, которые понимали его без слов — Мазиной и Мастроянни — у Феллини был и любимый композитор — Нино Рота. Многие из современников вспоминали такую сцену: Федерико в бешеном темпе что-то объясняет Рота, а тот только согласно кивает и в результате выдает именно ту музыку, которую хотел маэстро.

Рота снисходительно относился к тому, что режиссер все время фантазирует, хотя сам был человеком скорее приземленным: «Феллини может начать рассказывать вполне серьезно о вещах, которых никогда не было. И все вокруг начинают переглядываться и с изумлением выражать. Я никогда не делал так. Я знал, что, если каких-то вещей не существует в нашем мире, это еще не значит, что их не существует в мире Федерико».

Если пик творчества Феллини, как справедливо полагают, пришелся на картину «Dolce Vita», то спад его начался с фильма, снятого специально под Мазину — «Джульетта и духи». Вторую главную роль сыграл Мастроянни.

Драма стареющей женщины не нашла успеха у зрителя, а Феллини даже обвинили в финансовых нарушениях. Ему пришлось доплатить государству 200 тысяч долларов налогов, для чего пришлось продать квартиру и переехать в куда более скромный район.

Однако это не сделало супругов менее счастливыми. Они любили Рим. И режиссер, устав отвечать на вопрос, что значит для него этот город, снял картину «Рим Феллини». Это воспоминания, впечатления, сказка, счастье, радость от пребывания в переплетении древних улочек фееричного города.

Как бы продолжая тему воспоминаний, за ней последовал фильм «Амаркорд», посвященный Римини. Название его являет собой искажен-

ную фразу «Я вспоминаю», а сам он, сделанный совместно с Тонино Гуэррой, возвращал режиссера во времена его детства и юности.

Феллини не любил сидеть без работы. Фантазировать, придумывать, что-то делать — в этом было его счастье. В конце семидесятых он снял фильм «Репетиция оркестра». Съёмочный процесс занял всего... 16 дней. Еще несколько недель было потрачено на монтаж. Эта философская притча Феллини вызвала немало вопросов, но еще больше — мнений. Каждый был склонен трактовать аллегории картины по-своему.

В восьмидесятые и девяностые годы Феллини снимал мало — сказывался возраст. Но он по-прежнему был вместе со своей Джульеттой, по-прежнему получал награды — уже не за конкретные фильмы, а за вклад в киноискусство.

В 1993 году Федерико и Джульетта должны были отмечать золотую свадьбу — 50 лет вместе. Накануне этого события Феллини попал в больницу. А на следующий день после юбилея его не стало.

Любимый город Феллини — Рим — замер во время похорон великого режиссера. Движение было перекрыто, Федерико провожали, как и положено, — аплодисментами. Его Джульетта пережила мужа всего на несколько месяцев и попросила похоронить ее с фотографией Феллини в руке. Это действительно был очень крепкий союз. Настоящее счастье по-итальянски. □

ЕЩЕ ОДИН «ФИЛОСОФСКИЙ» ПАРОХОД

Пароход «Preussen» («Пруссия»), депортирующий выдающихся деятелей отечественной философии, культуры и науки

Если вам придется бывать в Санкт-Петербурге, пройдите на набережную Лейтенанта Шмидта. Там вы увидите гранитный прямоугольник, установленный в ноябре 2003 года в память о так называемом «философском пароходе». На памятнике высечено: «С этой набережной осенью 1922 г. отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели оте-

чественной философии, культуры и науки».

Расправляться с непокорной интеллигенцией пришедшие к власти революционеры начали уже в начале 1922 года. В.И. Ленин в письме от 21 февраля предлагал Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину «... уволить 20–40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Обдумать, подготовить

и ударить сильно». 19 мая Ленин написал записку Ф.Э. Дзержинскому о подготовке и высылке писателей и профессоров, помогающих контрреволюции, а 16 июня направил письмо в Центральный Комитет партии с предложением арестовать и выслать без объявления причин «несколько сот» представителей интеллигенции.

Далее власти приступили к конкретным действиям. Последовали увольнения из университетов, аресты, заключения в тюрьмы, ссылки и позорные депортации. 29 сентября 1922 года из Петрограда отплыл пароход под названием «Обербург-гомистр Хакен». Его пассажирами была группа выдающихся философов: Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и другие. Всего на борту вместе с семьями находилось около 70 изгнанников. Впоследствии этот пароход вошел в историю под названием «философский пароход».

Но наш рассказ пойдет о другом пароходе. Власти не успокоились, и 16 ноября того же года на пароходе «Preussen» («Пруссия») была депортирована в Германию еще одна группа известных граждан России.

Вот что писала в ноябрьском номере за 1922 год берлинская газета «Руль» в статье под заголовком «Приезд высланных из Советской России»: «В воскресенье днем штеттинский вокзал представлял необычайную даже для «обрусевшего» Берлина картину. К приходу скорого поезда из Штеттина перрон был переполнен представителями берлинской

русской колонии, собравшимися для встречи прибывшей этим поездом большой группы профессоров, литераторов и инженеров, высланных из Петрограда. Со штеттинским поездом прибыло 44 человека, выехавших из Петербурга 14 ноября на пароходе «Прейссен». В группу вошли 17 представителей интеллигенции, большинство которых отправилось в изгнание в сопровождении членов своих семейств. В состав группы входят: известный философ профессор Н.О. Лосский, выдающийся ученый академик Л.П. Карсавин, быв. Директор Томского технологического института, быв. Член Гос.Совета профессор Е.Л. Зубашев, знаменитый психолог академик И.И. Лапшин, быв. Проректор Петербургского университета профессор Б.Н. Одинцов, профессор, также быв. проректор Петербургского университета А.А. Боголепов, профессор Агрономического института А.С. Каган, публицисты: А.С. Изгоев, А.Б. Петрищев, руководители Дома литераторов в Петрограде Н.М. Волковыский и Б.О.Харитон, инженеры Н.П. Козлов и И.М. Юштим и другие». Кроме высланных, в качестве пассажиров парохода «Прейссен» прибыли в Германию еще ряд представителей петербургской интеллигенции, в числе которых был известный режиссер, драматург и искусствовед Н.Н. Евреинов.

Жена Николая Евреинова Анна Александровна, разбираясь в бумагах после смерти мужа, обнаружила

конверт с надписью его рукой: «Тетрадка Аниных профессоров». Вот что вспоминает сама Анна Евреинова:

«...Когда мы, наконец, вошли на пароход, и капитан распорядился — несмотря на поздний час — накормить нас гороховым супом, все пассажиры были настолько хорошо знакомы друг с другом, что казалось прожили вместе годы... У высылаемых

мысли были смятенные, тревожные, мучительные... Судьба сулила мне быть confidentкой многих из них. Только на третий день путешествия мне пришло в голову попросить моих «конфидентов» написать мне что-нибудь «на память» в случайно найденную в чемодане тетрадку». Приводим несколько горестных, но полных благородства и любви к Родине записей из этой тетрадки.

1922 г. 18.11. Пароход «Preussen» на пути в Штеттин (via Шпалерная).

Право, не знаю, что написать Вам, Анна Александровна. Конечно, положение мое своеобразное. «Нет власти не от Бога, а «учиненная Богом» власть, да еще отечественная, ввергла меня в узилище и в числе прочих направила за границу. Даром не сажают. И я полагаю, что по неисповедимому замыслу Провидения превращен я в «expulse» за нарушение 7-й заповеди, которую ГПУ по неопытности смешало со ст.57 Уголовного Кодекса. При таком толковании возражать против действий власти нельзя, хотя и возможно рассматривать ее как «flagellum Dei». Этот же «бич Божий» (он же — «палец Провидения») указывает нам путь в Германию. Знаменательно, что даже Бруцкус, отстав от Балтрушайтиса, заказал аэропочтой квартиру в Берлине, где находится часть России (к ней, впрочем, не принадлежат все числящие себя ею). Эмиграция русская принципиально отлична от французской эпохи революции: она продолжение России, ее мозг. Мы даже не эмигранты, а expulse, т.е. юридически продолжаем Россию, сближая ее с Германией, в единении с которой чаем наше будущее («Сумрачный германский гений»). Итак, выгнанный за тайный порок Богопротивною властью, выполняющий вопреки себе волю высшую, собираюсь и я выполнять оную с Богом согласно, за грехи же свои — на чужбине.

Бывший professor, а теперь confessor Л.Красавин.

Preussen, 18.11.22.

По Вашему желанию, Анна Александровна, каждый изгнанник из России, пассажир «Preussen», должен вписать в эту тетрадь несколько слов. Пусть будет так. Среди нас, профессоров и литераторов, Вы найдете представителей всех дисциплин и направлений, но напрасно будете искать политиков, опасных для узурпаторов власти в России. За что же нас выслали? Что это — глупость или испуг? Я думаю, то и другое. Правители России, несмотря на свою наглость, настолько трусливы, что боятся каждого независимо и честно высказанного мнения и по глупости ссылают нас туда, где мы имеем полную возможность сказать ту правду, которую они хотят скрыть от себя и от всего света. Покидая с тяжелым чувством Россию, надеюсь использовать ссылку, как командировку, и послужить еще Родине, которая жива и не погибнет.

Проф. Б. Одинцов

«Прейссен», 18.11.22.

Прекрасное путешествие на «Прейссен» настраивает меня на благодушный лад. Хотя я и не поумнел за эти три дня и по-прежнему не понимаю ни смысла, ни цели нашей высылки за границу, но пока склонен думать, что Соввласть в возмещение того, что из 60 месяцев она 26 продержала меня в своих тюрьмах, теперь представляет мне и шестимесячный отдых за границей. Она же позаботится, надеюсь, о моем возвращении на Родину, сыном которой я не перестая себя чувствовать и при правительстве, отрицающем отечество.

А.С. Изгоев

В безумии совершаемого Сов. Властью — высылке лучших людей за границу — усматриваю эгоистический расчет и, может быть, возможность дальнейшего сохранения этой власти. Но уверен, что все сохранят полнейшую связь с Родиной и, живя на чужбине, будут работать на благо России, имея постоянным стремлением возвращение в свое отечество.

Н.П. Козлов

В огромном большинстве случаев изгнанниками бывают или преступники, или герои. По отношению ко мне ни то, ни другое не приложимо: преступления я не совершил, но и геройства ни в чем не проявил. Моя высылка есть плод недоразумения, а может быть, что и более вероятно, необходимая дань демагогии современной власти. В первую революцию (1906 г.) я был выслан из Томска за пределы Томской губ. Степного Генерал-губернаторства в Европейскую Россию, как революционер. Теперь меня изгоняют далее на Запад, из пределов России, как контрреволюционера. И в том, и в другом случае я украшен чужими перьями.

Проф. Е.Л. Зубашев

Уходя в изгнание, мечтаю о скорейшем возвращении на мою любимую Родину.

А. Каган, пароход «Прейссен», 18.11.22 г.

18 ноября 1922 года

Когда вспоминаешь все подробности пережитого за последние месяцы — арест, недели тюремного заключения, нелепый «допрос», которому нас подвергли какие-то малограмотные мальчишки, мытарства, испытанные после выхода из тюрьмы, галантность большевистской охраны (ГПУ) и презрительное злобное отношение к нам разных представителей советской власти, когда, наконец, поименно называешь себе людей, с которыми я оказался связанным единою судьбой, невольно задаешь себе вопрос: чего во всей этой истории больше — глупости или подлости? И сейчас на палубе парохода, уносящего нас, быть может, навсегда от мучительной, но любимой Родины, сейчас, когда все мысли уже не о прошлом, а о будущем, — напрашивается ответ: больше глупости, но ее так много, что, исходя из недр государственной власти, она уже превращается в подлость. Единая судьба объединила людей, нередко ничем не связанных между собой ни в жизни, ни в работе, подчас даже незнакомых друг с другом до встречи в тюремной камере. Но есть одна внутренняя связь между всеми нами: мы все, каждый в своем углу, отведенном ему жизнью, имели дерзость в дни всеобщего порабощения, в дни диктатуры кулака над свободным духом сохранить независимость взглядов, независимость идей, которые каждый из нас считал сильнее и могущественнее тех временных властителей русской жизни, которые шквалом налетели на нее. И если глупо, глупо до нелепости думать, что можно поработить идею, свободу независимой человеческой мысли, то выбрасы-

вать за борт родной жизни тех, кто дерзает не надевать ярма на свою мысль и на свою душу, для гордящейся своей внутренней и внешней силой власти — просто подло. Но без злобы и ненависти, а с тоской по оставляемой родной жизни покидаю я Россию и с твердой верой в победу независимой мысли над диктаторским кулаком.

Н. Волковыский

Три дня пути, десять недель заключения — пролетели как сон. Там далеко, далеко осталась Родина и семья. Кажется, никогда больше так не тосковал по Родине, не любил больше семьи! Все свои силы и стремления — к Родине, к семье!

И. Юштим

Штеттин, 19 ноября 1922 г.

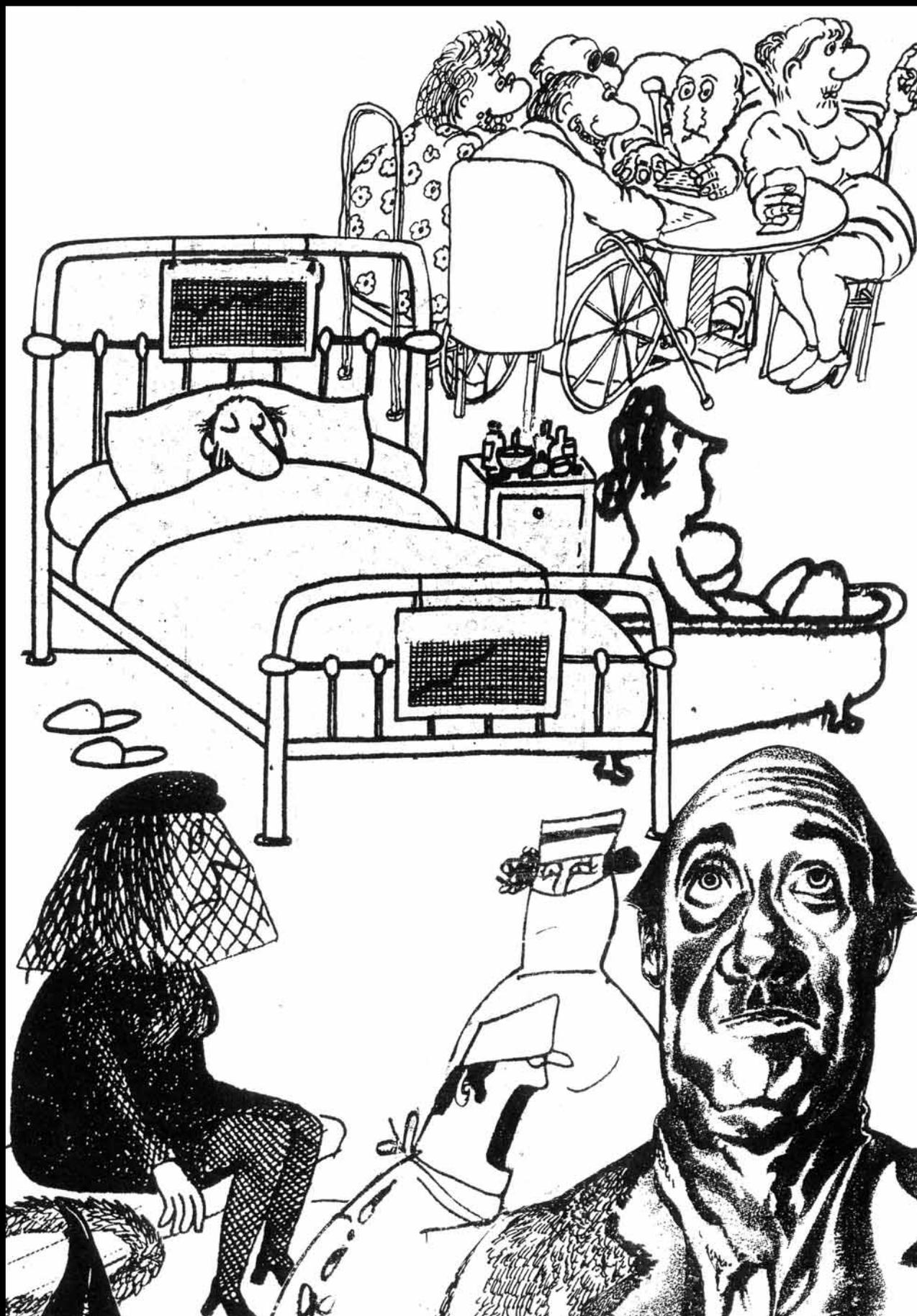
Сходя с парохода на германскую землю, я думаю о России, так горячо и так разное нами всеми любимой. Может быть, я вернусь на родину не скоро и увижу ее не только перерождаемой, но уже перерожденной Революцией. Но я предпочел бы смерть на чужбине возвращению в Россию, если... придет реставрация. Я смотрю на нашу высылку, как на один из последних революционных эксцессов, а в эксцессах никогда не бывает никакой логики, никакого смысла. Потому в душе моей нет места для злобных чувств и для мстительных вожделений. Я был и остался независимым журналистом, а независимая журналистика во все времена и при всех правительствах занятие опасное. Поэтому не ропщу — вызывать неудовольствие власти как бы неразрывно связано с моей профессией. Пишу совсем наскоро и бессвязно, простите, милая Анна Александровна, небрежность стиля и неразборчивость почерка...

Б.Харитон (P.S: Б.Харитон — отец Юрия Б.Харитона, физика-ядерщика, трижды Героя социалистического труда СССР)

Прошло больше 90 лет с тех пор, как Советская власть положила начало преследованию своих инакомыслящих граждан. За это время были изобретены новые формы и методы борьбы с идейными противниками: раскулачивание, варварское переселение целых народов в Сибирь и Казахстан, но кульминацией «красного террора» стала борьба

против «врагов народа», когда в ход пошли пытки и массовые расстрелы ни в чем не повинных людей.

В современной России ничего подобного, слава Богу, нет. Нет и насильственных депортаций. Хотя и в наши дни родину покидают многие умные, способные и энергичные люди. Но этот свой путь они выбирают сами. □

История Болезни

Откровенно говоря, я предпочитаю хворать дома.

Конечно, слов нет, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена. Но, как говорится, дома и солома едома.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои невероятные страдания.

Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне не все понравилось.

Все-таки только больного привезли, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но я прямо закачался на ногах, когда прочел это воззвание. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моем организме, может быть, она на волоске висит — и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

— Что вы, — говорю, — товарищ фельдшер, такие пошлые надписи вывешиваете? Все-таки, — говорю, — больным не доставляет интереса это читать.

Фельдшер, или как там его, — лекпом, — удивился, что я ему так сказал, и говорит:

ИСТОРИЯ Болезни

— Глядите, больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идет от жара, а тоже наводит на все самокритику. Если, — говорит, — вы поправитесь, что вряд ли, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трех до четырех выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете знать.

Хотел я с этим лекпомом схлестнуться, но поскольку у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

— Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, — говорю, — можно больным такие речи слушать? Это морально подкашивает их силы.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу замял разговор. И тут сестричка подскочила.

— Пойдемте, — говорит, — на обывочный пункт.

Но от этих слов меня тоже передернуло.

— Лучше бы, — говорю, — называли не обывочный пункт, а ванна. Это красивей и возвышает больного. И я, — говорю, — не лошадь, чтобы меня обмывать.

Медсестра говорит:

— Даром что больной, а тоже замечает всякие тонкости. Наверное, — говорит, — вы не выздоровеете, что во все нос суете.

Тут она привела меня в ванну и велела раздеваться.

И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже торчит какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверное, из больных.

Я говорю сестре:

— Куда же вы меня, собаки, привели — в дамскую ванну? Тут, — говорю, — уже кто-то купается.

— Да это тут одна больная старуха сидит, — отвечает медсестра, — вы на нее не обращайтесь

внимания. У нее высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и набуровим вам свежей воды.

Я говорю:

— Старуха не реагирует, но я, может быть, еще реагирую. И мне, — говорю, — определенно неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит лекпом.

— Я, — говорит, — первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиряющая старуха купается, и то он претензию выражает. А у нее, может быть, около сорока температуры, и она ничего в расчет не принимает и все видит как сквозь сито. И, уж во всяком случае, ваш вид не задержит ее в этом мире лишних пять минут. Нет, — говорит, — я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере, тогда им все по вкусу, всем они довольны и не вступают с нами в научные пререкания.

Тут купающаяся старуха подает голос:

— Вынимайте, — говорит, — меня из воды, или я сама сейчас выйду и всех тут вас распатроню.

Они занялись старухой и мне велели раздеваться.

И пока я раздевался, они моментально напустили горячей воды и велели мне туда сесть. Зная уже мой характер, они не стали со мной спорить и старались во всем поддакивать. Только после купания дали мне огромное, не по моему росту, белье. Я думал, что они нарочно от злобы подбросили мне такой комплект не по мерке, но потом я увидел, что у них это — нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших рубашках, а большие — в маленьких.

Мой комплект оказался даже лучше, чем другие. На рубашке больничное клеймо стояло на рукаве и не портило общего вида, а на других больных клейма стояли у кого на спине, а у кого на груди, и это морально унижало человеческое достоинство.

Но поскольку у меня температура все больше повышалась, то я и не стал об этих предметах спорить.

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые, видать, тяжелобольные. А некоторые, наоборот, поправлялись. Некоторые свистели. Другие играли в пешки. Третьи шлялись по палатам и по складам читали, чего написано над изголовьем.

Я говорю сестрице:

ИСТОРИЯ Болезни

— Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, — говорю, — каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина и порядок, а у вас, что за базар?

Та говорит:

— Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтобы он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришел главный врач, но вместо него пришел этот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии, и при виде его окончательно потерял свое сознание.

Очнулся я, наверное, так думаю, только дня через три.

Сестричка говорит мне:

— Ну, у вас прямо двужильный организм. Вы, — говорит, — сквозь все испытания прошли. И даже мы случайно положили вас около открытого окна, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, — говорит, — если вы не заразитесь от своих соседних больных, то вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не поддался больше болезням, и только я единственно перед самым выходом захворал детским заболеванием — коклюшем.

Сестричка говорит:

— Наверное, вы подхватили заразу из соседнего флигеля. Там у нас детское отделение. И вы, наверное, неосторожно покушали из прибора, на котором ел коклюшный ребенок. Вот через это вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм взял свое, и я снова стал поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут, как говорится, настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже по-

шли мелкие прыщики вроде сыпи. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдет».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришел, и нельзя было отметить. То, наконец, у них началось движение жен больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

— У нас такое переполнение, что мы прямо не успеваем больных выписывать. Вдобавок у вас только восемь дней перебор, и то вы поднимаете тарарам. А у нас некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то терпят.

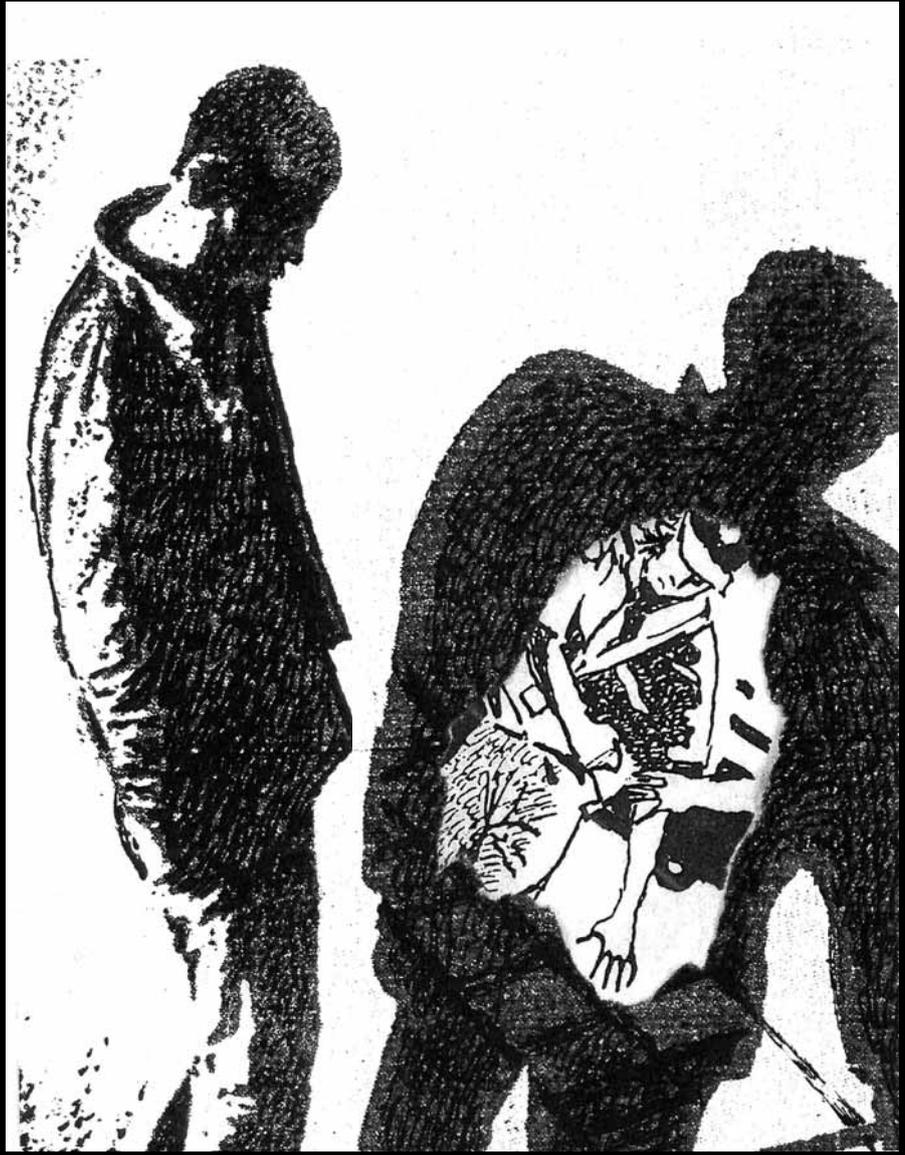
Но вскоре меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

— Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: «По получении сего срочно явитесь за телом своего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку, которая у них произошла в бухгалтерии. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Хотя я к тому времени был здоров, и только на нервной почве меня закидало прыщами. В общем, мне стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побежать в больницу, чтобы с кем-нибудь там побороться, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошел.

И теперь хвораю дома. □

После очередной — на этот раз двухмесячной — командировки в «горячую точку» командир мотострелковой роты Игорь Кедров без единой царапины возвращался к семье, домой. Здесь не просыпались ночами от треска автоматных очередей на улицах, не опасались, что из неприметного авто, проезжающего мимо КПП воинской части, вдруг вылетит граната, не ждали пули или ножа в спину во время патрулирования по чужому городу, население которого на дух не переносило миротворцев в погонах. Здесь был мир — привычный, пусть со своими проблемами, не всегда справедливый, но — мир...

Людмила встретила Игоря так, как и должна была встретить офицера, вернувшегося из длительной командировки на войну, любящая жена: кинулась на шею, расцеловала под восклицания: «Ну, наконец-то! Слава богу!» и срочно погнала под душ, а затем переодеваться, сама же захлопотала на кухне.

Но, сев за накрытый стол, который венчала запотевшая непорочная бутылка «Таможенной» водки, капитан быстро понял: не все спокойно в королевстве Кедровых. Это проглядывало и в напряженно нахмуренных бровях жены, и в ее ответах на мужнины вопросы о житье-бытье — дважды невпопад, и в неловком движении — чуть не просыпала кофе, а потом размешивала его быстро, нервно побрякивая ложечкой о стенки керамической кружки.

— Случилось что? — еще не допив забеленного сгущенкой любимого напитка, спросил Игорь.

— Представь, да, — моментально откликнулась Людмила.

— Серьезное?

— Серьезней не бывает.

— Так рассказывай, — отставил кружку Кедров.

— Дочь твою одноклассник ни за что избил! — с прорвавшейся ноткой злости выпалила жена.

— И... сильно?

Перед глазами Игоря возник образ Иринки, тихони-семиклассницы.

— Да уж... Со всей дури, полной книгами папкой по голове! А бил подло, сзади... На перемене подскочил. Иринка чуть не упала, плачет, а все вокруг смеются, и этот гаденыш громче остальных.

— Учителя знают?

— А толку? Ходила я уже к директорисе...

— Такого слова вроде бы как нет, — опрометчиво заметил Игорь.

— Зато человек есть! — тут же взорвалась Кедрова. — Дама за сто килограммов! Вся из себя: что костюм, что прическа, плюс на каждом пальце по бриллианту! И заявляет: а может, он нечаянно... Какое, говорю, если он Иринке проходу не дает! То лягушку в рюкзачок, то кнопку на стул... То подножку, то в спину кулаком... А «бриллиантовая», на пару с классной руководительницей, хором: нет, Леша хороший! Он просто очень моторный... Что, Карлсон, что ли? Ну, я точно знаю, почему они его выгораживают. Папочка у этого хулигана преуспевающий коммерсант, он же главный школьный спонсор. Потому в классе и доска импортная, и мебель... Ремонт текущий — покраска-побелка — опять за счет фирмы... Да все учителя на него молятся, словно на чудо-икону!

— Ну а ты сама с этим папой когда-нибудь встречалась?

— Представь себе, да. Этот «очень моторный» у нашей безответной как-то рюкзачок отобрал, снега туда напихал, а вдобавок еще — ей за шиворот... Ста-ла я папе после родительского собрания выговаривать — он на них сам всегда ходит, — так он от меня прямо открестился!

— Но хоть что-то по этому поводу сказал?

— Сказал... Он-де по образованию психолог, и глубоко убежден, что дети меж собой все проблемы сами решать должны, без взрослых. Тогда, значит, развитие свободнее... Вот, говорю, пусть впредь его сын с второгодником Мамоновым такие проблемы и решает... Есть там у них один: в плечах — метр, рост — под два... А этот чертов папаша только ухмыляется. Говорит, если Алексею очень хочется с вашей дочкой общаться, не препятствуйте... Глядишь, в будущем и породнимся!

— Вот сволочь! — помимо воли вырвалось у Игоря.

— Ага! В лицо ему и скажи! — почти прокричала Людмила. — У него, я слышала, полная фирма телохранителей! С пистолетами! Никакой твой рукопашный бой не поможет!

— Как сказать...

— А как хочешь! Да, кстати... — сбавила тон жена, — его после последнего случая все-таки в школу вызывали. Записку-отписку, наглец... Мол, весь в делах и заботах, переговоры с границей... Словом, на пустяки не размениваюсь. Классная мне и заявляет: а что тут школа может сделать? Не силком же уважаемого человека тащить! Нет, Лешу, конечно, директориса при мне вежливенько так отчитала... Да только ему на эти нотации начхать! Другие одноклассники, по его дурному примеру, тоже руки распускать начали!

— Что конкретно от меня требуется? — уточнил Кедров.

— Как что? Ты — отец, вот и принимай меры. Хоть какие-нибудь, моих дамских сил здесь явно не хватает! — И Людмила в сердцах загремела посудой.

— Слушай, а почему именно на Иринке отъезжают? — вслух задумался Игорь.

— Не понял? Эх ты... Забыл, когда в очередной раз переехали? Новенькая она, а класс очень трудный. Кстати, это именно благодаря твоей распрекрасной службе мы всю жизнь по чужим углам мыкаемся, а дочь уже которую школу меняет... Результат...

— Что ж, диспозиция ясна. Будем думать...

— Представь, давно пора бы. Пока дочери все кости не переломали...

...Тот день был субботним, и, когда вернулась из школы дочь — хрупкая, большеглазая, — Кедров, что было ему несвойственно, попытался вызвать ее на откровенный разговор.

— Он что, действительно именно тебе проходу не дает, этот Леша? — спросил Игорь и поразился: в глазах Иринки тут же выступили слезы и заплясали огоньки страха.

— Он меня... Каждый день... — всхлипывала девочка. — Сегодня за хвост ка-ак дернет! Будешь, говорит, ябедничать — по стенке размажу! А за ним и эти: Мокрицкий, Перегудов... Дави, кричат, ябеду-беду! Лешка еще и на свитер плюнул...

Игорь слушал жалобы дочери, стиснув зубы...

Оставшуюся часть дня офицер усиленно размышлял: искал достойный выход из, увы, вполне заурядной для сегодняшней российской школы ситуации. А ближе к вечеру постучался к соседу, бывшему сослуживцу, нынче подполковнику запаса, который судился с финуправлением округа за так называемые «боевые» деньги, незаконно не выплаченные ему после командировок в «горячие точки».

— Слушай, Григорыч, ты вот своего адвоката так расхваливал... А телефончик его можешь дать? — попросил Игорь.

— Что, тоже «боевые» зажали? — поинтересовался сосед, листая старенький блокнот.

— Да нет. Тут кое-что другое... образовалось, — уклонился от прямого ответа Кедров.

Созвонившись с адвокатом, он объяснил, откуда узнал его телефонный номер, и попросил о консультации — разумеется, не бесплатной.

— А когда вам удобно? — поинтересовался собеседник на другом конце провода. — Я, в принципе, сейчас свободен. Если сами сможете в центр подъехать... Нет, для меня не поздно.

— Для меня — тем более, — решительно произнес Игорь. — Диктуйте адрес... Так... Есть... Смогу быть примерно через час.

Мужчины встретились у входа в небольшой парк, и, прогуливаясь по его центральной аллее, Кедров внятно изложил адвокату суть школьной проблемы и как именно собирается ее решать.

— Ну, общую ситуацию я понял... — Адвокат приостановился и слегка потер подбородок. — И что вы предполагаете сделать, тоже понял. М-м-м... По-армейски прямолинейно, однако и нестандартно. Вот будет ли прок? Ладно, так сколько вашей дочери лет? Только точно — это важно.

— Через два месяца четырнадцать исполнится, а что? — не понял Игорь.

— Вот это хорошо. Это даже отлично! — взбодрился консультант. — Понимаете, в Российской Федерации уголовная ответственность наступает только с четырнадцати лет, посему в вашем случае состава преступления не усматривается. Словом, на момент совершения вашей дочерью в течение следующих двух месяцев каких-либо противоправных действий — ну, ведь не убивать же вы, в конце концов, ее руками кого-то собрались, — она при любом раскладе не будет являться субъектом преступления. По максимуму — разве поставят на учет в милиции. М-м-м... А на вас, полагаю, составят административный протокол по статье 5.35 КоАП РФ.

— А если попроще? Что еще за КоАП такой? И о чем статья?

— Кодекс об административных правонарушениях. Статья же эта называется «Ненадлежащее исполнение родительских прав». Максимум триста рублей штрафа. И то — возможно, конечно, я ошибаюсь, все-таки у меня не тот профиль, — но, кажется, военных и вовсе не штрафуют. Сообщают о «ненадлежащем» на службу, руководству, оно и разбирается — по своей линии.

— Лучше бы три сотни штрафа... — задумчиво произнес Кедров. — Это мелочевка. А вот замполиту «компру» слить — тот может такое кадило раздуть!

— Сожалею, — развел руками адвокат. — Протоколы по пять-тридцать пять рассматривает специальная комиссия при администрации района. Поставить ваше начальство в известность о... м-м-м... пока еще не случившемся противоправном действии она стопроцентно обязана. В самом худшем случае, материал передадут прямиком в военную прокуратуру, ну а там... Разберутся. Взыскание, в итоге, все равно какое-либо получите, протокол же потом в архив спишут, и фенита ля комедия.

— Ч-черт! — выругался Игорь. — Взыскания не хотелось бы. Только... В данной ситуации другого выхода не вижу.

— То есть, законный путь вас совсем не интересует? — уточнил адвокат.

— Это не путь, а тупик, — возразил Кедров. — Жалобы учителям и районным чинушам? Заявления в ментуру и прокуратуру? Абсолютно не вижу перспективы.

— Да, это тягомотно, соглашусь... М-м-м... А если, скажем, детальную бумагу напрямую в Комитет по образованию подготовить? Есть там один чиновник... Сергей Петрович. Можно подсуетиться, чтобы она на разбор именно к нему попала. А уж после его представлений — он по натуре обожает все дерьмо до упора разгребать — не один директор из насиженного кресла как от катапульты вылетал, с вечным клеймом «знак педагогического некачества».

— Нет, я уж как-нибудь сам, — открестился Игорь. — Ладно. За консультацию спасибо. Сколько я вам должен?..

Вернувшись домой, боевой капитан окончательно утвердился в мысли: в случае с Лешей, который тоже пока по возрасту не подпадает ни под одну уголовную статью, требуется активное контрнаступление. То бишь, надо суметь поставить неуправляемого подростка — по-видимому, еще и активно поощряемого отцом — на место Иринки, на своей шкуре дать ему почувствовать унижение и боль.

Вот и оставался лишь тот самый прямолинейный армейский вариант. Хотя Игорь и прекрасно осознавал его последствия: такой своего рода артиллерийский огонь, под которым немудрено серьезное ранение получить...

— Ну и как, решил что-нибудь? — поинтересовалась к вечеру воскресенья Людмила.

— Так точно, — кивнул он. — Сейчас вот Иринке буду подробный инструктаж давать.

— Что еще за инструктаж? — насторожилась Людмила. — Ох, смотри...

— Да уж как-нибудь без тебя погляжу, — невежливо отозвался офицер и с нажимом в голосе произнес: — Сама требовала — теперь не вмешивайся. Теперь это уже мое, мужское дело...

После командировки Кедрову предоставили десятидневный отпуск. И в понедельник офицер, надев камуфляжную форму и берцы, ближе к обеду зашагал в школу, к дочери. У Иринки как раз подходил к концу последний, пятый урок, когда капитан осторожно постучался в класс. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в проеме обрисовалась худосочная фигура пожилой женщины. Игорь уже знал, что это учительница математики, она же — классный руководитель дочери, прозванная учениками Ожившей Мумией.

— В чем дело? — буравила она жестким взглядом маленьких поросячьих глаз высокого рыжебородого мужчину.

— Я — отец Ирины Кедровой. Можно дочь на два слова?

— Что за срочность? — Математичка чуть повернула голову с гладко зачесанными назад седыми волосами, собранными на затылке в жидкий узел. — До конца урока пятнадцать минут...

— Очень нужно.

— Ну, хорошо. Кедрова, на выход...

Уточнив у дочери, на занятиях ли ее обидчик, и за каким столом сидит, офицер дождался звонка на перемену и вошел в класс.

Иринка указала пальцем на упитанного подростка-здоровячка с тщательно расчесанными длинными волосами, складывавшего учебники в кожаную, размером с небольшой кейс, папку с золотым тиснением «Petek».

— Тебя, что ли, Алексеем зовут? — обратился к нему Игорь.

— Ну, допустим, — процедил тот, настороженно глядя на незнакомого бородача в камуфляже.

— Тогда давай знакомиться. — Офицер сел верхом на стул у стола, рядом с длинноволосым. — Заодно и о делах наших грешных покалякаем... Я — отец Ирины, твоей одноклассницы.

Тем временем все ученики, кроме Кедровой и здоровячка, покинули класс. Ожившая Мумия, тоже было собиравшаяся уйти, выжидательно застыла на месте.

— Нету у меня с вами никаких дел, — уткнувшись взглядом в пол, угрюмо пробурчал подросток. — И вообще, некогда мне, спешу.

— И чего это у вас в семье все такие занятые? — небрежно поинтересовался капитан. — Отцу, вишь, недосуг в школу заглянуть, даже если и вызывают, ты тоже, гляди, какой деловой...

— Игорь Дмитриевич, а вы, собственно, по какому вопросу? — вмешалась Ожившая Мумия, быстро листавшая журнал, и Кедров понял, что именно искала учительница: его имя-отчество.

— Известно, по какому, по вопросу методичной, изощренной травли моей дочери вот этим «милейшим» молодым человеком.

— О чем вы? Никакой травли нет и быть не может, — торопливо возразила преподавательница, — у нас показательное учебное заведение...

— Стало быть, портфелем по голове никто никого не бил? Врет моя дочь? И остальное: тычки, пинки, дерганье за волосы? Я уж не говорю о порче учебников, когда он ей снегом рюкзачок набил, да еще и за шиворот натолкал...

— Ну... — запнулась женщина, и ее и без того бледное лицо еще больше побледнело. — Мы же все эти эпизоды уже разбирали. А по поводу недавнего — вообще простая случайность...

— Разбирали, да не до конца, — жестко отпарировал Игорь. — Так что сейчас мой разбор будет. Итоговый...

— Вы... Вы не имеете права, — забеспокоилась Ожившая Мумия и даже со стула привстала. — Убедительно прошу в кабинет директора.

— Что я там забыл? — пожал плечами капитан. — Записку отца-бизнесмена посмотреть, где он всех подальше посылает? А вот хватит, допустим, духу с этой отпиской в Комитет по образованию явиться? Скажем, к Сергею Петровичу — надеюсь, слышали про такого? Да в нос ему, как моей жене, этой бумажкой ткнуть?.. Мол, мы руки умыли, а ты, если желаешь, разбирайся. Я этого чиновника очень хорошо знаю. Вы даже не представляете, что он с вами сделает, когда про все узнает...

Кедров намеренно соврал, решив слегка «наехать» на математичку — дабы беседе не мешала.

Под впечатлением сказанного классная руководительница — расчет оказался верен — села на стул и замолчала, зябко поведя тощими плечами.

— Так за что ты недавно ударил мою дочь? — вновь обратился капитан к подростку.

— Я... нечаянно... — пробормотал тот, отводя взгляд в сторону.

— Врешь, и неумно, — спокойно возразил Игорь. — Иринку надо было догнать сзади, размахнуться, а уж потом только шарахнуть... что есть силы. И почему-то ты мою дочь, допустим, с Мамоновым не перепутал. Или кишка тонка ему по башке врезать?

Длинноволосый затравленно молчал.

— Сумка у тебя в руках на перемене тоже «нечаянно» оказалась? Лягушку в портфель опять «по случаю» запихнул? Шпыняешь постоянно — все «невзначай»? За волосы в субботу кто дергал? На свитер кто плевал?

Незаметно для себя Кедров распалился, и последние обличения выкрикивал, как команды на строевом плацу. Подросток от хлестких слов, будто от пощечин, стал вздрагивать и съежился.

— Как вы смеете? — подала голос Ожившая Мумия. — Он же ребенок!

— Смею! — рявкнул Игорь. — Я на войне, под пулями, страну защищал! А сейчас здесь, где не стреляют, родную дочь вынужден защищать! Любимая школа-то ее за подачки продала и предала! Око за око, зуб за зуб! Иринка, делай, как договорились! Ну! — Увидев, что девочка колеблется, он вскочил на ноги и отчеканил: — Бей! Бей, иначе всю жизнь сама битой будешь!

Тресь! — огрела обидчика своим рюкзаком по голове Иринка.

Классная руководительница судорожно вцепилась в журнал побелевшими пальцами. Увидев, что женщина уже открыла рот, чтобы что-то сказать, капитан показал ей внушительный волосатый кулак:

— Заткнись! Я твою работу делаю! Или предпочитаешь десяток журналистов? Они падкие на скандалы! Живо так вашу показушную школу распишут, что места потом трудоустроиться не найдешь! Директор-то все грехи на себя точно не возьмет, коли жареный петух в темечко... Козлом отпущения будешь ты! Именно ты!

Ожившая Мумия превратилась в застывшую мумию. Игорь же тихо, с ноткой фальшивой ласки, спросил:

— Что ж ты, Лешенька, не радуешься? Ведь вон как ржал, когда Иринке со всей дури врезал, и она слезами заливалась! Правда, тебе и сейчас весело? Дочь, а ну, добавь!

Тресь! — вновь опустился рюкзачок на голову обидчика.

— Слабо бьешь — не плачет! Изо всех сил лупи!

Тресь! Тресь! Тресь! — раз за разом ударяла девочка одноклассника, постепенно входя во вкус.

— Передохни... — остановил ее отец. — Ну, Лешенька, ты и туп... Не доходит, что колотить тебя будут, пока не заревешь?

В нестойкой тишине за дверью класса послышалось приглушенное хихиканье. Секундой позже на поясе подростка запищал сотовый, к которому, впрочем, владелец даже не прикоснулся, но, словно дождавшись сигнала, отчаянно заревел, размазывая слезы по сытому лицу.

— Вы ответите за свои действия! — пообещала классная руководительница.

— Неужели? А вы — за свое бездействие! На пару с директором! Я ведь не только в Комитет по образованию пойду! В прокуратуру тоже! И в Министерство образования подробнее напишу! Во все российские газеты!

В международный суд! Президенту! Отмываться замучаетесь! — Кедров тут же переключился на голосащего подростка: — Рыдаешь? Что и требовалось доказать! Тот же, кто сейчас подглядывает, по всей школе разнесет, как жидок ты на расправу! Авторитет-то — тю-тю! Но это не все! Дочь, давай!

— О-ой! — взвыл обидчик, когда Иринка что было сил дернула его за растрепавшиеся волосы.

— Стригись короче, — с издевкой посоветовал капитан.

— Вы... вы — садист! — глотала воздух широко открытым ртом Ожившая Мумия.

— Неужели? А он тогда кто? Между прочим, сам лично я его не трогал, так? А когда он всячески издевался над Иринкой, где вы лично с директором были? Боялись богатого папочку прогневить? Ладно, лягушки у меня нет, — не унижался Кедров, — и хоть ты мою дочь еще и оплевал — не забыл? — мы на тебя тоже плевать хотели, но не будем — противно. Но вот сумку ее ты в снегу извозил, книги испортил... Извини, конечно, сейчас на снег недород, зато лужа под окном имеется. Иринка! Швыряй туда его папку! Тебе мать новые учебники покупала — пускай и его папаша раскошелится!

С выпученными глазами Ожившая Мумия наблюдала, как самая тихая ее ученица, постоянно подкармливающая ничейных котят и горящая за любую замерзшую птичку и каждого щенка с перебитой лапкой, радостно выкидывает через форточку пожитки хулиганистого одноклассника, и они с брызгами шлепаются в грязноватую воду.

— Мы уходим, — сказал Кедров сыну бизнесмена, в глазах которого метался животный страх. — Ты же вникай, Леша. Иринка с тобой сделала лишь часть того, что ты с ней вытворял раньше. Расскажешь папе — станешь ябедой. А таких, как ты сам говорил, надо «давить и размазывать по стенке». Тронешь же мою дочь еще раз — еще раз приду я. И уж тогда возьмусь за тебя всерьез, сегодня были только цветочки. Что тут поделаешь, коль учителя ни на что не способны... Ну, разве милостыню из рук твоего отца хапать... Дружков своих — Перегудова, Мокрицкого — тоже просвети.

— Мокрицкий за дверью и подслушивал, — неожиданно подала голос Иринка.

— Тем лучше. А вы, «многоуважаемая», — обернувшись к классному руководителю, с сарказмом проговорил Игорь, — так директору и объясните: и я — человек занятой, в том плане, что по записке в школу тоже не приду, и одного раза за глаза хватит. А будете в барабаны бить, бумерангом по голове получите. Пе-да-го-ги!

Взяв дочь за руку, он вышел из класса, громко хлопнув дверью.

— Чокнутый! Дурак! Идиот форменный! — честила вечером мужа Людмила. — Теперь ее точно забудут! И нам беды...

— Как сказать... — философски изрек Игорь. — Пока в отпуске, провожать буду в школу и из школы... Но сыночку я точно рога пообломал. Он по натуре трусливый — сразу видно...

— Куда там! — не успокаивалась жена. — Голову Иринке прошибет, будешь тогда на лекарства в своих «горячих точках» зарабатывать!

— Не-е, я эту породу знаю... И близко не подойдет. Другое дело — возможно, папочка пообщаться захочет. Всегда милости прошу...

В своих прогнозах, как позднее выяснилось, офицер оказался прав.

Дней пять он провожал Иринку до школы, а затем прохаживался под ее окнами еще с час, чтобы на перемене дочь через окно могла указать на защитника одноклассникам.

Записку с требованием прибыть к директору через Иринку все-таки передали. Игорь, как и обещал, сослался на занятость и в конце приписал: «Рекомендую педколлективу гораздо глубже вникать в климат взаимоотношений школьников, пока в «показательном учебном заведении» дело не дошло до смертоубийства».

В пятницу Кедров уже традиционно отвел дочь в школу. По пути немного поговорили на «больную» тему.

— Что нового за вчерашний день произошло? — поинтересовался он.

— Да ничего особенного, папа.

— А все-таки?

— Ну... Классная наша, Маргарита Оттовна, опять возмущалась, что ты к директору так и не пришел.

«Вот же дура! — подумал Игорь. — При чем тут Иринка? На километр эту мымру гладкочесаную к детям не подпустил бы!» Однако вслух только хмыкнул и спросил:

— Обидчики твои, ты говорила, поначалу все притихли, а как теперь?

— Так же, папа. Никто ко мне даже близко не подходит.

— Значит, в этом смысле тебе жить спокойнее стало.

— Ага. Но вот...

— Что? — насторожился Кедров.

— Катька вчера от меня к другой девочке пересела. И вообще... Сначала многие говорили, какой ты молодец, и что Лешку давно проучить надо было, а теперь вроде как сторонятся. Нет, если я чего спрошу — отвечают. Только... — И голос девочки задрожал. — Только сами уже почти не подходят. Прямо никто. И Катька вот к Зинке ушла, а ведь они никогда не дружили...

— Даже так? — несколько растерялся боевой офицер.

Оставшуюся часть пути они прошли молча.

— Папочка, а может, тебе и не надо было вовсе в школу приходить? — вдруг нерешительно проговорила Иринка.

— Почему ты так думаешь? — удивился Кедров.

— Ну... Я вчера на переменке мимо нашего Мамонова проходила, а он со своими бывшими одноклассниками из девятого «б» стоит. Они на меня искоса глянули, и один говорит: «Рокфеллера — это так Лешку дразнят — давно пора было приструнить». Второй поддакнул: «И круто, чтоб не зазнавался!» А Мамонов заявляет громко так: «Вот только пахану Иркиному все равно в это дело встревать было не резон»...

— Знаешь дочь, мне все-таки лучше какого-то второгодника судить, резон или нет, — только и нашел что возразить, Игорь. Но подумалось ему, что «больная» тема оказалась куда более глубинной.

Некоторое время он еще походил под школьными окнами — одетый в неизменный камуфляж, а, решив вернуться домой и проходя мимо пивной, приютившейся на полпути меж его квартирой и школой, вдруг шестым чувством понял: его «пасут»...

Остановившись, Игорь быстрым взглядом зафиксировал двух мордovorотов в фирменных спортивных костюмах и массивных кроссовках. Отставив в сторону недопитые кружки, мордovorоты нарочито лениво пристроились в кильватер капитану. Он же вспомнил, что на пути в школу видел рядом со «спортсменами» еще двух таких же, и они сейчас топали Кедрову навстречу, а мордovorоты приближались сзади. Место разборки было выбрано квалифицированно: справа — высокий забор детсада, слева — глухая стена гаражного кооператива. Улочка немногочисленна, да и кому из случайных прохожих захочется нарываться на кулак или, чего хуже, на нож?

Клещи!!

Игоря охватило тревожное возбуждение, как перед боем. По сути, капитан словно бы вновь очутился на войне. Особой. На которой ему запрещалось применять оружие и, кроме умения сражаться голыми руками, не было иных средств дать отпор превосходящим силам противника. И все-таки до чего точно удалось просчитать ситуацию! Иринку-то по утрам провожал умышленно — ждал, что папаша-бизнесмен клюнет на удочку и пришлет телохранителей либо наемников за сатисфакцией... Дождлся!

Ускорив шаг, чтобы быстрее встретиться с идущими на него и одновременно увеличить разрыв меж собой и наступающими, Кедров двинулся прямо на атлета в костюме, оставляя его напарника правее.

— Ну, ты!.. — выкрикнул атлет, приблизившись на расстояние трех шагов.

И рванулся вперед, выбрасывая правую руку с кастетом, усаженным короткими металлическими шипами. Таким сработанным по особому заказу холодным оружием можно запросто размозжить переносицу или переломить челюсть. Владелец кастета, похоже, и рассчитывал на первый — эффектный — удар, многократно проверенный на всяких лохах. Но перед ним находился мастер рукопашного боя...

Подшаг навстречу нападавшему — и Игорь тут же развернул корпус по часовой стрелке. Летящий кулак со смертоносным железом просвистел мимо: враг

провалился вперед. Перехватить правой рукой его запястье, продернуть противника чуть дальше и — короткий, вполсилы, удар ребром ладони по кадыку. Сделано!

«Ударил бы мощнее — прямая дорога на кладбище, — мысленно резюмировал Кедров. — А прием-то получился четко, будто на тренировке...»

Продолжая движение, капитан с силой приподнял подбородок атлету и зажал его шею под мышкой, в удушающих тисках.

Весь прием занял секунды три, так что атлет даже не успел активизироваться. «Спортсмены» и вообще еще только подбегали к месту схватки — правда, с уже выщелкнутыми лезвиями ножей-выкидушек в руках.

— Стоять! Еще шаг — и он покойник! — выкрикнул капитан и тут же с приторной вежливостью поинтересовался у атлета, одновременно стаскивая с его беспомощной руки кастет: — Слышь, братан, тебя как зовут?

— Ник...кита, — в два приема выговорил тот, судорожно цепляясь за удушающую горло руку. Остальные противники в замешательстве топтались на месте.

— Ну что, Никишок... Жить-то хочешь? Не то... — Игорь на секунду сдавил его кадык, и тот глухо захрипел.

— Эти звуки ласкают слух, — с издевкой произнес офицер. — Приятелям-то разобъясни: ежели кто дернется, первый труп — ты. Как минимум, и еще одного закопаю, а повезет — то и всех! Дурилки! Я Афган и пять «горячих точек» прошел! Сколько тварей лично на тот свет отправил — со счета сбился! Четырьмя меньше-больше — без разницы! — И чуть тише добавил: — Я к смерти давно готов, а вот вы? Так что, Никишок, давай, походатайствуй...

— Уйдите... Прошу... Иначе эта падла... — прохрипел тот.

— Здесь точно четыре падлы, — уточнил капитан. — И точно знаю, что ни одна из них — не я... Ножи и остальной арсенал — на землю! Ну! И свалили — больше не повторяю, ломаю ему шею!

— Уходите!! — взвыл полузадушенный атлет.

Дружки нехотя повиновались.

...Дождавшись, пока обезоруженное трио удалилось метров на сто, Игорь одной рукой собрал с асфальта оружие, рассовал за пазуху и по карманам. Двигаясь то боком, то задом, протащил атлета шагов на тридцать от друзей. Двое случайных прохожих шарахнулись в стороны...

У валявшегося близ дороги обломка бревна Кедров отпустил сломленного врага, и тот мешком свалился на комель, обеими руками массируя горло.

— Слышишь меня хорошо? — спросил Игорь.

Не отнимая рук от шеи, атлет с усилием кивнул.

— Тогда своему боссу — или кто он тебе — передай: за дочь любому глотку перегрызу! Усекаешь? А если хозяин твой не вникнет, сквозь всех телохранителей достану и через сотню пыток пропущу!

Капитан и изрядно помятый атлет расходились в разные стороны, и Игорь даже не оглядывался, настолько был уверен, что этот бой он выиграл... И вдруг остановился, взглядом упершись в новенький «джип», припаркованный на противоположной стороне расширяющейся улицы. Через открытое окно с заднего сиденья престижного авто на офицера злобно смотрел холеный мужчина с тонкими усиками и цейсовским биноклем в руках.

«А вот и сам заказчик», — догадался он и, замедлив шаг, вскинул руку в неприличном жесте. Поняв, кому этот жест адресован, пассажир «джипа» торопливо поднял тонированное стекло, и шикарный автомобиль резво и почти бесшумно рванул с места...

Через сутки, ближе к вечеру, в квартиру Кедровых постучался мужчина в милицейской форме.

— Участковый инспектор, лейтенант Суржилов, — представился он и предъявил краснокожую «ксиву». — Тут на вас, товарищ капитан, заявление поступило. О групповом хулиганстве... Со стороны вас и, соответственно, дочери вашей, несовершеннолетней... Разобраться следует...

— Что ж, проходите, — нехотя пригласил Игорь в комнату нежданного гостя. В принципе, капитан допускал и такой ход развития событий, так что был к нему готов.

Участковый инспектор неторопливо достал из папки стопочку бумаг.

— Значит, так: что мы имеем? Есть протокол заявления от гражданина Юрчилова Станислава Викторовича по поводу подстрекательства вами вашей дочери на избиение его сына. Что в дальнейшем на ваших глазах и имело место... Подтверждается свидетельскими показаниями педагога Кутовой Маргариты Оттовны — она же классный руководитель потерпевшего и подозреваемой... Вот выписка из журнала приемов и отказов от госпитализации амбулаторных больных горбольницы номер два, а также акт судмедосвидетельствования, согласно которому у Юрчилова-младшего зафиксированы телесные повреждения в виде гематомы мягких тканей головы. Со слов отца, подросток также жалуется на непрекращающиеся головные боли... Да и вообще, это происшествие не могло не повлиять на его психическое состояние... Он в своем объяснении подтверждает изложенные отцом факты. Что можете пояснить по этому поводу?

— На протяжении длительного времени Юрчилов-младший методично и изо щренно травил мою дочь, — начал Кедров, — мучил ее и систематически избивал. Однако педагоги всегда покрывали маленького садиста.

— Ваши слова бездоказательны, — перебил его участковый. — У Алексея Юрчилова — прекрасная характеристика, подписанная классным руководителем и директором школы...

— Конечно, — усмехнулся Игорь. — Чего не сделаешь... в надежде на папино подаяние...

— Не понял...

— Ладно, проехали. Давайте тогда только о последнем эпизоде: учителя подтверждают, что недавно Юрчилов ударил мою дочь папкой с учебниками по голове?

— Про этот факт действительно упоминалось, — поморщившись, вынужден был согласиться участковый. — Но директор поясняет, что, во-первых, вы сильно преувеличиваете, а во-вторых, случаю давалась принципиальная оценка. Мальчик в присутствии вашей супруги извинился, и инцидент считается исчерпанным.

— Ах, считается... А ну, иди-ка сюда, — позвал Игорь жену из комнаты Иринки. — Разобъясни-ка товарищу начальнику по поводу принципиальной оценки...

— Малолетнего преступника пришли защищать? А где вы были, когда он мою дочь избивал и оплевывал? С учителями заодно? Да он ее совсем затерроризировал! — коршуном налетела Кедрова на участкового инспектора, с жаром перечисляя все случаи унижения дочери. Тот несколько минут молча слушал материнские претензии, а затем протестующе поднял руки вверх, как бы закрываясь от словесного потока, низвергавшегося на его голову:

— Хорошо, хорошо... Значит, так: мы во всем тщательно разберемся, если неприязненные отношения между детьми действительно имели место...

— Представьте, имели! — выпалила Людмила. — А вы тут устраиваете... игру в одни ворота! Да моя Иринка и мухи не обидит!

— И все же, разве она не избивала Юрчилова рюкзаком?

— Слегка погладила, это точнее, — не согласился капитан. — Причем, в моем и учительницы присутствии. Только действовала по собственному почину... Поняла, что мой разговор с Алексеем ни к чему не приведет: тот хамил, врал, вину признавать не собирался. Скажу больше, он и надо мной начал издеваться. Мне, мол, некогда по пустякам болтать, спешу, да и вообще — если что и произошло, то нечаянно, ненароком... Вы согласны, что шарахнуть, сколько есть мочи, сумкой по голове возможно походя, даже этого как бы и не заметив?

— Мы разберемся, — повторил участковый. — Только это тоже не метод — устраивать самосуд. Необходимо было еще раз посетить директора, встретиться с отцом подростка, к нам, в конечном итоге, обратиться...

— Пардон, никакого самосуда, — уточнил Игорь. — С моей стороны... Ну, стукнула Иринка одноклассника — в отместку, несильно, девочка она хиленькая. Ну, за вихор дернула... От этого же не умирают, так? Напомню, все, что она сделала, неуправляемый мальчишка с ней творил раньше и больше... Давайте тогда уж обоюдно их действия разбирать...

— Сейчас мы больше о ваших действиях речь ведем, — гнул свою линию участковый. — Кутова настаивает, что девочка действовала по вашей указке, и уверена, что у вас заранее сговор был.

— Хех! — усмехнулся Кедров. — Да ради куска хлеба — в смысле места в школе — она вам сейчас засвидетельствует, будто я каждую ночь в кабинете

директора первоклассниц насилую! Повторяю: мальчишка мне нахамил, дочь поняла, что из разговора толку не будет, ну и... Какой тут может быть сговор? Так и пишите...

— Ну, хорошо. — Участковый инспектор вытащил из папки чистый лист: — Теперь надо бы и от несовершеннолетней объяснение принять.

— Категорически возражаю, — отрезал капитан.

— Почему?

— Чтоб лишний раз ребенка не травмировать. Да и без педагога вы несовершеннолетних опрашивать не имеете права...

— Время тянете? Ладно... Значит, так, завтра в школе опросим.

— А я сегодня дочери строго-настрого запрещу с любым на эту тему разговаривать, — предупредил Игорь. — И посмейте только на девочку давить — по судам затаскаю!

— Благодарю за откровенность! — резко захлопнул папку участковый инспектор.

...И этот бой был выигран. Правда, Игорю пришлось выслушать критическое мнение Людмилы о сложившейся ситуации. Но теперь и жена, и дочь в любом случае должны были действовать заодно с главой семьи, как бы ни складывались обстоятельства...

Через несколько дней, когда Кедров уже вышел на службу, его вызвали в военную прокуратуру: все собранные по факту «группового хулиганства с предварительным сговором» материалы были переданы туда. С тяжелым сердцем шагал Игорь по улице: а вдруг адвокат в своих предположениях все же оказался неправ?..

— Разрешите? — постучавшись, приоткрыл он светлой полировки дверь в кабинет военного прокурора и четко отрапортовал: — Товарищ полковник, капитан Кедров по вашему приказанию прибыл!

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил хозяин кабинета, сидящий в черном кожаном кресле на колесиках за массивным рабочим столом. Перпендикулярно к нему примыкали еще три, «рангом поскромнее», с придвинутыми по обеим сторонам рядами полумягких стульев. Игорь сдернул с головы кепку и осторожно уместился на одном из них.

Выдержав паузу, полковник — лысый, с широким пористым носом и выпирающим кадыком — задал риторический вопрос:

— Понимаете, товарищ капитан, по какому поводу вы здесь?

— Да уж, догадываюсь.

— Тем лучше, не будем ходить вокруг да около. Конфликтная ситуация в школе наличествовала?

— Имела таковая место, — нехотя признал Кедров.

— А поскольку вы — армейский офицер, то и материалы проверки по заявлению гражданина Юрчилова были, соответственно, направлены в наш адрес.

— Ну, это-то понятно.

— Вот и ладно. Итак, с документами мы внимательно ознакомились. Было над чем подумать... М-да-а... Посему сделали запрос в воинскую часть, характеристику и личное дело ваши нам переслали. Скажу откровенно — впечатляет. Я в свое время тоже в «горячих точках» побывал, и даже знавал вашего бывшего командира полка Чайкина. Кстати, не в курсе, где он сейчас?

— В Подмосковье, на пенсии. На даче затворником живет, редиску выращивает.

— М-да-а. А какой лихой офицер был! Ладно, у каждого по жизни свой путь... Значит, орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги», орден Мужества, две медали «За отвагу», «За отличие в воинской службе»... Целый иконостас!

— Скажете тоже. Да у того же Чайкина — куда круче. Вот только он свои награды недавно все хотел переплавить и потом результат в реке утопить.

— Что-что? — удивился военный прокурор.

— Эх! Не хотелось вам говорить, — вздохнул Кедров. — В религию командир качнулся. И круто. От беса, кричал, все эти награды дадены, за души людские загубленные. Грехов, значит, на нем много, успеет ли к смертному часу замолить? А не то — гореть ему на адовой сковородке... Спасибо, жена и сын вовремя неладное углядели, кое-как скопом забрали медали и ордена, теперь вот у соседей хранят. И вообще, товарищ полковник, вы же меня сюда вызвали не о наградах моих и чужих речь вести...

— Ох, и ершист ты, однако, капитан, — неожиданно отказался хозяин кабинета от официального «вы». — Подразумеваю, оттого до тридцати семи — и все в младших офицерах. Характеристика-то на тебя, с одной стороны, положительная, а с другой — ввернули: «Не всегда соглашается с мнением вышестоящего начальства».

— Ага. Особенно если оно выдает «на-гора» идиотские приказы, а когда я их по мере возможности все же стараюсь исполнить, от «косяков» попробуй, застрахуйся. Я же потом еще и крайним оказываюсь, если возражать начинаю и не соглашаюсь чужую вину на себя принять. Дурдом!

— М-да-а... Ладно, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении тебя мы, конечно, вынесем. Только вот что еще для этого сделать надо. Тут, в материалах, имеется акт судмедэкспертизы по поводу полученных несовершеннолетним Юрчиловым телесных повреждений — на удивление быстро спроворили! — так и ты дочь на медосвидетельствование тоже своди. Направление мы подготовили, вот, а заключение в дело подошьем.

— Без проблем, — отозвался Кедров.

— Идем дальше. Вот бумага. Немедленно пиши объяснение, что по статье 51 Конституции РФ никто показания против себя и близких родственников давать не обязан, а значит, молчание дочери закону не противоречит. Это чтобы

на рапорт участкового ответить, где он на тебя и дочь бочку катит, мол, отказываются давать показания. Однако жену твою почему-то опросить запомнил — ну, ничего, мы это живо поправим.

— Раз оно так пошло, товарищ полковник, тогда и я скажу, — насупился Игорь. — На днях на меня было совершено разбойное нападение. Четверо неизвестных мужчин окружили по дороге из школы — дочь провожал. Молодые, накачанные, с холодным оружием. И если бы не мой богатый опыт в рукопашке, лежать бы точно сейчас в реанимации. Ну, за что боролись, на то и напоролись.

— Один против четверых? — изумился военный прокурор. — И сдюжил? Однако! Кстати, рапортом-то своему командиру доложил?

— А смысл? — вопросом на вопрос ответил офицер. — Оно понятно, что это люди Юрчилова были, я даже его самого в «джипе» неподалеку лицезрел, только вот, поди, докажи...

— Ну и напрасно, — не согласился полковник. — Если подобное повторится, немедленно рапорт по команде.

— Да уж... — скептически протянул Игорь. — Если повторится — они умнее будут. В смысле, подготовятся...

...Прошло еще несколько суток.

В деле появились новые документы: школьная характеристика на Ирину — на одно достоинство три недостатка, плюс свидетельские показания несовершеннолетнего Антона Мокрицкого, подглядывавшего за ходом конфликта. Наконец-то приняли подробное объяснение и от Людмилы. В документы подшили второй акт медосвидетельствования — теперь уже несовершеннолетней Кедровой, «давно и часто жалующейся на аналогичные головные боли». Опрошенная в прокуратуре Ожившая Мумия свою роль в затяжном ЧП поясняла неубедительно...

В итоге, гарнизонная военная прокуратура в возбуждении уголовного дела в отношении гражданина Кедрова И.Д. и гражданки Кедровой И.И. по части 2 статьи 213 Уголовного кодекса РФ «Хулиганство» отказала — «за отсутствием состава преступления».

О чем и был официально поставлен в известность командир мотострелкового полка. Можно было считать, что выигран главный бой?.. Однако жизнь внесла свои коррективы...

Вскоре Игоря вызвал к себе в кабинет заместитель командира полка по воспитательной работе. Хмурое лицо подполковника задушевной беседы явно не обещало.

— Мало мне, товарищ капитан, было запросов из военной прокуратуры, так теперь ваша фамилия еще и у заместителя командующего по тылу на слуху.

— В каком смысле? — насторожился Кедров.

— В отрицательном, — уточнил подполковник и тут же перешел на «ты»:

— Генералу поступил сигнал, что ты человека нужного обидел. Так и сказал: очень нужного. И фамилию назвал. Догадываешься, о ком идет речь?

— Само собой...

— Так вот, генерал требует, чтобы ты прилюдно, в школе, извинился перед одноклассником твоей дочери и его отцом и вообще уладил как-то этот вопрос. Можешь считать таковое приказом.

— Мне лично извиняться не за что, — отрубил Игорь. — А вопрос... Что ж, если «как-то», то он уже улажен.

— Это тебе лишь кажется. Не забывай, я тоже материалы несостоявшегося уголовного дела читал и склонен думать, даже уверен, что на деле все происходило именно так, как учительница пишет. Был в твоих действиях криминал! Был! Только тебе повезло: испугом отделался. Впрочем, и к лучшему, пятна еще на всю часть не хватало...

— А в действиях подрастающего садиста вы криминала не находите? — возмутился Кедров. — И что учителя все знали и молчали?

— Я неправомочен давать такие оценки, — сразу открестился от ответа на скользкий вопрос подполковник. — Моя обязанность — отследить твое поведение и, если требуется, наказать по всей строгости!

— Интересно, за что? В возбуждении-то отказано...

— А за то самое! Например, за ненадлежащее воспитание дочери — в духе рукоприкладства! За нежелание в конфликтной ситуации общаться с руководством школы! За оказание психологического давления на несовершеннолетних своими прогулками в форменной одежде под окнами учебного заведения! Вам что, товарищ капитан, для этого форма дана? — поднявшись с кресла, вновь перешел на «вы» подполковник.

Игорь тоже встал — субординация — и заявил:

— Будь на месте моей дочери ваша — вы бы наверняка рассуждали иначе! — И осекся, поняв, что наступил на большую мозоль старшему офицеру: детей у него, по слухам, не было.

— Я попрошу, товарищ капитан, — побагровев, повысил голос «воспитатель», — не проводить неумные и оскорбительные параллели! Хорошенько подумайте над предложением генерала — иначе я не гарантирую вам прохождения дальнейшей службы в нашей части!

— Артиллерия бьет по своим? Тогда мне только и остается, что самому к генералу на прием записаться!

— Это если мы позволим, — процедил подполковник, — а для начала еще командир полка имеется. Так что главный разговор впереди. Свободны!

...Вечером того же дня капитана поджидал второй неприятный сюрприз: жена со слезами сообщила, что ее уволили — а работала Кедрова инспектором социальной защиты в администрации одного из городских районов.

— Сказали, что меня и держали раньше только из жалости, — возмущалась Людмила. — У меня же строительный техникум — «не по профилю». «На ваше место претендует классный специалист...» Я уже и у юриста была — по КЗОТу, говорит, нарушения нет.

— Ничего-ничего... Устроишься где-нибудь по специальности, — пытался утешить жену Игорь.

— Ты в своем уме? — напустилась она на мужа. — Какой из меня прораб, если с нашими переездами я вообще проработала года полтора, а потом прочно в домохозяйки...

— Будем что-то подыскивать... Через биржу, через газеты... — только и смог ответить Кедров.

Но на том сюрпризы не закончились. Назавтра Иринка принесла из школы сразу две двойки. Потом они пошли сплошным потоком: по три-четыре в день. Учителя спрашивали девочку на каждом уроке, вопросы задавали самые каверзные, ловили на всякой мелочи и постоянно выговаривали ни за что. Особенно в том преуспевала Маргарита Оттовна.

— Четверть века преподаю — и впервые вижу такое нежелание к учебе! Ты, смотрю, по «неудам» скоро и Мамонова переплюнешь! В чем дело? Элементарщины решить не в состоянии! — с явным наслаждением ругала Кутова Иринку, вызвав ее к доске и предложив задачу повышенной сложности. — И нечего мне тут крокодиловы слезы лить! Все равно тройки не выплачешь!

Быстро уяснив ситуацию, одноклассники объявили девочке тихий бойкот: никто и пальцем не трогал, но теперь вовсе не общались, принципиально поворачиваясь к ней спиной и игнорируя робкие попытки завязать разговор. Иринка, чего с ней раньше никогда не случалось, стала прогуливать школу.

А через две недели — за это время жена Игоря так и не нашла себе новой работы, а у офицера в части стали готовить документы на его перевод в «тмунтаракань» — классный руководитель принесла супругам на дом официальное уведомление... Решением специальной комиссии из ведущих педагогов школы, возглавляемой представителем городского Комитета по образованию, ученица седьмого класса Кедрова была признана неспособной учиться в показательной школе с математическим уклоном, куда принимаются лишь особо одаренные дети. Кандидатка же не выдержала испытательный срок, в связи с чем родителям было предложено перевести девочку в другую школу — и даже указано, в какую именно.

Только тут Людмила вспомнила, что какую-то бумагу по этому поводу она раньше, при приеме дочери на учебу после очередного переезда семьи, действительно подписывала, но как-то не придавала тому особого значения...

— Пускай так, — всхлипывала Иринка. — Пускай переводят, лишь бы поскорее. Но почему, даже если в сто раз хуже меня отвечают, — всем тройки... Даже Мамонову ставят, а он, бывает, вообще молчит... Ко мне в классе никто не под-

ходит! Не разговаривают! Отворачиваются! А учителя кричат, что я лентяйка и тупица! За что? Папа, за что?

Жена кричала на Игоря, обзывая его всякими словами, а он угрюмо молчал, понимая, откуда дует ветер. Семье методично «перекрывали кислород» по всем каналам.

Прошло еще несколько дней...

Получив законный выходной после воскресного наряда, капитан решил идти ва-банк. Собственно, а что ему еще оставалось?

Позавчера Ирину так довели в школе, что она попыталась покончить с собой. Выбрала не петлю или прыжок с крыши высотного дома, а отравление. Наглоталась снотворного, которое иногда принимала на ночь мать. И, если бы та не вернулась рано домой, получив отказ в трудоустройстве в двух местах, неизвестно, удалось бы спасти решившуюся на самоубийство.

Сейчас жизнь девочки была уже вне опасности, но пока еще Иринка находилась в реанимации...

В так называемой «посмертной записке» девочка сообщала родителям, что после уроков Юрчилов-младший вновь изо всех сил ударил ее папкой по голове во дворе школы и пообещал теперь избивать каждый день. Когда же Иринка закричала, зовя на помощь директора школы и классного руководителя, которые как раз в эту минуту появились на крыльце, обе женщины, прекрасно видевшие действия хулигана, по-военному сделали поворот кругом и спрятались в здании, да так оттуда и не вышли, сколько девочка ни плакала. А Юрчилов-младший важно уселся на переднее сиденье «джипа», возле которого стояли пятеро крепких мужчин, и с комфортом отбыл домой...

...Собираясь на свою личную войну, офицер не стал надевать камуфляжной формы. Облачился в непривычный гражданский костюм, повязал галстук, обул надраенные тупоносые туфли. Немного подумал и прикрепил на грудь все свои начищенные — не до блеска, а чтобы чуть высветлились — боевые награды.

По широкому асфальтированному тротуару Кедров твердо шагал к офису фирмы Юрчилова-старшего, нежно поглаживая в кармане гладкие бока гранат-«эргедешек». Слегка нагретый металл успокаивал, вселял дополнительную уверенность в своих силах, убеждал в собственной справедливости.

И хотя не верилось боевому капитану-мотострелку, что сегодня, через считанные минуты, в одно мгновение, единственный маленький осколок «эргедешки» может похоронить под собой весь этот привычный мир с его явными и тайными войнами, однако он твердо знал одно: случись даже самое худшее — и в мир иной, которого мы все боимся, но куда неминуемо придем, он шагнет только вместе со своим главным врагом. Шагнет без колебаний.

...Ах, как не хотелось делать этот непоправимый шаг! Но на все теперь оставалась одна — Господня — воля. □

Тупейные художества

Майя
Орлова

Были такие времена, когда социальное положение человека определяли по прическе. В Древнем Египте, например, парик был обязательным атрибутом аристократии — и мужчин, и женщин. У греков и римлян причесывание, завивка и надевание париков являлось своеобразным ритуалом, который длился иногда по несколько часов. Эти процедуры выполнялись специально обученными работниками — каламистрами. В античном мире парики считались предметом первой необходимости. Рабам же, как правило, коротко стригли волосы.

Может показаться парадоксальным, но прически и парикмахерское искусство тесно связаны с особенностями политического строя государства, культурными традициями, религией, национальными особенностями. Вот почему в России, несмотря на периодические «отклонения» то в сторону Востока, то в сторону Запада, «тупейное мастерство» развивалось своим особым путем.

Нужно сказать, что в нашей стране волосы с древнейших времен имели символическое значение: считалось, что они защищают человека, сохраняют его силу.

Существовали даже особые ритуалы, которым неукоснительно следовали. Например, остриженные волосы нельзя было выбрасывать. Считалось, что, если так поступить, то остриженный человек заболит, утратит жизненную энергию, так как птица может свить из этих волос гнездо. Остриженные волосы, согласно этой примете, нужно сжигать.

Женщинам запрещали заходить в церковь с непокрытой головой, этот обычай сохранился и в наши дни. Другой церковный обряд — крещения — включает обязательный ритуал отрезания небольшой пряди волос священником с последующим закатыванием ее в воск. Затем эту прядь опускают в купель: если волосы не потонут, человек будет жить долго, а если потонут — умрет.

Кстати, многие современные исследователи считают, что человеческие волосы действительно содержат какой-то очень сильный энергетический заряд, и именно этим объясняют возникновение различных примет и поверий, связанных с волосами.

С древнейших времен русские женщины носили длинные волосы, которые заплетали в косу на затылке. Замужние женщины должны были обязательно прятать волосы под платками, чепцами-повойниками, а

в праздничные дни надевать кокошники. Снимать головной убор и распустить волосы можно было только перед мужем. Женщинам вообще запрещалось стричь волосы.

«Опростоволосилась» — говорят до сих пор, подразумевая этим то, что человек попал в неловкое положение или слегка опозорился. Раньше же это выражение недвусмысленно означало, что женщина сняла головной убор (или его с нее сорвали) в общественном месте, что считалось настоящим позором. Не случайно женщин, совершивших преступление, перед заключением в темницу коротко стригли — с целью еще больше унижить и наказать.

Известно только одно исключение из этого правила: портрет правительницы Софьи (конец XVII века), где она изображена с короной на длинных волнистых волосах, распущенных по плечам. Как появился этот портрет, почему его впоследствии не уничтожили — неизвестно.

Мужчины в Древней Руси тоже носили длинные волосы. Изучая одежду, прически, манеру ношения усов и бороды по дошедшим до нас изображениям великих князей, царей и императоров России, можно составить картину смены стилей одежд и причесок в разные времена. Начиная с великого князя Рюрика, имевшего власть в Новгороде с 826 года, до князя Владимира Святого, который в 988 году крестил Русь, князья носили окладистые бороды и волосы, на римский манер, до плеч.

Только в XI веке бороды и волосы стали стричь, длина волос должна была достигать середины уха. Мужчины в этот период времени носили прически с вертикальным пробором по центру головы.

Во время царствования Ярослава Мудрого (XI век) волосы князей были длиной до середины уха с пробором, а окладистая борода аккуратно подстрижена. Во время царствования Владимира Мономаха (XII век) волосы, усы и борода имели максимально возможную длину.

В дальнейшем прически князей приобретали уменьшенные объемы, усы и борода тщательно подстригались — внешность великого князя Александра Невского (XIII век) дает представление о моде того времени.

Во времена последующих правителей, в том числе Ивана Калиты (XIV век), Дмитрия Донского (конец XIV века), Ивана Грозного (XVI век), Бориса Годунова (конец XVI — начало XVII века), мода в ношении усов и бороды изменений не претерпевала: усы и бороду не брили, а волосы стригли «под горшок».

С воцарением в XVII веке первого царя из дома Романовых — Михаила Федоровича — во внешнем облике царствующих князей сохранялся прежний стиль: богато украшенные одежды и шапки с околышем, бородки небольшие, аккуратно подстриженные волосы средней длины.

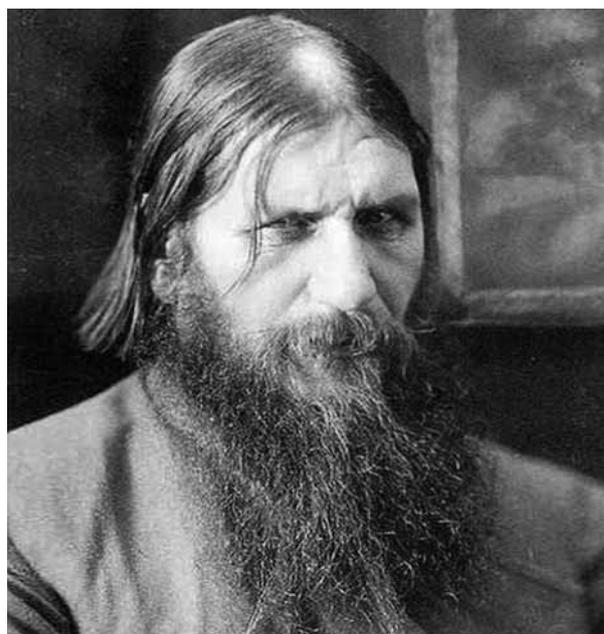
Русские женщины, особенно из высшего сословия, практически не показывались на людях, знали толь-

ко терем да церковь. Поэтому о прическах никто вообще не думал, только хвастались друг перед другом длиной и толщиной косы («до подколенок»). Если, конечно, было, чем хвастать.

Единичные случаи брадобрития на Руси случались: царь Василий III, чтобы угодить второй своей молодой жене Елене Глинской, обрился «по польской моде», вызвав всеобщее молчаливое осуждение. Много позже, в 1681 году, царь Федор Алексеевич, женившийся первым браком на полячке Агафье Грушецкой, издал указ брить бороды, что вызвало резкое порицание со стороны патриарха Адриана, утверждавшего, что «без бороды человек перестает иметь образ человеческий, он подобен псу или коту».

Тем не менее, польская мода на недолгое время привилась при русском дворе. Под влиянием молодой царицы значительно изменился сам придворный быт. Царь Федор Алексеевич первым из русских надел польское платье, чему последовали и все придворные, отменил обычай брить голову и начал носить длинные волосы. Царевны с удовольствием приняли европейскую моду — «шапки и платье в польском вкусе... забросили московские кафтаны, перестали заплетать волосы в одну косу».

Но через год после свадьбы царица умерла родами, а через несколько лет скончался и царь Федор Алексеевич. Все вернулось на круги своя, к великой радости цер-

Типичные русские прически — коса у женщин, борода и волосы с прямым пробором (Григорий Распутин) — у мужчин

ковников. Только радоваться им пришлось недолго.

Потребовались энергия и решительность Петра I, чтобы изменить внешний облик русских людей, невзирая ни на традиции, ни на мнение Русской православной церкви.

Шестого августа 1698 года, на следующий день после возвращения из заграничной поездки, Петр на своем Преображенском дворе принимал явившихся к нему с поклоном подданных. Их бородатые лица раздражали молодого царя, успевшего за два года жизни в Европе отвыкнуть от вида растительности на лице и длиннополой русской одежды. Он привык действовать радикальными методами: немедленно вооружился ножницами и начал обрезать бороды важнейшим сановникам.

Секретарь австрийского посольства Иоганн Корб отмечал:

«Воевода князь Алексей Семенович Шеин первым пожертвовал своей длинной бородой, подставив ее под ножницы... Сохранили свои бороды только патриарх, святостью своего сана, князь Михаил Алегукович Черкасский, уважением к его преклонным летам, и Тихон Никитич Стрешнев, почетной должностью царского оберегателя. Все прочие должны были преклониться перед иностранными нравами, когда ножницы уничтожали старинный их обычай».

Экзекуция была продолжена в новогодний праздник 1698 года, отмечавшийся по старому русскому календарю 1 сентября. На этот раз обязанность брадоброя исполнял царский шут, «и к кому только ни при-

ближался он с ножницами, не позволялось спасать свою бороду, под страхом получить несколько пощечин... Таким образом, между шутками и стаканами весьма многие, слушая дурака и потешника, должны были отказаться от древнего обычая», — писал Корб.

Преображение внешнего облика представителей верхушки русского общества вызывало подчас глухое недовольство, однако никто не осмеливался противиться воле царя в открытую. 20 февраля 1706 года английский посланник Чарлз Уитворт сообщил статс-секретарю Роберту Гарлею:

«Вы, конечно, уже слышали, с каким трудом весь народ покорился бритве. Он был предубежден против бритв и привычками, и религией: предки его ходили небритыми; священники, угодники и мученики уважались за свои бороды; стараясь подражать им, невежество полагало, что отчасти само благочестие заключается в ношении бороды, как сила

Самсона заключалась в волосах его. Даже женщины присоединились к общему неудовольствию и с трудом решились покориться преобразованию мужей».

В то же время князь М. М. Щербатов, писавший свой труд «О повреждении нравов в России» в конце 1780-х годов, со слов свидетелей Петровской эпохи утверждал: «представительницы прекрасного пола испытывали немалое удовольствие от того, что лица женихов их и мужей уже не покрыты стали колючими бородами».

Думается, князь, знавший современное русское общество лучше иностранцев, был все-таки ближе к истине.

В 1702 г. Указ царя перечислял всех, кто должен надеть модные европейские костюмы и изменить прически. Нарушителей безбожно штрафовали. По специальному «бородному закону» была введена пошлина на бороду: заплатив ее, владелец бороды отдалял на год ее сбривание. У городских ворот были оборудова-

ны специальные будочки, в которых находились наблюдатели и сборщики пошлины.

В связи с тем, что Петр Великий положил конец женскому затворничеству в теремах, началось повсеместное увлечение западной модой на одежду и прически, в которые, однако, были внесены элементы самобытности. Но самостоятельного особенного развития искусство создания причесок в России тогда не получило.

В допетровское время ни с прическами, ни со стрижкой и бритьем проблем у подавляющего большинства русского населения не было, соответственно, не могло быть и отечественных специалистов в этом деле, а потому при Петре вельможам пришлось разыскивать опытных цирюльников среди иностранцев и нанимать их на службу за значительную плату. Одновременно те должны были обучать своему искусству слуг и дворовых людей в домах,

куда были приглашены. Менее состоятельные люди научились бриться и подстригать волосы сами.

Основным видом деятельности парикмахеров являлось изготовление париков, они же занимались укладкой женских волос и созданием модных причесок. Стрижкой мужчин чаще занимались цирюльники в процессе бритья.

Женщины из высшего общества испытывали немалые трудности из-за нехватки модных парикмахеров. Князь М.М. Щербатов приводит любопытное свидетельство представителей старшего поколения:

«Я от верных людей слышал, что тогда в Москве была одна только уборщица для волос женских, и

трои сутки некоторых убирала, и они принуждены были до дня выезда сидя спать, чтобы убору не испортить».

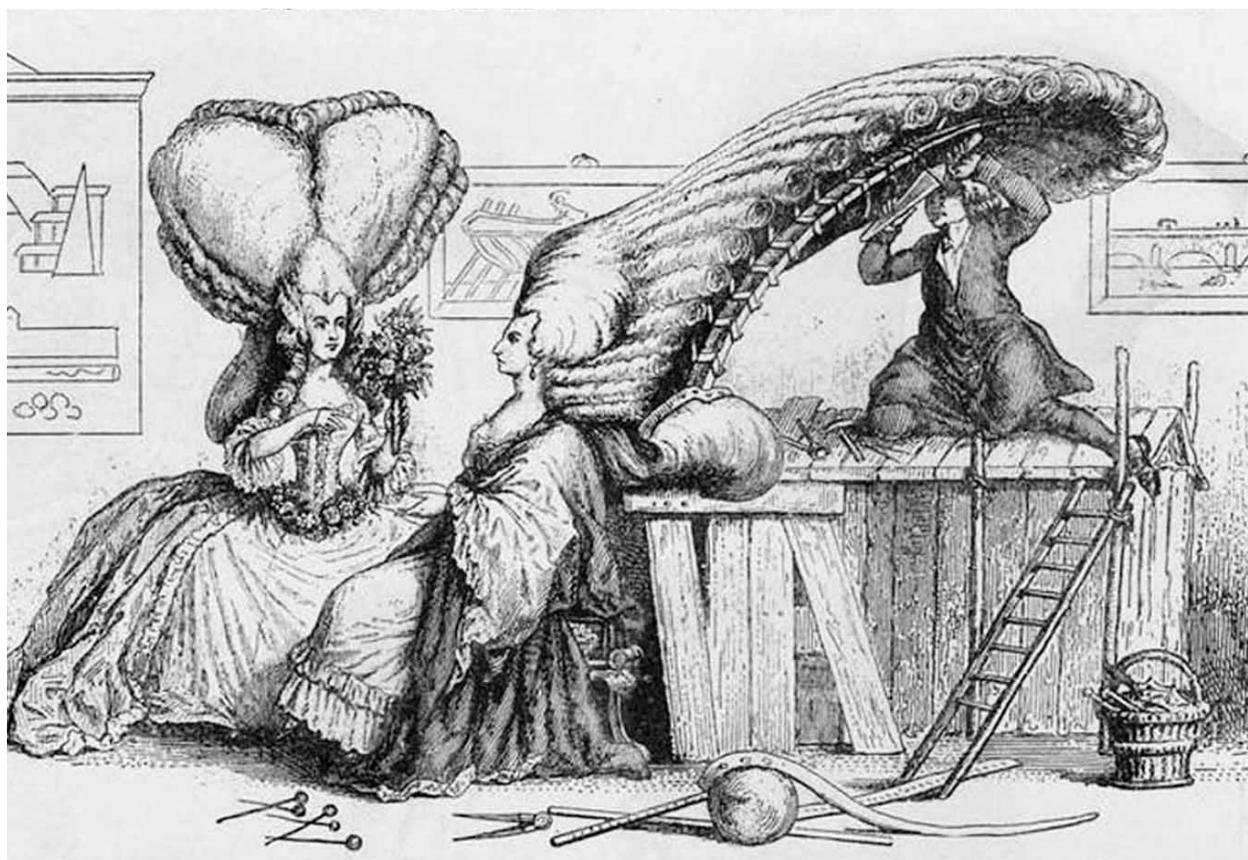
Так на женских головках сохранялись причудливые прически в виде многопушечного фрегата, замка или букета цветов.

Активно внедряемая Петром I европеизация внешнего облика представителей высшего сословия вынуждала их носить парики аллонж (парик с длинными волнистыми локонами), хотя это, скорее всего, не соответствовало их желанию. Отвержение русских людей того времени к парикам ясно высказал известный публицист и экономист первой четверти XVIII века Иван Тихонович Посошков:

ежели к какому празднику, когда должны были молодые женщины убираться, тогда случалось, что она за

«...и таковых мертвечинных и нечистых блудниц волосы православным христианом и вне церкви на

главы свои возлагать не весьма господствует. Люторам то свойственно есть, еже носить таковые паруки, понеже они вне суть истинного христианства».

Мало кому известно, что сам государь не желал носить на голове эти «волосы блудниц», как отмечали современники, его короткий парик был сделан из собственных волос. Петр никогда его не пудрил, поэтому он выглядел, как живые волосы.

А.С. Пушкин в набросках «Истории Петра I» под 1722 годом записал: «Петр обрезал свои длинные волосы и сделал из них парик, ныне видимый на его кукле».

Нередко государь обходился и вовсе без парика, состоявший при нем гвардейский сержант Никита

Иванович Кашин в своих записках утверждал, что царь «в церковь никогда в паруке не ходит».

Впрочем, во время пребывания в Париже в 1717 году Петр все же заказал себе парик «у одного ремесленника, известного мастера по длинноволосым буклированным парикам, какие модно было носить при дворе». Примерив готовое изделие, он счел его неудобным. Тогда, разозлившись, царь прошелся по нему стамеской, чтобы укоротить и придать ему обычную форму, которую привык носить, и отказался его пудрить.

Юный Василий Александрович Нащокин, обучавшийся в то время в школе для дворянской молодежи в Петербурге, впервые увидел Петра I сразу же по возвращении того из

заграничной поездки. Молодой человек обратил внимание на его необычную прическу:

«Государь... волосы имел маленькие и зачесаны маленькой косой гребенкой; и как сперва увидели, дивились той первой моде, что гребешок у государя в волосах».

Старорусская прическа «под горшок» сохранилась только среди крестьян и старообрядцев, состоятельные люди носили парики. В период царствования Елизаветы Петровны был введен Указ о пользе брадобрития. «Бородной закон» в 1762 году был отменен. А.С. Пушкин писал об этом времени:

«Народ, упорным постоянством удержав бороду и русский кафтан, доволен был своей победой и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр».

Не думаю, что подавляющему большинству русских тогда было дело до причесок, бород, усов и прочих «тупейных художеств». Все эти выкрутасы касались несколь-

ких тысяч, ну, десятков тысяч дворян, у которых были деньги и досуг. Крестьяне, купцы, ремесленники работали от зари до зари, то же самое касалось и их жен, которым в голову не могло прийти надеть напудренный парик или художественно распустить по плечам локоны.

На господ же простой народ действительно смотрел равнодушно: барские затеи их нимало не волновали, если, конечно, не касались их напрямую.

Зато высшие классы проводили перед зеркалом часы, стремясь придать своей особе идеальный вид. Императрицу Екатерину I украшала маленькая изящная прическа с локонами, унизанными жемчугом. Распущенные по плечам, свободно лежащие волосы — прическа Анны Иоанновны, которой было элементарно лень навивать букли и что-то там из них укладывать, хотя в Европе именно в это время были в моде напудренные парики.

Опаснее всего (для дам) стало иметь красивые волосы и модную

прическу при императрице Елизавете. Та обладала роскошными золотисто-рыжими волосами и часами заставляла парикмахеров укладывать их в затейливые сооружения

по последней парижской моде. Не приведи бог, какая-нибудь из придворных дам рискнула бы не то что соперничать с императрицей — даже подражать ей.

Красавица Наталья Лопухина, дерзнувшая явиться на бал с живой розой в пышных локонах — точь-в-точь, как у Елизаветы Петровны, — получила две увесистые оплеухи прямо на балу, а злосчастную прядь волос императрица собственноручно отрезала под корень, прихватив еще несколько рядом. Более того, через недолгое время, придравшись к какой-то оплошности Лопухиной, обвинила ее в заговоре, приказала выпороть кнутом, отрезать язык и сослать в Сибирь.

Императрице Екатерине II было не до дамских капризов — не зря же она вошла в историю под именем Великой. На гравюре 1762 года она

изображена с прической из тщательно зачесанных назад волос, убранных в локоны и скромно украшенных цветами — это была парадная прическа. Позднее прически императрицы были несколько пышнее (в Европе в это время царствовало рококо), но все же Россия, перенимая общее направление западной моды, определила свой стиль, менее вычурный, свойственный спокойно-величавому характеру русской женщины.

Хотя уже в XVIII веке существовали журналы мод, из которых дамы узнавали о модных тенденциях не только в одежде, но и в прическе. Это «Библиотека Дамского Туалета», «Магазин Английских, Фран-

цузских и Немецких Мод», «Модное ежемесячное приложение» и др.

Во время царствования Александра I были полностью отвергнуты напудренные парики с косичкой, которые, подражая прусскому королю, ввел в обязательный обиход его отец, император Павел I. Новый император издал Указ обрезать волосы, кадетам стричь их под «гребенку», а женщинам причесываться так, как им самим захочется. Не зря придворные дамы называли Александра I «наш ангел».

После войны 1812 года многие французские пленные сменили мундиры на платье цирюльников и имели шумный успех. Впрочем, самые

богатые и знатные продолжали выписывать настоящих парикмахеров из Парижа.

В крупных городах открывались парикмахерские, принадлежащие иностранцам. Обставлялись они дорогой мебелью, зеркалами, витринами, много было парфюмерии и косметических средств. На столиках лежали модные французские журналы, обслуживание стоило дорого. Россия в области моды была полностью ориентирована на Францию. В салонах, в своем большинстве, заправляли французские мастера.

В Москве и Петербурге появились первые парикмахерские салоны, или, как их называли, «залы для

стрижки и бритья». Пользоваться их услугами могли только люди состоятельные. На фасадах этих заведений красовались вывески с изображением изящно причесанных кавалеров с блестящими от помады волосами. Обилие парикмахерских салонов, издание журналов моды способствовали распространению всевозможных вариантов причесок.

Но парикмахерских школ в дореволюционной России не было. Обучение проходило «в мальчишках». И старые мастера не спешили делиться своими профессиональными секретами, дамские мастера-французы часто отводили русским парикмахерам лишь роль подмастерьев.

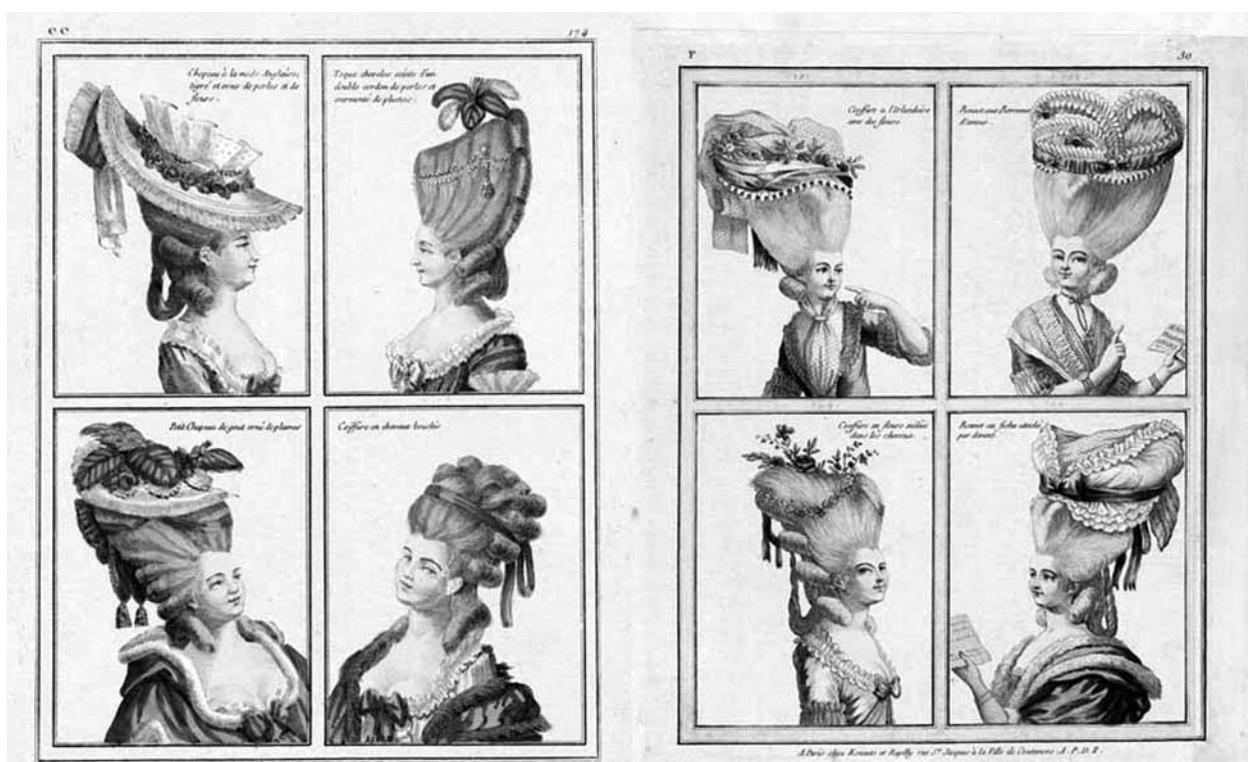
С воцарением Николая I наступил расцвет театрального искусства: зарождалась русская опера, был открыт Александрийский театр. Все это оживило светскую жизнь, дамы блистали в обществе, поражая разнообразием туалетов и причесок.

Появились в России и первые отечественные парикмахеры. В основном это были специально обученные

за границей крепостные, которых называли «тупейниками». Слово «тупей» означало взбитые надо лбом волосы. Стали привозить специальные книги, по которым учились стричь и ухаживать за волосами.

К концу XIX века русские мастера достигли не меньших успехов в парикмахерском деле, чем французы. Василий Яковлев был первым русским парикмахером — участником

махеру Ивану Андреевичу Андрееву вручили награды «За искусство», Золотой крест и Диплом, подтверждающий звание действительного заслуженного профессора парикмахерского искусства. После этого его приглашали в жюри, экспертом на выставки, конкурсы, показы причесок. Он побывал во многих столицах Европы, а в 1909 году выпустил книгу своих воспоминаний и альбом

международных конкурсов, который не один раз награждался за свой вклад в развитие парикмахерского искусства. Яковлев был удостоен звания заслуженного профессора парикмахерского искусства, им была написана первая в России книга о парикмахерском деле.

В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже впервые русскому парик-

причесок, которые были удостоены высоких наград.

Цирюльничье дело стало умирать, на смену ему пришло дело парикмахерское.

После революции особенно популярны были короткие стрижки. Модным был темный цвет волос, а в предвоенные годы эталоном красоты стали белокурые волосы, да

так, негласно, и остались им по сей день.

В послевоенные годы парикмахерские работы развивались довольно быстро. Популярными были химический метод завивки, особенно в 50-е годы, и холодная укладка волос на бигуди. А появление окислительных красителей позволило упростить технологию и расширить гамму цветов и оттенков при окраске волос. Профессиональные училища стали готовить квалифицированных мастеров. По типовым проектам с учетом санитарных норм и требований строились парикмахерские.

В 60-х годах стабилизировалась система парикмахерских услуг, действовали лаборатории при научно-исследовательских институтах, разрабатывались новейшая

технология, оборудование и инструменты для парикмахерских работ. В дальнейшем мода на прически стала тесно связанной с развитием парикмахерского мастерства в европейских странах. В основном шло движение от сложных громоздких причесок к более простым, практичным, универсальным.

Современные прически характеризуются обилием различных стилей и направлений. Модно то, что делает человека неповторимым, помогает раскрыть его внутренний мир и подчеркнуть достоинства. Особенно отчетливо в моде 90-х годов XX века ощущались тенденции 50-х и 80-х годов. Популярны были объемные и утонченные женственные прически, часто встречались и короткие стрижки. Молодежь отдавала предпочтение волосам средней длины и

коротким стрижкам, при этом пряди окрашивались или тонировались смелыми, необычными цветами.

Широкую популярность получили конкурсы парикмахеров на лучшую прическу. Мастера неоднократно завоевывали призовые места и награды на международных конкурсах парикмахерского искусства.

В наше время профессия парикмахера обрела новое звучание, мастеров все чаще называют стилистами. Работа хорошего стилиста сродни работе художника. Их так и называли в старину на Руси — «тупейные художники». Надо уметь почувствовать, что подойдет клиенту, что его украсит, а для этого нужно иметь большой вкус, знать много операций, идти в ногу с модой и правильно применять технику. Словом, знать все, чтобы наши женщины и

мужчины выглядели не просто красивыми и креативными, но и чтобы внешний облик человека гармонировал с его внутренним состоянием, создавая единственный и неповторимый образ. □

ТАЛАНТ на МИЛЛИОН

Аллу Сергеевну из роддома никто не встречал.

Она шла с розовым свертком в руках и старалась улыбаться. Пока пробиралась сквозь толпу свежее испеченных пап, дедушек, бабушек, тетя, а потом одиноко брела к стоянке такси, машинально отметила прямо у входа в роддом припаркованную новенькую иномарку, перевязанную яркой лентой, а огромный бант венчала открытка: «Спасибо за дочь, любимая!»

А вот Але автомобиль в честь рождения дочери никто дарить не собирался, и вообще ее ребенку никто не был рад. Только она сама любила крошечный — всего на два с половиной кило! — сверточек так, что дух захватывало. И хотя слезы застилали ей глаза, Алла Сергеевна упрямо бормотала про себя: «Ничего, малышка! Мы с тобой обязательно прорвемся!..»

Идти было тяжело. На плече — огромная сумища с вещами, на руках — младенец. А дальше будет еще круче. Надо забрать старшую дочь и оставшиеся пожитки, добраться с двумя детьми до Калядина — за пятьсот километров от Москвы, и совсем некому ей помочь. Спасибо подруге Мухе, что она хотя бы Настеньку приютила на время, пока Аля в роддоме.

Впрочем, Муха — удивительное создание. Хотя сама совсем недавно родила, да еще сразу троих, сумела у себя дома организовать Алле Сергеевне торжественную встречу. Праздничный торт испекла. И огромная связка надувных шариков имела — на каждом надпись: «С новорожденной!» Роскошную люльку-переноску купила: «Чтобы малышка до Калядина со всем комфортом добралась». И все извинялась, что к роддому не смогла подъехать.

Журнальный вариант.

— Но к поезду я вас обязательно отвезу. Мужа уже обязала, чтобы с детьми посидел.

Вот молодчина!

Порхала от младенца к младенцу (кому соску дать, кому нос вытереть), а между делом успела и стол накрыть, и шампанское разлить по бокалам, да еще болтала без умолку:

— Главное для нас, молодых мамашек, — заранее не паниковать. Я, например, ужасно переживала: как ходить по магазинам с тремя ляльками на руках? Но быстро приноровилась — все теперь заказываю по Интернету, очень удобно!

В дверь неожиданно позвонили, и она попросила Алю:

— Открой, пожалуйста. Это, наверное, подгузники привезли. Я и на твою долю тоже заказала.

Аля поспешила в коридор. Действительно, курьер. Однако в руках не памперсы — всего-то длинный белый конверт. И адресован он не хозяйке квартиры, не Мухе, а ей, Алле Сергеевне Кузовлевой.

Она с опаской взяла письмо. Кто-то ее поздравляет? Но кто? Да и выглядит конвертик совсем не празднично.

Впрочем, чего гадать? Аля вскрыла письмо, и в руки ей упал отпечатанный на принтере текст: «РЕБЕНКА Я ВСЕ РАВНО У ТЕБЯ ОТБЕРУ».

Кириллу Бодрых опять пришлось срочно улетать. В этот раз — на турнир в Лугано. Хотя «пришлось» — неправильное слово, конечно. Повезло, выпало счастье! Он до сих пор иногда, в день вылета за границу, просыпался, и его охватывала паника: вдруг новая жизнь — всего лишь сон? И как же радостно было, когда приходил в себя и понимал: нет, все это правда. Вот дорожная сумка, на тумбочке паспорт с открытой шенгенской визой. А ведь каких-то полгода назад и помыслить не мог, что станет играть за границей. Сейчас же взлетел в рейтинге настолько, что еще и выбирать

мог: отправиться ли ему в Швейцарию, пробиваться через квалификацию на турнире второй категории, или лучше в Милан, на соревнования пусть и проще, зато сразу в основную сетку.

Кирилл пока не дорос до статуса «надежды российского спорта», и журналисты им особо не интересовались. Менеджер, дядя Митя, усмехался:

— И, слава богу, что не лезут. Сколько бывало случаев: «темная лошадка» выиграла турнир. Ажиотаж, автографы, интервью. А дальше — все от него ждут новых побед, и он боится не оправдать надежд. Все, готово дело, перегорает. Лучше уж, как у тебя — потихоньку, полегоньку. Турниры четвертой категории освоил, теперь старайся в тех, что рангом повыше, хотя бы до четвертьфиналов доходить.

И Кирилл прилагал все силы. Тренировался гораздо больше, чем с прежним тренером, практически на износ. И что удивительно — уставал ужасно, а получал от тенниса куда больше удовольствия, чем раньше. И ни капельки не надоедала ему игра. Мог после изнурительного дня на корте вернуться домой, поваляться полчаса перед телевизором, а потом вдруг руки сами тянулись к ракетке. Повторишь на сон грядущий раз сто имитацию «крученого» справа — и назавтра сам чувствуешь: пошел прорыв!

Он по-прежнему много думал об Алле Сергеевне. Аллочке, Але. Но навязчивая идея, одолевавшая его с десятого класса — как завоевать учительницу, несколько померкла, слишком много и без того битв. К тому же бабушка уверяла, что Аллу сейчас завоевывать вообще бесполезно. Она же только что родила, и теперь, как минимум месяца три, будет приходить в себя. Что ж, придется смириться. Пусть любимая учительница пока что отдыхает. А про любовь они еще успеют поговорить. Потом.

Кирилл был бы счастлив обеспечить Алле Сергеевне комфортное, уютное, бездельное бытие. Благо деньги — тоже в последние полгода! — в руки сами текли. По меркам спортсменов «большой сотни», зарабатывал он на турнирах гроши, но для него и тридцать «штук» долларов в месяц — самое настоящее богатство. Да, приходилось платить дяде Мите, тренеру по физподготовке, за аренду кортов, за гостиницы и билеты... Но все равно тысяч десять — чистыми! — оставалось. К тому же удалось заключить контракт с производителями ракеток. Денег те не платили, зато на инвентарь — тоже серьезная статья расходов — теперь тратиться не надо.

— А будешь стараться, уже через год станешь миллионером, — предрекал дядя Митя и уточнял: — Долларовым.

Просто дух захватывало у Кирилла от подобных перспектив!

И разве можно ему — почти богачу! — допустить, чтоб любимая женщина, еще совсем слабенькая после беременности и родов, хлопотала с собственным бизнесом?

Но бабуля, на пару с Аллой Сергеевной, уперлись. Они открывают малое предприятие. Да какое! Детский сад. Да еще в его родовом гнезде. Ничего себе, перспективка!

Пусть Кирилл приезжал в Калядин нечасто, но всегда отдыхал там с удовольствием. Бабушка откармливала вкусностями, ревностно оберегала его сон, а Аля, как только увидит его, так сразу и расцветает. Сколько переговорено было — у камина в гостиной, на тихой кухоньке, под крышей зимнего сада. А теперь кругом дети болтаться будут, визг, писк, не поспишь, перед телевизором нормально не расслабишься.

Но, как ни пытался он отговорить бабулю, та стояла на своем: малому предприятию в их особняке — быть. Причем, в самое ближайшее время.

— Пойми, — втолковывала она внуку, — это твоей любимой Аллочке, в первую очередь, и нужно. Чтобы она не чувствовала, что на нашей сестре сидит, не корила бы себя.

— Да у нее же учеников куча! Кто мешает, если ей обязательно собственные средства требуются, уроки давать? В охотку, по паре часов в день?

— Ты же сам знаешь, — вздыхала бабушка. — Але нужны деньги совсем другого порядка. Не успокоится она, пока Николаю Алексеевичу долг не отдаст. Не понимаешь, что ли?

— Можно подумать, вы на вашем садике сто семьдесят тысяч долларов заработаете! — усмехался Кирилл. — Да ни в жизнь! — И добавлял покровительственно: — Что вы, обе, понимаете в бизнесе?

— Ладно уж, не глупее многих, — парировала Виктория Арнольдовна.

— А для бизнеса умными быть не надо! Дела как раз идут у подлых, хитрых, кто умеет лавировать, приспособливаться, — авторитетно заявлял молодой человек. — Вас просто съедят! За месяц!

Но бабулю трудно было смутить:

— Пусть попробуют. Да, подличать мы не умеем, но я, слава богу, в Калядине столько лет про-

жила и знакомых имею, сам знаешь, чрезвычайно полезных. Нас и мэррия поддержит, и полиция в обиду не даст.

И столько властности во взгляде, уверенности в своих силах! Будто ей не восемьдесят с хвостиком, а, максимум, лет тридцать.

В Алле Сергеевне — ради которой, как утверждала бабушка, бизнес и затевался — решимости было куда меньше. Любимая учительница призналась Кириллу, что никогда не любила, не хотела и не умела руководить. И вообще, ужасно боится:

— Это же детский сад, воспитанники — крохи совсем! Представляешь, какая ответственность! Вдруг с лестницы упадут, пожар устроят, да хотя бы просто лоб на горке разобьют?! Как я их родителям в глаза посмотрю, как оправдываться буду?

— Так и в лес его, ваш детский сад! — горячо убеждал Кирилл. — Зачем вам этот дурацкий бизнес? Живите в свое удовольствие, растите девчонки! Я любую вашу забаву профинансирую. А чтоб не скучно было, можно, например... — он отчаянно искал все новые и новые аргументы, — пока оттачивать на Зоиньке какую-нибудь авторскую методику раннего развития. За годик доведете ее до совершенства, сами отдохнете, да и малышка подрастет, — вот тогда и открывайте хоть сад, хоть школу! Я, опять же, еще больше разбогатею, смогу вам и помещение купить, и все, что надо!

Но Аля ласково смотрела на него, восторгалась его идеями, однако твердо стояла на своем:

— Нет, Кирилл. Я переборю себя, справлюсь. Мы с Викторией Арнольдовной все уже решили.

— Ладно. Играйтесь, — смирился он наконец.

В конце концов, чем они рискуют? Помещение снимать не надо, покупать дорогостоящего оборудования — тоже. Поймут за пару месяцев, что дело хлопотное, а доходов особых не приносит, — и оставят свою затею.

Но, как выяснилось, Виктория Арнольдовна дело планировала вести с размахом. Кириллу совершенно случайно попался на глаза бизнес-план, и он просто опешил: одних развивающих пособий дамы планировали закупить на сто тысяч рублей. А еще — мебель для игровых комнат, ортопедические кровати, инвентарь для детской площадки и спортивного зала.

— Откуда вы на все это деньги возьмете?! — кинулся он к бабушке.

Виктория Арнольдовна невозмутимо пожала плечами:

— А кредиты на что? Сын Венечки, моего хорошего приятеля, — президент банка. Веня уже с ребенком поговорил, тот пообещал, что не откажет...

Леся Бородулина никогда не ставила перед собой сверхзадач. Да, покорять Москву приехала, но хамских планов — например, чтобы ездить на

«бентли» или поселиться в клубном доме на Остоженке — никогда не строила. Квартирку бы иметь, хоть какую, да и жить, как все: по будням ездить в офис, вечера коротать перед теликом. В субботу — с утра в мегамолл, потом в киношку. Изредка — рестораны, театры, концерты — желательно позвезднее.

Когда Лесе удалось — совершенно случайно! — затащить под венец самого настоящего миллионера, ощущения были, будто перед высоченным обрывом стоишь. Красотища кругом, перспектива — аж дух захватывает, но и страшно почти до икоты. Всего один неверный шаг, даже просто неловкое движение — и все, уже летишь в пропасть.

«Ничего! — успокаивала она себя. — Не раскусит меня муженек».

Но только невозможно всю жизнь притворяться паинькой. И так почти два года мучиться пришлось — сначала завоевывала Игорька, потом почти полгода после свадьбы сидела тише воды ниже травы.

Будь ее клетка реально золотой — набитой бриллиантами, дорогущей одеждой, поездками на Сейшелы, — может, и смирилась бы. Но Игорь то ли скуповат оказался, то ли просто не считал нужным ее баловать — зачем, раз жена и так всем довольна?

Поселил в Подмосковье, в скромном домишке. Вместо того чтобы нанять лимузин с шофером, заставил получить права и самой управлять машинкой-букашкой. В рестораны не водил. («Ты, солнышко, у меня сама повар — никакому Мишлену не снилось!») Когда Леся однажды заикнулась про ночной клуб, вздохнул: «Заинька, мне ж, к сожалению, не тридцать лет! И даже уже не сорок...»

Кто выдержит такую жизнь?

Тем более что перспективы вырисовывались еще мрачнее. Чтобы покрепче привязать к себе Игоря, Леся, конечно, «организовала» ребеночка. В плане женитьбы — помогло, в ЗАГС повел почти

сразу. Но их общее будущее свежееиспеченный муж расписывал такими красками, что девушку в дрожь бросало: «Няню брать не будем — у тебя с малышом у самой все получится замечательно, я уверен... Ездить за границу пока не станем — я в этом смысле человек несовременный. Считаю, неправильно совсем маленьких детей за собой повсюду таскать».

Можно было бы, конечно, как в страшном сне любого мужчины, после свадьбы быстренько переродиться в стерву и вытребовать домработницу, няню, кухарку, право мотаться по бутикам да салонам. Игорь, наверное, поначалу опешил бы, но потом все равно смирился бы — как все мужчины.

Однако Леся все же решила шкурку скромницы пока не сбрасывать. Тем более что есть с кем время весело провести.

Кандидатура компаньона — на то время, пока Игорь на работе — у Леси имелась. Колька, троюродный брат. Шутник, приколист, балагур, разгильдяй, обаятельный, беспечный и вообще самый лучший, но вот заработать денег, пусть на самое скромное бытие, братику не дано. Хотя, в отличие от многих, чужому богатству он не завидует. И за Лесю — когда удалось сестренке зацепиться за Москву — искренне радовался, хвалил: «Молодец, что сумела свой норов смирить. Я так не могу». Однако Леся решила все же перетащить Колечку в столицу. Она ведь, в конце концов, жена богача! Имеет право хотя бы на единственного наемного работника.

С Колькой пришлось провести серьезнейший ликбез. Чтобы, когда будет беседовать с Игорем, выглядел исполнительным, туповатым, скучным. Девушка купила братику соответствующую одежду, организовала трудовую книжку с «правильными» записями. Боялась, правда, что Игорек на братишку службу безопасности натравит для тотальной проверки, но нет, обошлось.

Муж безропотно принял Колю на должность шофера, эконома и «человека за все». Леся первое время осторожничала, в присутствии мужа вела себя с экономом сдержанно, строго, зато, когда Игорь уезжал на работу, — тут же вожжи отпускала...

Жизнь пошла — совсем другое дело. Если бы еще не беременность! Да и не постылый муж... Она порой задумывалась: как было бы хорошо, если бы нелюбимый Игорь куда-нибудь вдруг исчез, растворился... и она бы осталась с Колей — но при этом со всеми мужниными деньгами!

Только как организовать? Если просто попросить развода — миллионер ни копейки не даст. У них брачный контракт, а там четко оговорено: чтобы претендовать хоть на малую толику капитала, нужно вместе оттрубить целых пять лет!

Убивать? Жаль. Да и страшно. Смерть миллионера, конечно же, будут расследовать лучшие силы, какое ни придумай идеальное преступление — расколуют ее в два счета.

«Вот если бы он в аварию попал! Сам! — фантазировала Леся. — Или вдруг заболел, допустим, скоротечной саркомой, чтоб в никакой Германии помочь не смогли!»...

Такая неправильная — но очень приятная! — жизнь с двойным дном продолжала течь дальше. Вплоть до того ужасного дня, когда Игорь — без предупреждения! — вернулся из Франкфурта на два дня раньше, чем обещал, и оказался, как в анекдоте про вернувшегося из командировки мужа, в самом разгаре процесса. Причем они настолько увлеклись, что не услышали, как поворачивается в замке ключ, а по лестнице, что ведет в спальню, шелестят шаги.

Леся никогда не забудет его лица. Пораженного, обиженного, убитого. Его хриплого от отчаянья голоса:

— А я думал, ты меня любишь...

Выкручиваться, придумывать оправдания было бесполезно. Молить о прощении, она сразу поняла, — тоже.

Все было кончено. Она осталась — с Николаем. И лишь теперь поняла, что совсем этого не хочет.

Галина Круглова теперь все чаще и чаще впадала в «состояние кокона».

Началось это сразу после смерти любимого сына Митеньки. Чтобы не сойти с ума, она научилась заворачиваться в плед, откидываться в кресле и выключаться из реальности. Полностью.

Раньше ей хватало часа или двух. Потом начинало хотеться есть, пить или в туалет. Но с годами она «достигла совершенства» — целыми днями могла уже сидеть в полузабытьи, в полудреме.

Верочка Бородулина, единственная ее подруга, очень тревожилась и часто советовала:

— Вам обязательно нужно показаться хорошему доктору.

Но Галина всегда отказывалась.

Никакой доктор не вернет ей сына. А научиться жить без него невозможно, она много раз пробовала.

Раньше Галину хотя бы борьба поддерживала на плаву. Воевала с теми, кто погубил Митю — с педагогами, воспитателями, директором школы. Вела вдохновенную переписку с инстанциями, встречалась с журналистами. Когда в стране происходила очередная трагедия с детьми, телевидение всегда взрывалось ток-шоу. Галину, эталон борца за справедливость, на них частенько приглашали. Потом перестали. Сама Галина считала, из-за того, что однажды она набросилась с кулаками на депутата, который осмелился ляпнуть, будто большинство родителей сами виноваты в том, что их дети погибли.

Впрочем, Верочка Бородулина с ней тогда не согласилась и безжалостно проговорила:

— Не в этом дело. Вы, Галя, просто в зубах всем навязли со своим Митей. Сколько можно! Успокойтесь уже.

Галина вдруг подумала — впервые за прошедшие годы: «Я грузу ее своими проблемами уже много лет. А она мне ни на что ни разу не пожаловалась». И даже побледнела — от внезапно нахлынувшего раскаяния.

— Чего вы, Галя? — мягко произнесла Верочка.

— Да осознала, наконец, что я — дура неблагодарная. Ты со мной возишься, как с дитем малым, а я тебе даже спасибо не сказала. Не то, чтоб как-то отблагодарить.

Но только чем же она — безработная инвалид второй группы! — может отблагодарить успешную, богатую женщину?!

Только, если...

И Галина неожиданно выпалила:

— Верочка, хочешь... хочешь, я тебе квартиру завещаю?

— Галя, ну, что вы говорите такое! — возмутилась подруга. — Вам еще жить да жить!

— Ну, я тебя старше, как минимум, лет на двадцать. Хотя, конечно, протянуть могу еще долго, это верно... И завещание оспорить можно, по разным причинам, я теперь в судебных делах дока... Слушай! А давай, мы с тобой лучше договор пожизненного содержания заключим?

— Это что еще такое? — не поняла Вера.

— Очень удобная вещь. И гарантия, что моя квартира точно будет твоей, — принялась объяснять Галя. — Мы составляем договор. Ты обязуешься меня содержать, навещать, приносить продукты, впрочем, ты это все и так делаешь. А я в благодарность — оставляю жилье тебе.

— Галя, вы меня обижаете! — вспыхнула Вера. — Неужели вы считаете, что я вас ради квартиры опекаю?!

— Нет, что ты, конечно, нет! Я понимаю, тебе ничего подобного и в голову не приходило! Но только с какой стати мне допускать, чтобы московское жилье моей двоюродной племяннице из Чебоксар досталось?! Я и видела-то ее последний раз лет тридцать назад! А ты — родной мне человек.

— Ну... — неуверенно пробормотала Вера. — Если вы сами настаиваете, я, конечно, отказываться не буду... Тем более, я вам не рассказывала... у меня сейчас с деньгами не очень...

— Значит, решили! Я прямо завтра и начну все документы оформлять.

...В тот момент она не сомневалась, что приняла — единственно правильное решение. А как иначе? Верочка Бородулина — действительно, ее ангел-хранитель. И единственная подруга.

Откуда было Галине знать, что совсем скоро ситуация изменится. Кардинально.

Надолго же доктор Милена Михайловна запомнит свою неудачу с пациенткой Бородулиной. А ведь насколько идеально шел протокол! Молодая, здоровая, порядочная, с российским гражданством и московской пропиской суррогатная мать. Беспроblemная беременность.

Но на самом финише разразилась катастрофа. Причем, со стороны отнюдь не медицинской.

Суррогатная мать вдруг заявила, что не отдаст матери биологической ребенка.

Ничего, в принципе, нового. Корыстные дамы так иногда делают. Просят: «Дайте надбавку, и только потом я отказ от младенца напишу».

Однако Алла Кузовлева действительно хотела забрать малышку себе.

Она вернула Бородулиной аванс, компенсировала все ее расходы на обследования и протокол — огромную сумму, сто семьдесят тысяч

долларов, забрала новорожденную девочку и покинула Москву. Потеряла, в результате дикого своего поступка, мужа. Залезла в огромные долги.

Вот и говори после этого, что суррогатная мать — всего лишь инкубатор, и голоса крови не существует!

Хотя вины врачей в случившемся не было, Милена Михайловна чувствовала себя неудобно и не сомневалась, что Вера Бородулина в ее клинике больше не появится.

Однако та все-таки пришла. Спустя восемь месяцев после неудачи без предупреждения ворвалась в кабинет.

Милена сначала удивленно посмотрела на нее, а потом, вздохнув, спросила:

— На что сейчас жалуетесь, Вера Аркадьевна?

— Хочу знать, что вы сделали со мной, — сухо произнесла Вера, — чем залечили.

— Что конкретно вас беспокоит?

— Да я просто в развалину превратилась! — возмущенно выкрикнула Бородулина. — Прошло уже восемь месяцев после вашего проклятого протокола, а я себя только хуже чувствую! С каждой неделей!

Милена не стала напоминать, что во время беременности — чужой — Вера выглядела прекрасно. Благодарно говорила врачу, что летает, будто на крыльях. Но госпожа Бородулина — истеричка. А также эгоистка до мозга костей. Пока все шло, как желала, — на здоровье не жаловалась. Но едва начались конфликты — сначала с мужем, а потом с суррогатной матерью, — тут же стала жаловаться на слабость, головокружение, мигрени, тошноту, тяжесть в ногах.

Как бы там ни было, Милена все равно обязана взять у Бородулиной кровь на анализ, сделать УЗИ. Но когда она сказала об этом пациентке, та в ответ только недовольно буркнула:

— Слышать уже не могу все эти ваши: ФСГ, ЛГ, ХГЧ, протоколы, стимуляции. Нет, баста. Никаких больше детей. — В ее голосе прозвучало нескрываемое отвращение. — Сделайте только что-нибудь, чтобы у меня голова перестала болеть! — поморщилась она.

— Давление артериальное контролируете?

— Раньше всегда нормальное было.

— Раньше — это когда?

— Ну... у вас и измеряли, — задумалась Вера. — В октябре. Перед пункцией.

Милена Михайловна тут же нацепила пациентке манжетку тонометра, увидела результат и вздохнула:

— Сто пятьдесят на девяносто.

— У меня всегда сто десять было! — опешила Вера. — Это... гипертония?

— Давайте не будем спешить с диагнозом, — оборвала ее Милена. — Сядьте на кушетку, снимите туфли.

Впрочем, отеки у Бородулиной и так видно, да и лицо изможденное, серое. И одышка ощутимая.

— Вам обязательно нужно сдать кровь, а УЗИ давайте прямо сейчас сделаем, — безапелляционно добавила врач.

Бородулина покорно проследовала к аппарату. Милена взялась за датчик, приложила его к животу пациентки — и едва сама не свалилась с инфарктом.

Ошибки быть не могло: безнадежно бесплодная Вера Бородулина ждала ребенка. Причем срок, как минимум, — двадцать пять недель.

На Барбадосе швартовались в семь утра. Остров — отороченный изумрудными лагунами, окаймленный бахромой пальм, расцвеченный яркими пятнами особняков — величаво выступал из утренней дымки. Ради таких моментов и стоит путешествовать. Но туристы, утомленные ночной дискотеккой и турниром по блэк-джеку, даже не думали высовываться из кают. Зато персоналу можно было без опаски выползти на свет божий.

Василий сбежал из своей каморки еще час назад. Хотя на корабле работал уже третий месяц, никак не мог привыкнуть, что его место здесь — на минус третьем этаже, в комнатке без иллюминаторов, на втором ярусе нар. Соседи — два югослава и киргиз — нещадно храпели, а из кухонного блока уже за час до рассвета начинало тянуть прогорклым маслом.

Куда лучше на палубе, под робким ранним солнцем, в удобном шезлонге. Вообще-то присутствовать на гостевой территории сотрудникам не разрешалось, но кто его сейчас, когда корабль швартуется, а туристы спят, заметит?

Вася никак не мог смириться с фортелем, что подкинула жизнь. Разве мог он, даже в самом страшном ночном кошмаре, представить, что придется ему служить на должности «подай-принеси»?! Ему, блестяще образованному финансисту?!

Он люто ненавидел свой нынешний жалкий статус. На корабле у него было целых две должности, и обе такие, что в приличном обществе признаться стыдно. Только подумать, «младший официант»! А вторая еще позорнее — «ученик крупье»! Даже карты сдавать не позволено — приходится стоять на рулетке, проигранные фишки по цветам сортировать.

— Учитесь, Вася, много работайте над собой, и у вас будут иметься блестящие перспективы, — подбадривал его Брендон, менеджер по персоналу.

Вася механически выполнял нехитрые манипуляции — и постоянно вспоминал другие времена, когда вместо худо скроенной униформы он носил костюм, рабочие часы проводил в собственном кабинете, и даже секретарша у него имелась.

К тому же тяжело хронически семейному человеку вдруг зажить бобылем. Он скучал по своим девочкам, в основном, по дочке. Но и Альку тоже вспоминал. Хоть никогда особо не любил жену, но прикипел к ней за десять вместе прожитых лет, и сейчас всей душой рвался домой.

Но только не было у него больше дома. Роль приживальщика при вечно недовольной мамочке Васю решительно не устраивала, а собственную квартиру в столице — единственный капитал их семьи — пришлось продать.

Решение, как говорят, непопулярное, однако иных не имелось. Лучше уж один раз рубануть с плеча — и одним махом рассчитаться с кредиторами. Если бы не решился он на крайнюю меру, жилье все равно бы отобрали. Но не в качестве оплаты долга — а за проценты. Только жене — узколобой клуше — никак этого очевидного факта не объяснишь. Мать звонила, говорила, что Алька рвет и мечет, возмущается, как он посмел продать квартиру без ее согласия, «выбросил дочку на улицу»...

Василий совсем было улетел мыслями в свою недавно такую счастливую московскую жизнь, но все же вернулся к реальности — что толку от этих воспоминаний? Он эффектным прыжком вскочил с шезлонга и с удовольствием потянулся. Сегодня — о, счастье! — вахты в ресторане нет, до четырех часов дня, пока не откроется казино, он совершенно свободен. И замечательно, что день отдыха выпал именно на Барбадос. Пляжи здесь — в отличие, например, от каменистой Гваделупы — настоящая картинка из рекламы.

Все, пришвартовались. Пора идти.

Вася торопливо прошел по коридору меж рядами кают и уже протянул руку к неприметной дверце, как вдруг услышал веселый девичий голос, спросивший по-английски:

— Ой, а вы куда?

Обернувшись, он увидел, что на него с любопытством глазеет девчонка лет тринадцати, загорелая, в белоснежных шортах. Явно мается, как многие дети на корабле, от скуки.

Василий улыбнулся, понизил голос и заговорщицки произнес:

— Через эту дверь уходят на секретную миссию. Только тс-с-с, никому ни слова!

— Какую миссию? — Глаза девчушки расширились от любопытства.

— Там точка стыковки, — серьезно пояснил Вася. — С батискафом инопланетян.

— А как инопланетяне под воду забрались?

— На многофункциональном межпланетном корабле, естественно! — авторитетно произнес Василий.

— Вау! Познакомьте меня с ними?

— Забавно ты шутишь, — усмехнулся он. — И по-английски хорошо говоришь. И вообще умница!

— Ничего себе! — обрадовалась его словам девчонка. — А вы сами откуда?

— Из Москвы.

— А я из Владика, тоже столица, только дальневосточная! Меня зовут Кристина. — Она протянула маленькую ладошку и, уважительно оглядев его белоснежную форму, поинтересовалась: — Вы, наверное, какой-нибудь боцман? Или штурман? А может быть, даже капитан?!

— Нет, я всего лишь крупье, — ответил Василий, чем вызвал у девочки очередную бурю восторга:

— В казино работаете? Вот здорово! Хоть бы краем глаза взглянуть!

— А в чем проблема? Приходи. Это же не на суше, где вход строго с восемнадцати.

— Мне маман не разрешит, — погрузнела Кристина. — Совсем затретиговала! — и досадливо добавила: — У нее все время то морская болезнь, то мигрень. Сидит у себя в каюте и меня никуда не отпускает. Представляете? Весь народ сейчас пойдет на Барбадосе тусить, а мне — торчать на корабле, с книжечкой!

— Да ладно, на корабле тоже неплохо, — примирительно произнес Василий. — Шведский стол, горка, детский клуб — все сегодня будет работать.

— Но на Барбадосе-то я больше никогда не окажусь, — тоскливо вздохнула Кристина.

Васю разговор уже начал утомлять. Но только он собрался отвязаться от новой знакомой, как из-за спины раздалось:

— Кристи! Вот ты где!

— Маман, — соорив недовольную рожицу, одними губами прошептала девочка.

Пришлось обернуться. Вася ожидал увидеть даму с кислым лицом, эдакого вечно недовольного монстра, но перед ним стояла очень даже милая женщина. Кареглазая, пухленькая. Внешне никакого сходства, конечно, но она чем-то неуловимо напомнила ему Алю.

— Доброе утро! — расплылся в улыбке Василий.

— Доброе! — тепло улыбнулась пассажирка и, обняв дочку за плечи, виновато произнесла:

— Кристишка вас заболтала, наверное?

— Да нет, что вы! У вас очаровательная дочка. Извините меня, к сожалению, пора идти по делам.

— Куда еще идти?! А попросить маму, чтобы она обязательно на берег сошла?! — возмущенно воскликнула Кристина.

— Конечно, советую обязательно осмотреть Барбадос, — примирительно сказал Василий. — Это прекрасный, очень романтический остров. А так как я сегодня, в основном, свободен, могу вас сопроводить.

— Мама! — завопила Кристина. — Соглашайся немедленно!! Хоть раз в жизни наплюй на свою мигрень!

— Ну, хорошо, — сдалась, наконец, женщина и протянула Василию руку: — Давайте тогда познакомимся. Меня Нелли зовут.

Зарегистрировать образовательное учреждение у Аллы с Викторией Арнольдовной не получилось, для этого требовалось нежилое помещение плюс куча разрешений. Пришлось написать в уставе, что осуществляют всего лишь уход и присмотр за детьми. Кормят, умывают, выгуливают, а учить вовсе не обязаны.

Однако Алла заявила сразу: «У нас занятия будут — лучшие в городе!»

Программы, рекомендованные для государственных детских садиков, она даже изучать не стала, а составила собственный методический план, в который вошли рисование, лепка, основы грамоты и счета, английский, физкультура, музыка, танцы. Виктория Арнольдовна настояла еще на одном предмете: «основы этикета».

К набору кадров Алла Сергеевна тоже подошла с размахом. Объявила через городскую газету конкурсный набор. Желающих поработать за достойную зарплату оказалось немало. Однако Аля безжалостно отсекала большинство опытных педагогов, привыкших муштровывать детишек в муниципальных детских садах. В штат, в итоге, попали две недавние выпускницы пединститута — неутомимые и задорные, бывшая няня из богатой семьи, а еще — неслыханная диковина для Калядина! — самый настоящий афроамериканец, родом из Нигерии, студент-заочник Института физкультуры. Ему доверили преподавать ритмику и физподготовку.

Даже сотрудниц на должность нянечек подбирали со всем тщанием — Аля и на прежние места работы им звонила, и в поликлинике интересовалась, действительно ли такая-то оформляла у вас медицинскую книжку?

Найти воспитанников оказалось куда легче. В городские садики Калядина, как везде в России, на очередь надо вставать, едва ребенок родится, да и то не факт, что к трем годам возьмут. Те «счастливчики», кому мест хватило, тоже не всегда в государственных учреждениях приживались. Одни болели постоянно, другие изо дня в день истерики закатывали: «Не хочу туда!» А платежеспособ-

ные клиенты в Калядине имелись. Градообразующим предприятием управляли французы, его топ-менеджеры, как злословил обыватель, деньги гребли лопатой. Две частные поликлиники есть, успешный кирпичный заводик, фитнес-клуб — их руководство, конечно, тоже не бедствует. И своих детей элита с удовольствием отправила в первый в городе частный садик.

Алла чрезвычайно гордилась тем фактом, что малышня — крохи совсем, самому младшему два с половиной — как только приходили утром, тут же начинали спрашивать: «Когда занятия?»

С доходами, правда, пока что было неважно, к тому же, она старалась каждый месяц возвращать хотя бы немного Николаю Алексеевичу. Это был немолодой уже врач-стоматолог, который откровенно ухаживал за ней, несмотря на то, что был женат, и его жена Наталья знала о его отношении к Алле, даже один раз позвонила ей с угрозами, чтобы она оставила ее мужа в покое, иначе ей не поздоровится. И все же, кроме Кирилла, Николай Алексеевич оставался единственным мужчиной в ее окружении. Когда Аля отдавала ему долг, он сердился, уверял, что ему не срочно и вообще не нужно. «Аллочка, вы же только раскручиваете бизнес! У вас прибыль пока мизерная, я же знаю! Пожалуйста, забудьте вы про эти деньги! Хотя бы на год!»

Однако Алла твердо стояла на своем...

Василий Кузовлев не сомневался: чтобы отправиться в отпуск не в Турцию, а на далекие Карибские острова, его новая знакомая целый год жестоко экономила. Есть такие оригиналы: готовы много месяцев на хлебе и дешевых сосисках сидеть ради недели «тропического рая».

— Кристиша так ждала этой поездки, хочет развлекаться, на все экскурсии ездить, а у меня, как назло, каждый день новая напасть: то горло болит, то голова, то ногу подвернула, — виновато объясняла Василию Нелли, когда они валялись на пляже, куда он все-таки смог вытащить маму с дочкой.

Вася с удовольствием рассказывал Кристине разные морские байки, а сам то и дело поглядывал на Нелли. «Как бы ее на свидание тет-а-тет вытащить? — ломал он голову. — Когда и, главное, куда?»

Наконец нашел выход. Когда Кристина в очередной раз убежала попрыгать на волнах, он, смело перейдя на «ты», уверенным тоном, будто об уже решенном деле, произнес:

— Завтра утром в 5.46 жду тебя на верхней палубе.

— А что будет в 5.46? — удивленно взглянула на него Нелли.

— Как что? — пожал плечами Василий. — Рассвет. Я хочу его встретить — вместе с тобой.

Нелли выглядела типичной дамой строгих правил, но Вася не сомневался — обязательно сдастся, тем более что Кристина ему по секрету доложила: «Папка уже пять лет как ушел, и с тех пор маман живет, как монахиня».

Долго обхаживать некогда, послезавтра должна была быть Ла Романа, конец круиза, поэтому пришлось применять простейшую тактику: наглый и быстрый натиск. И Василий — едва ярко-красный диск солнца показался над кромкой моря — крепко, чтобы не вывернулась, прижал Нелли к переборке и впился в губы поцелуем.

Она пискнула, начала вырываться, даже руку взметнула, готовясь залепить ему пощечину, но он продолжал целовать ее — все требовательнее и требовательнее, пока ее тело не обмякло в его руках. Там же, прямо на палубе, за жалким укрытием в виде сложенных друг на друга шезлонгов, все у них и произошло...

А потом Василий снова поцеловал ее в сладкие губы и вполне искренне сказал:

— Я в тебя реально влюбился. Как мальчишка. С первого взгляда.

— Вася, — вздохнула Нелли, — не смейся, пожалуйста, надо мной. Ты — красавец, а я — обычная курица.

Из ресторана на верхней палубе потянуло запахом выпечки, и Василий вдруг вспомнил родной дом. Как Алька вскакивала по утрам первой, спешила на кухню, жарила оладушки или блинчики.

— О чем ты думаешь? — прижалась к нему Нелли.

— Так хочется домой, — вздохнул он. — А его у меня нет... Были когда-то жена... и дочка... Если бы ты знала, до чего я устал от одиночества. И если бы ты смогла остаться...

— Ты, правда, этого хочешь?

— Нелли, милая! Я был бы безумно счаст-

лив! Но я всего лишь крупье, и, к своему глубочайшему стыду и сожалению, не могу оплатить тебе второй круиз. Даже снять скромное бунгало на Барбадосе не могу.

Нелли ничего не сказала, лишь прижалась к нему, взглянула влюбленными глазами и нежно-нежно погладила по голове.

Вася сам не ожидал, что скромняга из Владивостока настолько его зацепит. И чем взяла, непонятно. Типичная русская туристка, уже далеко не юная. В ресторане над такими, как она, откровенно посмеивались и обслуживали в последнюю очередь. А Нелли доверчиво тыкалась ему в шею и шептала на ухо: «Я такого, как ты, всю жизнь искала!» Вася бормотал в ответ приличествующие случаю слова, но при этом понимал: будь он на коне, даже не взглянул бы в ее сторону, ему нравились дамы совсем другого типа: эффектные, стройные, уверенные в себе. Зачем ему уютненькие и невзрачные, если дома имеется практически такая же?

И все же, чтобы у матери и дочери остались о нем и о мимолетном приключении самые приятные воспоминания, он накануне швартовки в Ла Романе расстарался. Вытребовал у Брендона отгул на весь день, когда корабль стоял на острове Сен-Мартен.

Едва сошли на берег, поспешил вместе со своими девочками в пункт проката моторных лодок. Арендовал на весь день маленький, но мощный катерок, не поскупился на тропические фрукты, ледяное шампанское и помчал их на остров миллионеров Сен-Барт.

Пообедав в симпатичном ресторанчике, Вася поблагодарил хозяина:

— Отлично кормите! — И, к восторгу девочки, добавил: — Будем к вам ходить каждый день!

— О'кей! — кивнул тот. — Я тогда вас в журнал постоянных клиентов впишу.

После обеда прошлись по улице роскошных особняков. У тех, что продавались, останавливались, и Кристина снимала на мобильник телефоны риэлтеров. В общем, настолько увлеклись, что едва не опоздали на теплоход.

— Дядь Вася, а вы не можете вместе с нами пойти на прощальный ужин? — робко улыбнулась Кристина.

— Ни в коем случае! — покачал он головой. — Зачем нам идти на убогий ужин для всех? Я уже заказал столик в ресторане на верхней палубе. Прекрасно посидим там втроем, при свечах.

— Круто, дядь Вася! — оценила Кристина.

Когда милый ужин — с шампанским, омаром и отличным тирамису — был завершен, она тут же поднялась:

— Мам, я в интернет-кафе пойду. Часика на два, хорошо?

Нелли ужасно смутилась, а Вася просиял:
— Отличная идея!

И, когда оплачивал счет, успел шепнуть официанту, чтобы в каюту 6217 доставили двадцать пять алых роз. Мотовство, конечно, но он так давно не тратил деньги на женщин...

На следующее утро, правда, вчерашний загул проклинал — явно перебрал с выпивкой, сексом, солнцем. Да еще и денек — как всегда в Ла Романе — предстоял адский. До полудня все полторы тысячи пассажиров сойдут на берег. Далее последует лихорадочная уборка, а в четыре на корабль уже начинают подниматься новые туристы. И опять по бесконечному кругу: приветственный вечер, в ресторане в сотый раз объясняй, из чего состоит «зеленый крем-суп», в казино — раскладывай по стопочкам чужие деньги.

К часу ночи Василий буквально падал с ног. Он выбрался на палубу, надеясь, что ночной, свежий воздух хоть немного взбодрит, и вдруг ему показалось, что навстречу идет Нелли.

Откуда ей тут взяться? Его «мимолетное приключение» сейчас должно к Владивостоку подлетать. Однако видение рассеиваться даже не думало, это была она, Нелечка. Да еще в каком нарядном платье!

Вася пробормотал первое, что взбрело в голову:

— Ты чего его вчера в ресторан не надела?

— А я его только сегодня купила. В Ла Романе, в бутике «Кензо», — лукаво улыбнулась Нелли.

Измотанный до предела Вася никак не мог собрать пазл. Нелли — снова на корабле. В эффектном наряде. На пальчике — блестящий камешек, судя по снопу искр, — бриллиант. Но она же говорила ему, будто трудится инженером в скромном НИИ?

Однако сейчас у нее и тон изменился. Уверенным стал, чуть насмешливым:

— Вася, алло! Это не привидение, это я! Мы с Кристиной решили повторить наш круиз!

— Но...

— В этот раз каюта нам досталась на верхней палубе. Девять и три ноля. Знаешь, где она?

Еще бы он не знал, где находится самый крутой на всем корабле трехкомнатный сьют!

— Нелли, ты мне можешь объяснить, что происходит? — тихо спросил Василий.

— Я... я просто не люблю этим хвастаться... перед не очень знакомыми людьми... — виновато заговорила Нелли. — Вася, я, на самом деле, богата. У меня отец был... серьезный бизнесмен. Правда, мы почти не общались. Папе не нравилось, что я не замужем, что работаю не там, где он хотел, влюбляюсь не в тех, ничего, короче, не нравилось, и на наследство, говорил, даже не рассчитывай. Я и не рассчитывала. А год назад он умер... и, оказалось, все деньги все-таки мне оставил. Так что мне просто повезло, и я очень бы хотела разделить свою удачу с тобой. Ты ведь согласишься? — Она зарделась и тихо добавила: — И я, и Кристишка, мы обе — очень тебя просим!

Все вокруг ждали, что она гопака будет плясать. От счастья.

Однако сколько Вера Бородулина ни прислушивалась к себе, испытывала она лишь досаду, ну, или — в лучшем случае! — недоумение. Неужели беременность все же произошла? Да не то, что произошла, уже к завершению близится. Пройдет три месяца, и она станет мамой?!

«Просто чудо! Фантастика! Я обязательно упомяну ваш случай в своей докторской диссертации!» — соловьем разливалась доктор Милена. Но Бородулина никак не могла себя заставить улыбнуться в ответ. И оформлять детскую комнату — хотя дни летели! — тоже не начала. И пеленки с пинетками не закупала. А уж о том, чтоб передавать дела или, как минимум, искать толкового заместителя, ей и подумать было тошно. Совсем не хотелось превращаться из гламурной, успешной, деловой женщины в суматошно-бестолковую мамашу с коляской.

Кто отец ребенка, она нисколько не сомневалась — юный симпатяга и бывший ученик Аллы Кузовлевой Кирилл Бодрых.

Вере ни капли не было стыдно за ту странную, лихорадочную ночь, когда она подсыпала транквилизатор молодому теннисисту, а после того, как парень впал в беспамятство, урвала-таки свой кусочек счастья, а заодно и Алке, которой вечно все самое лучшее достается, получилось досадить.

Может, пойти в своей мести до конца? Каково будет зачатой подруге, когда выяснится, что ее «безответно влюбленный» имеет ребенка на стороне? Да еще — от Веры Бородулиной?

Она, конечно, не собиралась Кирилл на себе женить. Зачем ей нужен бестолковый, зеленый пацан? Иное дело — наложить лапу на его денежки. Вера навела справки и выяснила, что карьера молодого теннисиста в последний год действительно идет в гору, в месяц стал зарабатывать до десяти тысяч долларов «чистыми». По меркам провинции (откуда он там, из Калядина?) — опять же, огромные деньги. Однако нужны ли Вере его алименты — в размере, как положено по закону, четверти ежемесячных доходов? Ну, станет ей Кирюша платить две с половиной штуки «зеленых»? Но ведь, наверняка, если его признают отцом, начнет соваться с различными советами по воспитанию ребенка, будет лезть и в ее жизнь. К тому же теннисная фортуна переменчива. Вдруг получит Бодрых серьезную травму, и тогда все, доходы мигом упадут до нуля. А отцом он уже навсегда останется! И продолжит ей докучать...

Нет уж, решила Вера, куда разумнее пока секрет попридержать. Ну и пусть в свидетельстве о рождении у ребенка будет прочерк. Зато всегда останется возможность для маневра. Допустим, найти младенцу другого, более выгодного отца, или подождать, когда Кирилл (если парню повезет!) станет мегазвездой, с совсем иным уровнем доходов. Вот тогда и предъявим господину Бодрых внебрачного ребеночка. Потребуем с него или огромные алименты, или не менее впечатляющие отступные. К тому же, какой будет пиар!

Вера аж облизнулась от удовольствия.

Дай Галине Кругловой волю, она бы вообще из дома не выползала. Особенно сейчас. Митенькины одноклассники выросли, превратились в симпатичных парней, здороваются всегда вежливо,

а она еле сдерживается, чтоб не заплакать. Один из приятелей сына вообще успел жениться и теперь выгуливает младенчика. А ей внуков уже не увидеть. Никогда.

Дома было шаром покати, и, хотя ей не хотелось выползть из дома, надо было кое-какие продукты закупить. Верочка давно у нее не была, но она не обижалась, понимала — ведь у нее маленький ребенок.

Галина шла по улице быстро, опустив глаза, чтобы никого не видеть, и ловко маневрировала между лужами... но вдруг взгляд ее споткнулся обо что-то, и она резко остановилась. В грязной луже лежал мужчина, с виду вполне приличный, и одет хорошо.

Первым желанием было просто пройти мимо, но Галина тут же устыдилась подобного порыва и растерянно огляделась по сторонам. Может, поблизости найдется полицейский? Врач? Или хотя бы кто-то молодой, кто бросится на помощь? Но никого не было, и ей пришлось самой нагнуться к лежавшему мужчине и потрепать его по плечу:

— Мужчина!

Тот, не открывая глаз, пробурчал:

— Да отстаньте вы все!

— Мужчина, вам плохо? — настойчиво повторила Галина. — Может, «скорую» вызвать?

Мужик застонал, с усилием подтянул ноги и сел — прямо в грязь.

— Вставайте. Я помогу вам хотя бы на лавочку перейти.

Он взглянул на нее с удивлением, прищурился и вдруг спросил:

— Совсем плохо?

— Что? — растерялась Галина.

— Тебе самой помогать надо, — вздохнул мужчина, тяжело поднялся, покачнулся, но устоял. — Башка трещит, кружится все, — пожаловался он. — Помоги уж, раз взялась.

— Где вы живете? Давайте, я вас домой отведу!

— Умаешься, — усмехнулся он и объяснил: — Я сам из Сибири. В Москву к дочке приехал. А она... — Скривился, махнул рукой и мрачно закончил: — В общем, запил.

— А дочка в каком районе живет?

— Не, к ней не поеду. Ломоть отрезанный. Считай, нет у меня ее больше. Только вот на вокзал не пустят в таком виде... — буркнул мужчина.

— На билет деньги есть?

— Было. Вчера точно было. И на расходы, и заначка. — Он остановился, полез в карман, вытащил несколько мелких купюр и растеряно пробормотал: — Вот дьявол!

— До Сибири доехать не хватит, — усмехнулась Галина.

— Как же это я так? Пропил? Или ограбили? Ну, ничего, не пропаду, друзья, слава богу, имеются. Позвоню, попрошу. Подкинут деньжат. Главное, паспорт, паспорт... Он снова зашарил по карманам и, просияв, извлек из-под куртки документ: — Вот! Цел! Посмотри сама, убедись! Не судим, не бомж!

— Да что мне до того, кто ты такой! — в сердцах воскликнула Галина, даже не заметив, что перешла на «ты», но паспорт все же открыла.

Лотошников Геннадий Серафимович. И прописка имелась, и штамп о заключении брака, и ребенок вписан — действительно, дочка, восемнадцать лет отроду.

Новый знакомый хмуро прокомментировал:

— Жена умерла, пять лет тому как. А дочка... сказала, что в Москву поехала поступать в институт... а сама... Ладно, пойду я.

«Слава богу, избавилась!» — обрадовалась Галина, но неожиданно для себя самой вдруг спросила:

— Куда ж ты пойдешь? Сначала отчиститься надо. Пошли со мной. Душ примешь, одежду в порядок приведем.

Геннадий иронически поднял бровь:

— Не боишься алкаша с улицы в дом звать?

— Я не пугливая, — усмехнулась она.

— Вот и правильно, что не боишься. А за постой, душ там, стирку — рассчитаюсь. Не деньгами, конечно, а, как говорится, натурой. Чего прибить, починить — все сделаю. Руки, слава богу, откуда надо растут.

И только подходя к подъезду, Галя вспомнила, что так и не купила продукты...

— Стой здесь, — велела она, когда они вошли в квартиру, а сама заметалась по комнате. Даже переодеть гостя не во что — откуда в ее келье взяться мужской одежде?

— Простыню дай, — подсказал Гена, — я, когда вымоюсь, завернусь, да полотенец пару не забудь, — и скрылся в ванной.

Галя вытерла пол в коридоре и хотела заняться вещами Геннадия, как внезапно зазвонил телефон. Она взглянула на определитель: Верочка, кто еще может ей звонить. Не ответить нельзя.

— Да, — выдохнула она в трубку.

— Галочка! Я подъезжаю к вашему дому. Буду через пять минут.

— А где Максимка? Что-то случилось? — растерялась Галина.

— Да! У меня для вас потрясающая новость! Все, паркуюсь, отпирайте дверь!

Галя молнией метнулась к ванной и забарабанила в дверь:

— Геннадий! Немедленно выходите!

Тот выглянул — распаренный, умиротворенный:

— Что случилось?

— Пожалуйста! Идите в спальню! Быстро! И сидите там тихо, я вас умоляю!

— Хренасе! Муж из командировки, что ль, приехал?

— Как вам не стыдно! — с отвращением процедила она.

— Ладно тебе, — ухмыльнулся Гена, но повиновался и прошлепал босыми ногами в спальню.

Галя захлопнула за ним дверь, задышавшись от волнения, бросилась обратно в ванную, подтерла следы влажных ног и стала ждать звонка в дверь.

Вера буквально лучилась от счастья. Да и выглядела прекрасно — хотя в прошлый раз, всего несколько дней назад, приезжала бледная, с запавшими глазами. Она небрежно бросила сумку из крокодиловой кожи на тумбочку и хитро улыбнулась:

— Вы по утрам пьете, Галина Степановна?

— Что? — опешила женщина.

— Ну, не коньяк же! — расхохоталась Вера. — Шампанское, со льдом. Очень благородный напиток. Я привезла. Лед, кстати, тоже. У вас ведь его нет? Хотя, что я спрашиваю, откуда у вас возьмется лед? Милая вы моя Галина Степановна! — Она неожиданно обняла женщину и чмокнула ее в щеку: — Как я уже к вам привыкла! Накрывайте на стол! Там шампанское, фрукты, а я пока руки помою.

Впорхнув через пару минут в кухню, Вера выхватила из Галиных рук шампанское и подмигнула ей:

— Культурненько открыть или со стрельбой?

— Верочка, да что сегодня с тобой? — не выдержала Галина.

— Сначала выпейте, потом скажу, — усмехнулась гостя. — Только до дна, до дна! А теперь — внимание, моя новость! Я нашла для Максима совершенно потрясающую няню! Настоящая Мэри Поппинс. Два высших об-

разования, свободный английский, разговорный французский. Так что я — ура! — возвращаюсь на работу! Поздравьте!

Однако Галина лишь покачала головой. Ничего себе потрясающая новость. Как Вера только может?! Ведь малыш — совсем кроха, всего два месяца ему...

— Вы что? Не рады за меня?

— Ну, что ты, девочка, — как можно мягче произнесла Галина. — Я знаю, ты умная, ты всегда права. Но, может быть, немного спешишь передать маленького в руки няни? Какая разница, сколько она языков знает? Твой Максим еще такой беззащитный... Ему мама нужна, а не чужой человек.

— А я что — совсем, что ли, его бросаю? — поморщилась Вера. — Каждый вечер буду дома. По выходным тоже. Ну не могу я больше в четырех стенах! И кормить больше не могу, грудь болит. Да и что мы с ребенком кушать будем? Вы же знаете, Максим родился в гипоксии, он на учете у невропатолога, а одна только консультация стоит пять тысяч. И еще лекарства, терапия с дельфинами. В центр развития речи надо будет ездить, в Йошкар-Олу. А поддержки у меня никакой нет. И доходов тоже.

— Верочка, — беспомощно улыбнулась Галина, — как бы ты ни поступила — это твой выбор, и я его одобряю. А за деньги не волнуйся. Дал Бог зайчика — даст и лужайку. К тому же не забывай, что моя квартира тебе достанется в любом случае, так что какое-никакое наследство у твоего Максимки будет.

Ей вдруг показалось, что за стенкой раздался мужской смешок, и она напряглась.

Но Вера, поглощенная собственными проблемами, ничего не заметила. Она посидела еще полчасика и распрощалась.

Едва за гостьей захлопнулась дверь, из спальни выполз Геннадий. Увидел на кухонном столе недопитую бутылку шампанского, оживился:

— И мне налей-ка!

— Обойдешься, — отрезала Галина.

Но Гена, проигнорировав ее осуждающий взгляд, подошел к столу, схватил бутылку, с наслаждением хлебнул прямо из горлышка и поморщился:

— Кислятина. Но что поделаешь, для здоровья надо.

Галина сжала руки в кулаки и прислонилась к стене. Что ей делать? Как его выгнать?!

— Ну, чего напряглась, как струна? — снисходительно посмотрел на нее Геннадий. — Щас опохмелюсь маленько, отдохну и уйду, не боись. Пошла бы лучше, одежонку мою пока разложила где-нибудь на радиаторе, — и, встретив ее яростный взгляд, примирительно добавил: — Да сдуй ты, кобра, свой капюшон! В мокром уйду, ладно! Только добром тебе на добро отвечу. Предупрежу на прощанье. А ты уж, хочешь — верь, хочешь — не верь. Та женщина, что к тебе приходила, она обманывает тебя. Притворяется, что ты ей подруга, а на самом деле дни считает, пока ты ей квартиру освободишь.

— Подслушивал?! — залилась краской Галина.

— Делов-то, когда стены бумажные! — усмехнулся Геннадий. — Ты только не смейся, я, правда, умею чувствовать то, что другие не могут. И сейчас уловил, причем очень четко: подруга твоя такая сладкая, целуется с тобой... а сама — ненавидит. От всей души.

— Слушай, знаешь что! — запальчиво произнесла Галя. — Придержал бы ты свой язык! Да Вера, она... Она меня уже сколько лет на плаву держит! Если б не помогала, не навещала, не выслушивала... я бы давно сама ушла вслед за Митей... Это мой сынок, он утонул девять лет назад.

— Да понял я уже, — сочувственно крикнул Гена. — И фотографии в спальне видел. Пойми ты, мне до тебя, до той твоей подруги, до всей жизни вашей — никакого дела нет, поступайте, как знаете. Но я бы на твоём месте прислушался. О моем свойстве — людей прочитывать — все друзья мои знают и обращаются, если нужно. Я, правда, не всегда могу. Начинаю видеть, только когда стресс, когда мне самому плохо. Как сегодня, например. В такие дни душа открывается. Тебя вот сразу прочитал, что ты добрая и несчастная. И подругу твою, гадину, и то, что она тебя использует совершенно бессовестно.

— Она, — глухо произнесла Галя, — никогда, за многие годы, не попросила у меня ни-че-го. Только отдавала: свое время, внимание. Привозила продукты. И квартиру ей отписать я сама предложила. Сама, понимаешь?! Потому что умею отвечать добром на добро!

— Ага, — хмуро кивнул он. — Была у меня на родине соседка. Такая же, как ты, доверчивая. Тоже свою квартирку какой-то мошеннице завещала.

Такой милой, сладенькой. Что сказать? И месяца после того, как договор подписала, не прожила.

— Послушай, Гена, я с тобой даже спорить не буду. Помылся? Шампанское выпил? Все, свободен!

Молча принесла из бака с грязным бельем его вещи, положила на табуретку и вышла из кухни, плотно закрыв за собой дверь.

Через пару минут Гена, уже одетый, появился в коридоре, и ей вдруг почему-то стало жаль его — с невысохшими волосами, в мокрых брюках.

— Спасибо тебе, Галочка, за все. А про слова мои ты подумай. И не давай, чтоб тебя использовали, — тихо сказал он, неумело взял ее руку, поцеловал и аккуратно прикрыл за собой входную дверь.

А Галине вдруг стало тоскливо — почти как в тот день, когда Митя ушел от нее навсегда. Она еле сдержалась, чтобы не броситься Геннадию вслед и уговорить его вернуться.

Виктория Арнольдовна, несмотря на свои семьдесят три года, успевала все. Следила за собой, занималась зарядкой, много читала, помогала Алле с садиком, с домашним хозяйством, с детьми. А еще — чуть ли ни каждый день принимала гостей.

Аля не переставала удивляться, насколько разный народ приходил к старухе с визитами. Причем хозяйка умела меняться виртуозно: когда общалась с элитой, выглядела рафинированной, томной дамочкой, а когда болтала, например, с сильно пьющей, пожилой теткой из дома наискосок, сама могла и рюмку коньяку лихо глотнуть, и крепким словцом щегольнуть.

Алла Сергеевна редко присутствовала на старухиных посиделках — не было у нее на это времени. Если оказывалась дома, подавала в зимний сад чай и уходила.

Но сегодня Виктория Арнольдовна попросила:
— Остайся, пожалуйста.

Когда Аля послушно присела на пуфик, пожилая дама представила посетителя: отец Игнатий! Ничего себе — священник! Прежде духовных особ у них в доме не бывало.

— Отец Игнатий, — начала Виктория Арнольдовна, — настоятель нашей церкви Всех Святых. И пришел рассказать кое-что... о чем, в принципе, говорить ни в коем случае не должен... Так что, пожалуйста, обещай сохранить наш разговор в тайне.

— Конечно, — кивнула Аля.

— Вы когда-нибудь в церкви записки подавали? — внимательно посмотрел на нее священник.

— Э... ну... несколько раз. Во здравие дочки. И отца помянуть. Я, к сожалению, не часто бываю в храме.

— Жаль. Но, раз бывали, то, конечно, знаете, как записки выглядят?

— Да. — Аля недоумевала все больше. — Обычная бумажка, буквы «р.б.», то есть раб или раба божия, и имя.

— Алла, скажите, вам знаком этот почерк? — Священник протянул ей тетрадный листок.

Она с удивлением прочитала аккуратную вязь буквочек: «р.б. Алла Кузовлева».

— Моя фамилия? Но, вроде же, писать только имя надо?!

— Мы потому и обратили на записку внимание, — кивнул батюшка. — И я счел своим долгом вас предупредить. Дело в том, что вместе с этой запиской заказали и молебен... за упокой вашей души.

Алла почувствовала, что бледнеет, и растерянно пробормотала:

— А кто? Кто это сделал?

— Полагаю, кто-то из ваших врагов, — вздохнул отец Игнатий. — Видите ли, в народе существует такое поверье: если молиться за упокой души живого, он якобы начнет хворать, может даже умереть. — И тут же поспешно добавил: — На самом деле этот миф ни на чем не основан. Но все же будьте осторожны. Береженого Бог бережет.

Зря Аля пыталась убедить Викторию Арнольдовну, что ей не привыкать к угрозам, а иногда и намеренному вредительству. Ведь учителей, даже любимых, школьники «тестируют» постоянно. Чего уж бояться какой-то записки — после того как лягушек в сумку подкидывали и стул клеем мазали?

Однако старуха была встревожена чрезвычайно. Весь вечер капала Алла на мозги:

— Деточка, прости, что пугаю тебя... но я однажды в поликлинике познакомилась с женщиной — совсем молодой. У нее, без всяких видимых причин, начала рука сохнуть. За месяц чуть не вдвое уменьшилась. Бедня-

га десятков врачей обошла, в Москву ездила — никто ей помочь не мог. А потом выяснилось, что это свекровь хотела ее со свету сжить. Каждую неделю исправно ходила в церковь и заказывала молебен. За упокой души.

— Виктория Арнольдовна! — укоризненно протянула Аля. — Ну вы же человек исключительно разумный. Атеистка!

— Если бы своими глазами эту женщину не видела, не поверила бы, — вздохнула старуха и задумчиво добавила: — Да... Злой все-таки народ в нашем Калядине.

— Кому, интересно, я настолько не мила? — улыбнулась Аля.

— Да всем! Кто сидит без копейки, на жизнь жалуется и завидует, что ты — одинокая, с двумя детьми на руках! — сумела свой бизнес открыть. Да и поклонники у тебя, — подмигнула, — один другого краше.

— Лично я не верю, что какая-то записка может мне повредить, — поморщилась Аля. — Но все равно интересно, кто автор.

— Почерк, по-моему, женский, и это странно.

— Почему?

— Да потому что иначе я бы подумала, что это наш драгоценный сосед Борис Борисович изгаляется. Очень в его духе.

— Да ладно! — усмехнулась Аля. — Мужчина колдовать никогда не будет, ему проще гвозди на дорожке рассыпать.

— А ты сама кого-нибудь подозреваешь?

— Вы же сами сказали, что люди злятся, как это у меня, серой мыши, целых два поклонника. Может быть, кто-то ревнует? Кирилл — видный жених, в него, наверняка, какая-нибудь бывшая одноклассница тайно влюблена.

— Брось! — отмахнулась старуха. — Юные красотки в церковь не ходят.

— Ну, тогда, допустим... жена Николая Алексеевича, — выдвинула очередную версию Аля.

— Наташка-то? — хмыкнула Виктория Арнольдовна. — Нет, не она.

— Почему?

— Потому что Наталья в церкви бывает чуть не каждое воскресенье, и твою фамилию указывать бы не стала, знает, что по церковным правилам не положено. Это кто-то другой. Но кто?

...Вопрос повис в воздухе.

А на следующее утро Аля проснулась оттого, что ее тошнило. Не до такой степени, чтобы срочно в ванную бежать, очищать желудок, но все равно очень неприятно.

Оладушков, что ли, вчера переела? Или из-за сырой воды? Тоже был накануне грех, глотнула на бегу пару глотков из крана. С новой ее суматошной работой даже чаю вскипятить бывает некогда.

Она неохотно выбралась из постели, и ее замутило еще больше. Посмотрела на себя в зеркало — видок ужасный. Лицо серое, глаза ввалились. Прямо маска смерти какая-то! Выпила таблетку от тошноты — не помогло. К тому же голова начала болеть. Вернуться бы сейчас в постель, забиться под одеяло, проспать еще часика, как минимум, три... Но надо поднимать Настену в школу, кормить Зоиньку, а уже в девять — первый урок английского в детском садике. И за продуктами к обеду надо успеть съездить, одних кур на супчик нужно семнадцать штук.

Но до чего же все сегодня раздражает и бесит!

Алла собрала в кулак всю свою волю, чтобы не сорвать плохое настроение на Насте или, тем паче, на крошке Зое.

Зато в садике не удержалась, спустила, что называется, всех собак на сотрудников, и больше всего досталось поварихе, разгуливавшей по кухне в расстегнутом халате и без колпака на голове.

— Но я завтрак уже сготовила! — возмутилась Прасковья Максимовна. — А если постоянно в колпаке этом вашем, у меня голова преет!

«Ох, выгнала бы тебя прямо сейчас!» — сердито подумала Аля.

Но дети — даже самые избалованные — стряпню Прасковьи Максимовны обожали. Требовали дома еды, как в садике». Мамаши даже приходили спрашивать у поварихи рецепты, та снисходительно рассказывала, как готовить правильный плов или куриный супчик, и ужасно этим фактом гордилась.

Алла тоже признавала: Прасковья Максимовна над самыми простейшими продуктами будто ворожит. Вроде, делает простецкие макароны по-флотски, но ароматы в кухне витают стопроцентно ресторанные.

Правда, сегодня там пахло, против обыкновения, неприятно. Аля поморщилась, хмуро взглянула на кухарку:

— Что вы на завтрак готовили?

— Да я-то — все, как обычно, — поджав губы, ответила та. — Ватрушки и кашу. А воняет тут из-за вашей обезьяны. — Так Прасковья Максимовна, далекая от политкорректности, именовала темнокожего преподавателя ритмики. — Раман ваш драгоценный явился с раннего утра, в коробочке принес какое-то месиво и разогревает — прямо в детской сковородке! Я ему: «Пшел вон, я ж на ней малышам котлетки жарю!» А он только хихикает! Я, говорит, хангри. Не знаю уж, что за хангри-мангри такое, но то, что он хам — это точно. Вы бы сказали ему...

Директриса лишь вздохнула. Да, непорядок, конечно. Но парень живет в общежитии, у них там плита — одна на пятьдесят человек. Не пробился, видно, завтрак себе приготовить.

А повариха тем временем продолжала ворчать:

— Нянька наша, Лидка, тоже хороша! Ведет себя в моей кухне, будто у себя дома! В холодильнике все обнюхает, ватрушку сегодня схватила прямо с противня, руками. Сама в одежде уличной, из носа капает! Вот кого ругать надо! А вы все ко мне пристаёте с каким-то колпаком несчастным.

Несчастливая, измотанная тошнотой Аля едва не велела строптивой Прасковье Максимовне немедленно убираться вон. Остановило единственное: если кухарка уйдет прямо сейчас, обед детям придется готовить ей!

Едва подумала о еде, затошнило совсем уж отчаянно. Надо было как можно быстрее бежать домой и там облегчить желудок. А то прямо на глазах у сотрудников грех случится.

Но спастись бегством она не успела. В кухню заглянула воспитательница и тревожно выкрикнула:

— Алла Сергеевна! Мишу Каманина рвет, прямо в классе!

Ставки врача в штатном расписании садика не было, и к моменту, когда по вызову явился педи-

атр, паника достигла пика. Начало тошнить еще пятерых детей. К тому же Алле позвонила одна из мамаш (ее сын сегодня в садик не пришел):

— Чем вы моего ребенка отравили?! — кричала она. — У Костеньки рвота, температура под сорок! «Скорая» его в больницу забрала!

Про собственное состояние Аля уже и не думала. Раздавала поручения: срочно обзвонить родителей, предупредить, что в саду инфекция. Детей, кто здоров, вывести на внеплановую прогулку, а в помещении пока что сделать тщательную уборку, во всех классах — включить кварцевые лампы.

Когда старенький доктор, приятель Виктории Арнольдовны, работавший в садике на договоре, наконец, прибыл, Аля, запыхавшаяся, в резиновых перчатках, домывала туалет.

Врач на нее едва взглянул и тут же повелел:

— Аллочка Сергеевна, немедленно все бросать и в постель! На вас же лица нет!

— Ерунда, я справлюсь, — отмахнулась она и повела доктора к заболевшим детям.

Пока тот осматривал малышню, задумчиво жевал губами, хмурился — тряслась от страха, вдруг скажет: дизентерия, бруцеллез или еще что похуже?

Но старичок довольно быстро вынес вердикт:

— На мой взгляд, обычный энтеровирус. В народе его еще называют «кишечный грипп».

— Слава богу! — вырвалось у Али.

— Подождите радоваться, — покачал головой доктор. — Утверждать наверняка я, к сожалению, не могу. С такой триадой — температура, рвота, расстройство стула — обязательно нужно сдавать анализы и наблюдать в динамике. А пока — дайте всем регидрон и абсорбенты, у вас в аптечке имеются?

— Конечно.

Старичок быстро объяснил воспитательницам, какая нужна дозировка, и обернулся к Алле:

— Ваши сотрудницы дальше сами справятся, а мы с вами пока на кухню заглянем.

— Зачем? — удивилась она.

— Проблемы в детских садах почти всегда — оттуда, — вздохнул доктор и, взглянув в ее расстроенное лицо, добавил успокаивающе: — Да вы не волнуйтесь, я взгляну, как друг, а не как каратель.

Прасковья Максимовна — догадалась-таки! — встретила их в белоснежном халате, волосы стянуты в пучок и скрыты под колпаком. На кухне — чисто, как никогда.

— Не возражаете, милочка, если я тут у вас похозяйничаю немного? — ласково обратился к поварихе старичок. — Где можно руки помыть?

— Здесь мы не умываемся, в коридоре есть туалет для сотрудников, — ответила Прасковья Максимовна и, покосившись на начальницу, вдруг решительно заявила: — Алла Сергеевна меня, конечно, сейчас ругать будет... но все равно скажу. Я думаю, от этой шоколадки у нас вся беда!

Старичок вопросительно обернулся к Але, и она поспешно объяснила:

— Прасковья Максимовна имеет в виду негра. То есть афро — как его там? — афро-африканца. Раман Шанахри, гражданин Нигерии. Учится заочно в институте физкультуры, работает у нас преподавателем физкультуры и ритмики. Серьезный парень, санитарная книжка в порядке.

— Я сколько раз видела, что он на работу больной приходит! — не унималась повариха.

— В каком смысле — «больной»? — взметнул брови врач.

— Ну... какие-то порошки пьет. Разводит их водой в детской посуде. Вчера себе в нос чем-то брызгал. От него, небось, и пошло все это.

— Прасковья Максимовна! — всплеснула руками Аля. — У Рамана просто-напросто аллергия! Он всегда пользуется спреем для носа и всегда пьет лекарства!

Однако повариха не сдавалась:

— И в туалете он вчера сидел полдня! С газеткой!

— Давайте-ка мне сюда этого Рамана Шанахри, — велел врач.

Когда преподаватель ритмики явился, он быстро осмотрел его и пожал плечами:

— Никаких признаков инфекции я не вижу. По крайней мере, пока. Впрочем, энтеровирус очень заразен. Воспитатели, скорее всего, тоже разболеются. Это вопрос одного-двух дней.

«Значит, и Зоинька свалится, и Настюша, — горько подумала Алла. — И Виктория Арнольдовна!»

— Откуда этот вирус на нас свалился?! — жалобно взглянула она на доктора.

— Разные бывают пути распространения. Антисанитария, испорченные продукты — однако с этим у вас, вроде, порядок. Возможен также воздушно-капельный путь, то есть кто-то «принес». Но в городе сейчас эпидемиологическая обстановка спокойная. Могли из другого региона завезти. Дети же у вас не бедные, путешествуют. Кто, кстати, недавно вернулся? И откуда?

— Люся Локтева к бабушке на Украину ездила, позавчера вышла. А Ромочка Неклюдов с папой — в Африку, на сафари. Тоже позавчера вернулся.

— На сафари? С ребенком?!

— Там семья необычная. Мамы нет, а няням папа не доверяет. Вот и таскает мальчика с собой. Уже не в первый раз. И в Индию его брал, и в Камбоджу. Теперь вот в Танзанию. Ничего не боится.

— Алла Сергеевна, тогда все хуже. Я и без того должен был... но, раз тут Африка, просто обязан сообщить о вашей вспышке инфекции в гор-здрав. Тропические инфекции, сами понимаете... мало ли что...

— Конечно, сообщайте. А сейчас нам что делать?

— Я бы посоветовал закрыться. Детей — даже здоровых — отправить по домам, на карантин. В помещении провести полную дезинфекцию.

— Да, я так и собиралась поступить, — тяжело вздохнула Аля.

Наиболее скандальным родителям она уже успела позвонить еще до прихода врача. Разговаривали с ней совсем неласково. Некоторые — просто напустились на нее с обвинениями: «Что там у вас за безобразие происходит?» Другие грозились санэпидстанцией и даже бандитами. Еще несколько — просто отказались приехать за детьми: «Как вы себе это представляете, Алла Сергеевна? Мы на работе, кто нас среди дня отпустит?!»

«Что ж, объединю оставшихся детей в одну группу», — решила она.

— Выше нос, Алла Сергеевна! — подбодрил ее на прощанье врач. — Ничего экстраординарного не случилось. Вспышки инфекций в детских садах бывали, есть и будут.

— Но государственный-то садик никто не закроет, — уныло протянула Аля. — А нас — частных! — только и ждут, чтобы было, за что наказать...

— А вы, — посоветовал доктор, — пока время есть, проведите полную ревизию, чтобы вообще не к чему было придраться, когда санэпидстанция нагрянет.

— Я постараюсь, но вы ведь сами знаете, они все равно к чему-нибудь да привяжутся...

Постепенно история с садиком стала забываться, тем более что у горожан появилась новая тема для разговоров. До конца декабря зима обходила Калядин стороной, а под Новый год вдруг обрушилась: снегопады, сильнейшие метели — дней десять кряду. Так как снегоочистительных машин в городе — всего десяток, движение в Калядине полностью встало.

Зато малыши были в восторге. Алла Сергеевна использовала стихию по максимуму. Провели конкурс снеговиков. Соорудили целых четыре горки, возвели две крепости и пологий холм для игры в «царя горы».

Аля — по случаю форсмажорной погоды — приобрела себе валенки (гламурные, с вышивкой) и с удовольствием носилась вместе с детьми. Но не только забавлялась, еще и все подмечала: когда пора горку укреплять, сбрасывать с крыши снег или сбивать сосульки.

Она вообще — после не слишком давней истории с кишечной инфекцией на безопасности слегка помешалась. Двое сезонных рабочих, узбеков, по два раза в день чистили дорожки, посыпали песком, скалывали наледь со ступенек и — самое важное! — сбивали со скатов крыши сосульки.

Работать, когда в садике никого нет, у узбеков не получалось: день совсем короткий, детей и приводят, и уводят уже в темноте. Обычно сброс устраивали часов в десять — во время утренних занятий, и Аля обязательно требовала, чтобы во дворе никого, и обе двери (парадная и «черная»), были заперты.

С основным входом проблем никаких — воспитатели запирали исправно. А вот строптивая кухарка Прасковья Максимовна очередную «блажь» начальницы исполнять не желала, лишь возмущалась:

— В кухне в это время все равно, кроме меня, никого! А я, слава богу, не дитя неразумное, меня под замок сажать не надо!

Характер у поварихи в последнее время стал совсем несносным. Но увольнять женщину лишь за то, что та не признает ее главенства, Алла Сергеевна не решалась. Ничего, потерпит ради детей...

В канун Нового года в садике задумали устроить Сказочный вечер. Сначала — концерт (младшие читают стихи, старшие — ставят спектакль «Морозко»). Потом для детишек выступят артисты из местного театра, а для родителей в это время — фуршет.

Прасковья Максимовна приняла идею в штыки.

— Охота вам забесплатно этих пижонов потчевать! — ворчала она. А уж когда Аля предложила для фуршета меню, расхохоталась ей в лицо: — Еще чего вздумали: тарталетки с икрой, да утку по-пекински. Блажь какая! Лучше я пирогов напеку. И пельмени домашние сделаю.

Алла никогда прежде не слышала, чтобы на фуршете ели пельмени, но спорить с Прасковьей Максимовной не стала.

Как назло, накануне Сказочного вечера на Калядин обрушился очередной снежный заряд. И тут уже не только пробки, а еще и перебои с продуктами начались. Аля нервничала, искала по всему Калядину шампанское, стояла в огромной очереди за луком, умоляла мясника на рынке найти ей хоть кусочек парной свинины.

В садик в итоге примчалась за три часа до начала вечеринки. Прасковья Максимовна встретила истерикой: «Мне пельмени уже крутить надо, а продуктов нет!!!»

Только успокоила кухарку — уже бегут воспитатели с очередными проблемами. Нужны серпантин и хлопушки, родители Мишы Каманина обещали купить костюм Морозко, но подвели...

Пришлось Але снова мчаться — на штурм магазинов. Когда выезжала со двора, вдруг увидела, что на самом краешке крыши предательски завис огромный пласт снега. Вернулась и напустилась на узбеков:

— Почему сегодня не сбрасывали?!

— Не сто рук, хозяйка! — взмолились те. — Весь день дорожка чистим, песок сыплем. Снега сколько навалило!

— Немедленно все бросить — и на крышу, — скомандовала она. — Пока не стемнело. — И поспешила в дом, предупредить, чтобы воспитанников во двор не выпускали, и обе двери — на замок.

— Слышали, Прасковья Максимовна? — уточнила она у поварихи.

— Да оставь ты меня в покое, ради бога, со своими глупостями! — взвилась та. — У меня вода для пельменей кипит, и тесто уже подходит! Со всем от тебя житья нет. Праздники закончатся — ей-ей, уволюсь!

Ехать в бюджетный канцелярский магазин на окраине было уже некогда — пришлось Алле покупать конфетти, серпантин и карнавальный

костюм в ближайшем — и очень дорогом! — супермаркете.

Зато вернулась быстро и успела проконтролировать, как узбеки снег сбрасывают. Ограждение, молодцы, поставили и работают качественно.

Аля в дом не пошла, решила, пока с крышей не закончили, проверить, хорошо ли расчищено место для гостевой парковки.

Но только направилась в ту сторону, как в спину вдруг ударил пронзительный крик. Она резко обернулась и увидела, как огромный пласт снега с ужасающим шумом рушится с крыши. А прямо под лавиной — стоит Прасковья Максимовна.

— Он-на н-на к-кухне н-нажарилась... вот, видно, и решила проветриться! — всхлипывала воспитательница. — Вышла во двор — и прямо под лавину попала!

Прасковья Максимовна — очень бледная, очень торжественная — недвижимо лежала на снегу. Комья, закрывавшие ей лицо, убрали, но в дом переносить не решились: вдруг трогать нельзя, не дай бог, позвоночник сломан?

«Скорая» ехала вечность. Аля укрыла повариху теплыми одеялами, вцепилась ей в руку и зашептала в ухо:

— Прасковья Максимовна! Пожалуйста, очнитесь!

Будто услышав ее слова, повариха открыла глаза, сфокусировала взгляд на Але и недовольно проворчала:

— Опять ты здесь. — После чего растерянно огляделась, поняла, что лежит на снегу, и попыталась встать.

— Не шевелитесь! Только не шевелитесь! — всполошилась Аля.

Тут и «скорая», наконец, подъехала.

— Где пациентка? — строго поинтересовался врач.

— Вот, — указала на Прасковью Максимовну Аля, но та уже решительно встала и фыркнула на начальницу:

— Себя в больные записывай, а со мной все в порядке. — Затем ласково улыбнулась доктору и добавила: — Снежком чуть-чуть припорошило, я и сомлела со страха. Но сейчас все хорошо, только замерзла — жуть!

— Ничего себе чуть-чуть! — воскликнула Аля. — На нее тонна рухнула, не меньше!

Доктор со «скорой» только головой покачал:

— Повезло вам, женщина. Давайте, конечно, осмотрю — но, по-моему, вы в рубашке родились.

И даже сотрясение мозга не заподозрил.

— Ох, Прасковья Максимовна, как я рада! — сквозь слезы улыбнулась поварихе Алла.

— Чему? Что есть, кому на стол подать-убрать?

— Что Бог вас уберег. Видно, понимает, кроме вас, детишек вкусно накормить некому...

— Ладно, хватит лясы точить, — недовольно оборвала Алины излияния повариха. — Пошли. Дел невпроворот.

Но, вместо того, чтобы радоваться счастливому спасению, весь вечер была ворчлива до крайности. Вытребовала себе в помощь нянечку, цыкала на детей, высказывала претензии Алле Сергеевне. Когда целая делегация родителей после фуршета явилась в кухню благодарить за вкуснейшую еду, даже не улыбнулась в ответ и от мытья посуды не оторвалась. И лишь когда садик полностью опустел, она подошла к Але и в приказном тоне бросила:

— Задержитесь на полчаса. Надо поговорить.

Прасковья Максимовна выглядела сейчас совсем больной и усталой. Бледная, щека расцарапана, вместо привычно уверенного разворота плеч — какая-то затравленная сутулость, и взгляд какой-то виноватый.

«Неужели раскаивается, что мою инструкцию нарушила, вышла на улицу, когда снег сбрасывали?»

Повариха поставила перед Аллой чашку с чаем, блюдо, полное сдобных плюшек, и коротко пояснила:

— Заначка. Тепленькие еще.

— Когда вы только все успеваете? — искренне восхитилась Алла Сергеевна.

— Бог помогает, — скупно усмехнулась Прасковья Максимовна, уселась напротив и хмуро взглянула на начальницу: — О том и поговорить хочу. Поняла я, нельзя Спасителя обманывать. Накажет. Сегодня уже преду-

предил... — и, перехватив вопрошающий Алин взгляд, проворчала досадливо: — Ох, нет мне радости под тобой работать. Ну, какая ты начальница? Даже голоса повесить не умеешь.

— Ничего. Может быть, научусь еще... — улыбнулась Аля.

— И не надейся, — хмыкнула Прасковья Максимовна, а потом горестно покачала головой и пожаловалась: — Ох, до чего мне тяжело... Я ведь в жизни ни перед кем не каялась, а тут приходится, да еще было бы, перед кем — перед мышью серой! — Сделала глубокий вдох и торопливо начала: — У меня сын есть. Знаешь?

Сына Прасковье Максимовне воспитывать было некогда. Разве до педагогики, когда мужа нет и сама на двух работах? Сыт, одет, худо-бедно, — уже хорошо. Про театры, кружки или «все эти ваши развивалки» (последние слова женщина произнесла с невыразимым презрением) мальчик даже не ведал. После школы домой шел один, с ключом на шее, и уроки делал сам, без понуканий. Но, хотя рос, будто сорняк, к двадцати годам превратился в красавца-парня.

— В институт поступил, и не абы куда: в Питере кибернетику изучает. На бюджетном! Да еще и работает, компьютерные программы пишет. Вот он какой, мой умничек! — Прасковья Максимовна продемонстрировала фотографию милого, сухощавого парня и продолжила: — Я все боялась, что убежит от меня сыночек в северную столицу, закрутится — мамку-то и забудет. Но пока милует Создатель. Парень мой на все каникулы — сюда, в Калядин. И с подарками каждый раз, да с какими! На прошлое лето совсем разошелся, компьютер мне подарил!

Аля слушала повариху с все большим недоумением. Она-то ждала покаяний-признаний, а та вдруг хвастаться сыном взялась, даже разругалась вся от удовольствия:

— Не хотела я тот компьютер брать, но сыночка ж пристал, как репей. Смеется: «Скажи спасибо, что не заставляю государством управлять! Но в Интернете работать — должен уметь каждый, даже кухарка». — «Что я потеряла в том Интернете?» — говорю. А мальчик мой по кнопочкам бац, щелк, в экран уставился и спрашивает: «Вот ты, мамуля, суп из топора сварить можешь, я знаю. А утиную грудку магре под карамельным соусом сготовишь?» — «Чего-чего?» — «Древнеегипетский рецепт, времен фараона Аппия», — веселился сыночек. Ну и показал мне дорогу на кулинарные сайты. Ох, и полюбилась же мне забава! Сначала просто чужие рецепты читала, готовила по ним. Но я ведь, сами понимаете, не молодая хозяйка, чтобы тупо исполнять, что другие скажут, мне скучно. Быстро освоилась и начала комментировать, учить, как еще вкуснее можно сделать. Полгода не прошло, как я уже на всех известных сайтах отметилась. А в наше калядинское кулинарное сообщество — и в реале ходила. Активисты этих сайтов очень часто в обычной жизни встречаются, мастер-классы проводят. Ведь все нюансы рецепта описать сложно, тут показывать надо.

Аля смотрела на повариху с нескрываемым восхищением:

— Прасковья Максимовна, я вас с каждым днем все больше и больше ценить начинаю. Почему же вы — профессионал из профессионалов! — в ресторан какой-нибудь дорогой работать не пошли?

— А, там начальников слишком много, — отмахнулась повариха. — И с продуктами химичат. Гниль привезут, и слова поперек не скажи. У тебя хоть все всегда свежее. Да и детишкам готовить куда приятнее, чем взрослым. Те, что угодно, съедят — раз уплачено. Но когда детки, да капризные, за обе щеки уминают — сразу понимаешь: работала не зря. Жаль только, что ты меня погонишь.

— Да за что ж мне вас гнать? — продолжала недоумевать Алла.

— Так я и рассказываю... Существует у нас в Калядине сообщество — для тех, кто знает толк в кулинарии. Профессиональных поваров в нем, кстати, — раз, два, и обчелся, в основном — домохозяйки. Многие — дамы не бедные. Кто-то из них и предложил: раз в месяц снимать ресторан — вместе с кухней! — и обмениваться опытом. Идея понравилась, встречи планируют загодя, выбирают тему — рыба, например, мясо или выпечка. Каждый заявляет, что готовить будет. А потом все вместе пируют, заодно и дегустируют. Удовольствие недешевое, но меня, корифея, приглашают бесплатно. Уже на пяти встречах была. Конечно, перезнакомилась со всеми. С кем-то — почти подругами стали, с другими — как с тобой, характером не сошлись. А с одной дамой... Флория ее звали... — повариха нахмурилась, замолчала.

— Флория? Это что еще за имя?

— А мы друг друга никами называли. Из Интернета. Я, вон, себе придумала: Лилиана. Куда интереснее, чем Прасковья! Впрочем, не обо мне речь, о Флории. Я на нее как-то и внимания не обращала. Бывают такие люди: что есть они, что нет. И готовила вроде добротню, грамотно, но без изюминки, точнее, без перчинки. Зато уж меня, как специалиста, боготворила. Прилепилась — будто банный лист! Когда я за плитой, постоянно за спиной стоит, все, что делаю, записывает, шаг за шагом. Телефон свой оставила, в гости звала. Услужить постоянно пыталась: то билеты достала, когда «Современник» на гастроли приезжал, то врача хорошего предлагала, едва я однажды на сердце пожаловалась. Ну... — повариха смущенно улыбнулась, — я билеты в театр взяла, конечно. С сыном сходили — он как раз на каникулы приезжал. Но чтоб дружить с Флорией, нет, этого не было.

Мне бы сразу ее заподозрить! Сразу внимание обратить, когда она ко мне прицепилась! Но я же — как все люди! — вижу только то, что на поверхности! Поверила, что Флория обхаживает меня, чтобы опыт кулинарный перенять. Тем более, она жаловалась, что муж у нее придирчивый, угодить ему с едой тяжело. Что ж, я секреты не храню, все ей рассказывала, что знаю. Но Флория ко мне все крепче липла. Звонила, к себе в гости звала. А однажды, — Прасковья Максимовна скривилась, — даже в садик заявила.

— В садик? — насторожилась Алла Сергеевна.

— Ну да. Я знаю, вы не разрешаете посторонним... Но она сказала, ей на один вечер книгу дали, очень редкую. «Овощи, дикорастущая зелень и плоды в питании» известной травницы Луканиной. Издана во время Второй мировой войны, представляете! Конечно, я захотела посмотреть. Флория и предложила подвезти книгу прямо сюда. Как раз, сказала, в наших краях будет, заодно и зайдет. Я подумала, время к шести вечера, детей сейчас разберут, да и вас на месте нет. Что такого? В кухню ее пускать не хотела, но Флория

упросила — ей что-то нехорошо стало. Выглядела она, и правда, ужасно: глаза блестящие, лицо бледное. Отдала мне книгу, сама села скромненько на стульчик, попросила воды. А потом вдруг предложила снять копии с тех рецептов, которые мне понравятся, и рассказала, как делать конфетки из моркови. Вот, думаю, детишки наши в восторге будут, и бегом на второй этаж, в ваш кабинет, где ксерокс. Вы же все равно его не запираете. А когда вернулась, смотрю, Флория почему-то у посудного шкафа возится. Пробормотала, вроде ей пить захотелось, хотя я еще раньше показала ей, где кипяченая вода стоит, и стакан дала.

Ну... и все. Распрощались. Флория книжку свою забрала и ушла. А я полезла в холодильник и сразу поняла: в нем копались. Кастрюля, где молоко кипяченое на завтра, сдвинута, с банки сметанной крышку скинули. Я тогда, грешным делом, на ребяток подумала. Они иногда в кухню забегают, сами знаете... На следующий день сама учинила расследование, вроде, нет, никто не признается, что в холодильнике рылся. А потом, — повариха взглянула на Алю затравленным взором, — в садике и началась эта вся история... с кишечной инфекцией.

— Я уже поняла, — сузив глаза, уставилась в лицо поварихе Аля. — Имя. Назовите ее настоящее имя.

— Да вы ее знаете, — окончательно смутилась Прасковья Максимовна. — Наташка. Жена врача зубного. Николая Алексеевича.

И тут же пронеслось перед глазами: измученные детишки. Перепуганные родители. Опустевший садик. Бесконечные проверки. Собственное препоганое состояние, когда даже воды не глотнуть было — сразу накачивала тошнота.

Алла-то считала, что виной всему невезение, злая судьба.

Но причина инфекции, оказывается, не случайный вирус, не роковое стечение обстоятельств! А явное, хорошо продуманное зло!

Какой же надо быть подлой особой, чтобы совершить такое! Значит, Наталья сама где-то заразилась энтеровирусом и специально явилась в садик, чтобы всех заразить. Отомстить не лично разлучнице, а через ее беспомощных подопечных. Да жена Николая Алексеевича — просто сумасшедшая!

Алла налила себе в стакан воды. Выпила, чтобы успокоиться, маленькими глоточками и вдруг размахнулась — и шарахнула этим стаканом в стену.

— Ну, вы даете! — с уважением пробормотала повариха.

Но Аля не обратила на нее никакого внимания.

Осколки еще продолжали сыпаться, а она уже набирала телефонный номер.

Николай Алексеевич обещал приехать в садик через двадцать минут.

Ох, и устроит же она ему сейчас!

Чем ближе встреча, тем страшнее ей было затевать скандал. Да и смысла в нем Аля видела все меньше. Полезно, конечно, покричать, выпустить пар, но Наталья от этого не поумнеет. В итоге, когда стоматолог явился, Аля встретила его совершенно растерянным взглядом. А уж когда тот нежно обнял ее и шепнул на ушко: «Аленька, что случилось?» — едва не расплакалась. Но, собрав волю в кулак, отстранилась от него и сухо произнесла:

— Я хочу, чтобы вы знали, что творит ваша жена.

Слова — пока рассказывала — получались глупые, казенные. «Случай вопиющий... нужно принимать срочные меры...» В жизни она так не выражалась!

Николай Алексеевич рассказ о похождениях своей супруги выслушал молча. А когда Аля умолкла — прислонился к стене, закрыл глаза и растерянно пробормотал:

— Так вот куда она ходила... В тот вечер, когда я с ног сбился, разыскивая ее.

— Вы, конечно, ни о чем даже не догадывались, — саркастически усмехнулась Аля.

— Аленька, о чем ты говоришь?! Мне даже в голову придти не могло! — обиженно взглянул на нее Николай Алексеевич.

— Конечно, конечно. Все кругом козлы, один вы — герой. Защитник! Только от помощи вашей, — из глаз ее, против воли, брызнули слезы, — уже деваться некуда! Какая я была дура, что с вами связалась! Неужели трудно собственную жену на место поставить?

Лицо стоматолога закаменело, и он заговорил тихим голосом:

— Какой же я прекрасодушный дурак... Отправил Наталью в санаторий, в Кисловодск. На три недели. А она вдруг через два дня вернулась. Совсем больная. Сказала, какие-то колбаски по-

пробовала у уличного торговца, и с тех пор ей плохо. Болела тяжело, с высокой температурой. Терапевт сказал: кишечная инфекция, постельный режим минимум на пять дней. Маску велел носить, отдельной посудой пользоваться. Она, вроде, слушалась, все выполняла, с постели не вставала... но однажды вечером возвращаюсь — а ее дома нет. Телефон не отвечает, записки не оставила. Явилась только через час после меня. Я спросил, куда ходила, а она молчит. Если б я только знал!

И столько безнадежности было в его лице, в потухших глазах, что Алин запал мгновенно иссяк.

— Николай Алексеевич, — сочувственно проговорила она, — вы своей жене хотя бы сказали: пусть мне мстит, если хочет. Но дети-то при чем?!

— Аля, — тяжело вздохнул стоматолог. — Проблема в том, что... черт, даже не знаю, как начать... Будь она просто вздорной, никчемной, надоевшей бабой, я давно бы выставил ее, оставил ей все и начал жизнь заново! Но у нас все очень сложно...

— Николай Алексеевич, вы, кажется, собираетесь сейчас речь толкать? О причинах, почему не можете развестись и на мне жениться?! Так позвольте напомнить, что я — замужем, и никаких видов на вас не имею.

— Помолчи, пожалуйста, и послушай, — попросил он. — Не знаю, рассказывала ли тебе Виктория Арнольдовна... вскоре после того, как у тебя родилась Зоинька, у нас дома был пожар.

— И какая связь? — холодно спросила Аля.

— Официальная версия — короткое замыкание. Но на самом деле квартиру подожгла Наталья.

— Зачем?!

— Ей приказали, — горько усмехнулся Николай Алексеевич. — Голоса. У моей жены — тяжелое психическое заболевание. Настолько тяжелое, что, если она останется одна, без семьи, без присмотра, путь у нее единственный — только в психушку.

— Вот оно что! — ахнула Аля. — Вы сказали, пожар был, когда я Зоиньку родила? А какого...какого точно числа это случилось?

— Десятого июля.

— Во сколько?

— Вечером, часов в семь.

— Не может быть, — побледнела Аля.

— Не понимаю тебя, — удивленно посмотрел на нее Николай Алексеевич.

— Когда я была в роддоме, Наталья мне звонила, кричала, что я — разлучница и что я ее всех сбережений лишила. Это как раз десятого июля было. Около половины седьмого. Она, значит, поговорила со мной, а потом... — Аля замолчала, всхлипнула и добавила растерянно: — Но

мне тогда совсем не показалось, что с вашей женой что-то не так. Она говорила совершенно нормально!

— В том, Аленька, и беда, — тоскливо произнес стоматолог, — что на первый взгляд с ней вроде все в порядке. Она ведет дом, готовит, следит за собой, и периоды просветления могут у нее длиться чуть не до года. Но потом обязательно происходит что-то. Самый крошечный повод, травмирующая ситуация, и ее реакция на проблему бывает совершенно непредсказуема. Р-раз — и дом подожгла. Никогда не забуду: вбегаю в квартиру, там все в дыму, стол кухонный пылает. А Наталья встречает меня счастливой улыбкой: «Сейчас будем ужинать!»

— Какой кошмар! — сочувственно пробормотала Аля.

— Когда ее мания ревности охватывает, Наталья себя полностью контролировать перестает. Виктория Арнольдовна мне упоминала про записку за упокой твоей души. Думаю, это тоже Наташкины дела.

— Неужели?!

— Мы уже подобное проходили. Лет пять назад я на работу новую медсестру взял, и Наталья вообразила, будто я ей заинтересовался. Она тогда к гадалке отправилась, какой-то «черной колдунье», та и научила заказывать молебен за упокой. И что записку нужно обязательно с фамилией писать, иначе не сработает.

— А вы откуда узнали? — ахнула Аля.

— Сама Наталья и призналась. Устроила как-то ужин на фарфоре, при свечах. Я спрашиваю: «Что празднуем?» А она улыбается: «Поминки. По любовнице твоей». И начала восхищенно описывать, как у медсестры руки начнут сохнуть, потом ноги...

— И что было дальше?

— Экстренная госпитализация. В столицу, в институт психического здоровья я ее устроил.

— А медсестра? С ней что-нибудь случилось?

— Да нет, конечно. Проработала у меня в клинике больше года, без единого больничного. А потом вышла замуж и уехала из Калядина.

— А Наталья ваша поняла, что от одного колдовства толку мало, — горько вздохнула Алла Сергеевна. — Энтеровирус, действительно, куда эффективней, чем черная магия. Но вы-то как?.. Почему все это терпите?!

— А что прикажешь мне делать? Сдать ее в психушку и начать новую жизнь? Извини. Не смогу.

— Да, конечно, — смутилась Аля. — Простите...

Ей больше не хотелось в чем-либо обвинять Николая Алексеевича.

Но и никаких отношений с обаятельным стоматологом у нее не будет. Никогда. Это Аля теперь поняла совершенно точно.

Весь день после визита в ее квартиру незнакомца Галина Круглова посвятила уборке. С хлоркой вымыла ванную, тщательно отскребла, ошпарила кипятком бак, где лежала грязная одежонка Геннадия. Бросила в стирку покрывало с кровати, на которой гость лежал, сменила постельное белье.

Начищала, драила яростно, а заодно и в голове своей провела полную ревизию. До чего ж она, оказывается, докатилась. Настолько одинока, что бомжа в дом притащить готова. Все бесконечные девять лет, что прошли со дня Митиной смерти, Галина холила и пестовала свое одиночество и только сейчас — спасибо алкоголику Гене! — вдруг отчетливо поняла, что на самом деле заживо себя похоронила.

«У меня ведь и подруги были. И родня, пусть дальняя. А я всех разогнала», — с запоздалым раскаянием думала она.

А главное, Галина поняла, что ей самой, наконец, элементарно надоело из года в год, из месяца в месяц переживать и пережевывать гибель сына.

Эта мысль испугала ее чрезвычайно. Она себя даже за руку ущипнула: «Да что же я за мать такая?!»

А потом вдруг задумалась, не вернуться ли ей на работу? До Митиной смерти Галина трудилась в собесе. Когда случилась беда, взяла отпуск без содержания, затем получила инвалидность по общему заболеванию и совсем ушла с работы. До сих пор — с Верочкиной, конечно, помощью — прекрасно существовала на скромную пенсию. Хотя в собесе ее каждый раз звали обратно.

«Почему бы и нет? Мне всего лишь пятьдесят два года. Пойду, поработаю. Хотя бы с народом пообщаюсь, да и деньги не лишние. Может, ремонт сделаю. Или — поеду на море!»

И впервые мысль о том, что она поедет на курорт одна, без любимого сыночка, не отозвалась острой болью.

Да и с договором пожизненного содержания, что заключили с Верой Бородулиной, Галя, пожалуй, поторопилась. Да, подруга добросовестно

поддерживала ее все эти годы, и отдать ей квартиру — после своей смерти! — конечно, не жаль. Только вот в чем заковыка — умирать, по крайней мере, в ближайшие тридцать лет, Галине решительно расхотелось.

«Вот проклятый бомж! — беззлобно подумала она. — Всю жизнь мою за какие-то пару часов перевернул!»

И тут вдруг неожиданно раздался звонок. Она выбежала в прихожую, распахнула дверь и... увидела притулившегося к дверному косяку Геннадия.

Но как он сегодня выглядел! Чистый, выбритый, подстриженный, в новеньком костюме! С букетом пионов!

— Ой! — ахнула Галина.

— Не ждала? — ухмыльнулся он, протягивая ей букет. — Я же говорил тебе, что не бомж я никакой, просто вчера обстоятельства так сложились! Не поверила, что ли? Сегодня-то не погонишь? Я вон и принес кое-что, «поляну» накрыть, — и поднял с пола пакет, в котором зазвякали банки-бутылки.

— Не ждала я тебя. Но видеть рада. Проходи, — только и смогла сказать Галина.

И началось у Галины помрачение. Роман разгорелся самый что ни есть настоящий. Она вся целиком отдалась страсти — слишком уж долго ограничивала себя и сдерживала.

Впрочем, не совсем уж потеряла голову. Во всем, что касалось любви, признала безусловное Генино лидерство, но в остальном — не слишком-то ему повиновалась.

Геночка оказался еще более непрактичным, чем она сама. Хотя руки золотые, это да. Всю ее бытовую технику расшевелил. Миксер, что раньше крутил еле-еле, теперь делал тысячу оборотов в минуту, конфорки на плите (три из четырех были сломаны) грели исправно. Даже телевизор еще советских времен, что пылился на антресолях, Галин любовник оживил за пару вечеров.

— Ты просто волшебник какой-то! — смотрела она на него влюбленными глазами.

— Мне и дома со всего города вещи в ремонт несут, — улыбался он в ответ.

И все было бы хорошо, но Галину очень беспокоило, что Вера Бородулина приняла Геннадия в штыки. «Как вы не видите? Он же вас за собой в пропасть тянет! Бездельник. Альфонс. И алкоголик хронический».

Геннадий тоже не оставался в долгу. Именовал Веру не иначе, как стервой, а по поводу договора пожизненного содержания, что женщины заключили, просто рвал и метал:

— Галка, ну, ты дура, что ли, совсем? С какой стати тебе свою квартиру совершенно посторонней тетке оставлять?!

И все доводы, что Вера, мол, ее лучшая подруга, помогала-поддерживала в трудную минуту, гневно отметал:

— Чушь несешь! Я своих дружбанов — если у них вдруг беда какая — тоже всегда поддерживал. Еду таскал, выпивку, выслушивал, возился, как с маленькими. Но ни у кого квартиры в обмен на свои услуги не требовал!

— Да Вера тоже ничего у меня не требовала, — в который уж раз объясняла Галина. — Я ей сама предложила. Понимаешь, сама!!

— Ну а теперь возьми свое предложение назад! Что ж, этот договор и разорвать нельзя? Да запросто! Пишешь претензию, что Бородулина свои обязанности по твоему содержанию не исполняет, и суд соглашение ваше расторгнет в два счета!

— Ген, ну, не могу я так! Может, если только Вера по-хорошему согласится...

— По-хорошему? От жилья отказаться? Которое миллионов шесть стоит, не меньше?! Да никогда она не сделает этого. Нет, тут только по-плохому можно. Участкового, что ли, вызвать? Рассказать ему, что Верка тебя отравить пытается, чтоб побыстрее в наследство вступить?

— Слушай, Гена, — начала закипать Галина. — Тебя-то почему моя квартира настолько волнует? Тоже, что ли, хочешь лапу на нее наложить? Жениться — и после моей смерти унаследовать?!

— Как ты только говорить такое можешь! — обиделся Гена. — Я — по жизни бессребреник, чужого мне не нужно. Просто тебя, глупую, вразумить пытаюсь.

— Ладно, — тяжело вздохнула Галина. — Поздно меня уже вразумлять. Пусть все остается, как есть...

Она еще раз заверила Веру Бородулину: что замуж за Геннадия не собирается, и договор пожизненного содержания, заключенный между ними, остается в силе.

Подруга, впрочем, в ответ лишь усмехнулась:

— Ой ли?

— Явно какую-то гадость задумала, — убежденно произнес Гена, когда Галина пересказала ему их разговор. — Убить она тебя хочет!

И с тех пор — когда Бородулина появлялась — не оставлял Галину одну.

Встречи, под его тяжелым, ненавидящим взглядом, превратились в пытку. Никаких больше воспоминаний о Мите, и вообще никаких разговоров. Вера быстренько выгружала продукты и спешила из квартиры прочь. Спустя какое-то время обязательно звонила, выговаривала подруге, что та связалась с хамом, и что «от этого Гены можно ждать, чего угодно».

Галине все тяжелее и тяжелее было находиться между двух огней, и она понимала, что ей придется в самое ближайшее время делать выбор, и понимала также, что выберет Геннадия. С ним уютно и легко, не то, что с Верой.

А подруга, видно, чувствуя, что ситуация вырывается из-под ее контроля, постоянно предрекала, что Геннадий еще явит свое истинное нутро.

— Как вы, Галина Степановна, только можете всерьез воспринимать запойного мужика?! Он же вас использует! Живет в вашей квартире, питается на ваши деньги! Да еще и загулы, небось, тоже вы ему оплачиваете?

— Оплачиваю. А что делать? Нет у меня другого. А с мужчиной в доме все равно лучше, чем без него, — вздыхала Круглова.

...Гена обычно являлся из своих запоев часов в шесть утра. Громко трезвонил в дверь, а, если тут же не открывала, начинал кулаком в нее бить.

В то утро тоже затрезвонили очень рано. Но звонок был какой-то непривычно сдержанный, и Галина сразу же забеспокоилась. Накинула халат, помчалась в прихожую, открыла — и сердце сразу ухнуло куда-то в печеньку. На пороге, вместо помятого и счастливого Геночки, стоял по-

лицейский. И едва только начал спрашивать, Круглова ли она, Галина Степановна, как несчастная женщина уже поняла: беда.

И оказалась права.

— После распития спиртных напитков скончался, к сожалению, ваш сожитель, — без тени сочувствия проинформировал ее полицейский. — Тело в морге пятнадцатой больницы, предварительная причина смерти — инфаркт.

— Нет! — отчаянно выкрикнула она. — У него же сердце совершенно здоровое было!

— Так в крови — три с половиной промилле алкоголя, — вздохнул полицейский. — Тут уж никакое сердце не выдержит.

Что-то царапнуло Галину в его словах. Взволновало, встревожило. Но уловить мысль-беглянку она не успела. Опустилась на пол и начала рыдать.

Если долго живешь без мужчины, он уже становится не нужен. Да и разве было у Али время на личную жизнь? Рабочий день — часов двенадцать, безо всяких каникул. Плюс двое детей на руках. Хозяйство. Уход за Викторией Арнольдовной — та в последнее время часто побаливала.

Николай Алексеевич, конечно, по-прежнему смотрел на нее влюбленными глазами, делал милые подарочки, осыпал комплиментами. Но только Аля уже для себя решила: романа со стоматологом у нее не будет. Никогда. Непорядочно — да и просто опасно! — травмировать его психически нездоровую супругу. А если вдруг Наталья умрет или уйдет сама, Алла все равно, наверное, откажет своему пожилому кавалеру. Слишком разные взгляды на жизнь. Слишком велика разница в возрасте...

Впрочем, неизвестно еще, что хуже: поклонение пожилого или обожаение юного.

У Кирилла Бодрых теннисная карьера не просто шла — летела в гору. Не так давно мальчик с гордостью сообщил: у него даже появился свой фан-клуб. «Значит, — тут же подумала Аля, — и поклонницы имеются. Скоро окрутит его какая-нибудь юная красотка».

Однако бывший ученик упорствовал и теперь стал куда увереннее в себе. Когда приезжал в родной городок, каждый раз объяснялся ей в любви и звал замуж. Она отказывала, по-прежнему считая, что негоже учительнице связывать жизнь с бывшим учеником, да еще вешать на него своих двух дочек.

Но Кирюша не унывал. Шутил: «Если противник сопротивляется, остается только усилить натиск».

И усилил. До такой степени, что Аля согласилась взять на три дня отпуск, чтобы поехать в Москву, поддержать его на важном матче.

— Алла Сергеевна, ну, пожалуйста! — кричал в трубку Кирилл. — Я же в столице, на турнире такого уровня, первый раз играю! Начал с квалифи-

кации, а завтра уже полуфинал. Знаете, как хочется, чтоб вы были рядом!

— Кирюша, но у меня работа... — жалобно начала Аля, но, увидев, как Виктория Арнольдовна недовольно поджала губы, а ее сухонькая ручка сложилась в грозный кулак, вздохнула и согласилась:

— Хорошо, Кирилл, я приеду.

Але и в голову не могло прийти, сколько гламура сосредоточено вокруг большого тенниса. На обычных трибунах среднестатистические москвичи еще имелись, но в ВИП-секторе, где сидела она, — сплошь респектабельные господа с красотками в дизайнерских туфельках и с сумочками из кожи питона.

«Причем в теннис из них никто играть не умеет!» — весело аттестовал здешнюю публику Кирилл.

Аля в незнакомой, шумной и не слишком дружелюбной обстановке смущалась, зато малышка Зоинька, которую она взяла с собой, чувствовала себя прекрасно. Увлеченно карабкалась по бесформенным диванам, пыталась разрушить инсталляцию из теннисных мячиков и пришла в неописуемый восторг, когда увидела девушку-промоутера с огромной — в человеческий рост! — теннисной ракеткой.

Сегодня Алла чувствовала себя особенно усталой и очень старой на фоне молодых блистающих девиц и уже хотела незаметно уйти, как дорогу им неожиданно преградил высоченный детина с фотоаппаратом на шее. Взглянул на нее внимательно и строго спросил:

— Это вы — знаменитая Алла Сергеевна?

— Что? — опешила Аля.

— Не увильнете, я все знаю, — ухмыльнулся фотограф. — Вы — та самая любимая учительница, которой наш герой посвящает свои победы. Кирилл вчера про вас на пресс-конференции рассказывал. — Он пожал спортсмену руку и начал властно командовать: — Кирилл, пара сним-

ков для прессы! Не хмурься, надо. Становись вот сюда, здесь хороший фон... и даму тоже с собой бери, и младенца!

Алле Сергеевне скользкий тип не понравился чрезвычайно. Но Кирилл шепнул:

— Аля, придется! Он из «Спортивной газеты», там тираж почти триста тысяч!

— Может, ты лучше сам? — попыталась она отбиться. — Один?

Но наглый фотограф отрезал все пути к отступлению:

— Его в одиночку я уже тыщу гигабайт наснимал! Давай, Кирюша, встань рядом с дамой. Ребеночка обними, чтоб все умирительно!

Молодой теннисист подхватил Зоиньку на руки, обнял свою спутницу и заулыбался в камеру — куда более уверенно, чем Аля.

«Зачем я здесь?» — тоскливо подумала она, оглядываясь по сторонам, и вдруг ей показалось, что в толпе мелькнуло знакомое до боли лицо. Вера Бородулина! Нет, не может быть! Подруга ведь никогда не интересовалась теннисом!

— А-атлично, шикарно, вы — мои звезды! — похвалил фотограф и заговорщицки похлопал Кирилла по плечу: — Фотку пока попридержу. Завтра, когда финал выиграешь, за нее больше дадут!

Аля с облегчением стерла с лица вымученную улыбку и призналась:

— Я себя чувствую совершеннейшей «белой вороной».

— А по мне — пусть лучше журналисты достают, чем когда ты ноль полный! — не стал лукавить Кирилл. — Понимаю, конечно, что фальшь, но все равно сладко.

— Мне показалось, что я Веру видела, — сказала Аля и, увидев растерянность на лице теннисиста, напомнила: — Ну, такая противная дама. Моя заказчица. Вы еще с ней когда-то в парке, в летнем кафе, повздорили.

— Та самая? — В лице Кирилла мелькнуло смятение.

Но тут их снова отвлекли — подкатился шариком коротышка-мужчина, заулыбался, зачистил:

— Что, Кирюшенька, семейный выход сегодня у тебя? Давай, знакомь меня скорее со своей дамой!

— Дядя Митя! То есть, Дмитрий Вячеславович, самый великий тренер и теннисный агент в мире! — засиял в ответной улыбке Кирилл. — Познакомьтесь, пожалуйста! Аленька, она же Алла Сергеевна. Моя любимая... — Он сделал паузу и решительно добавил: — Самая любимая на планете женщина!

Колобок одобрительно взглянул на Алю и обратился к ней по-свойски:

— Рад за Кирилла. Восхищен вашей красотой! Но осмелюсь напомнить, что завтра финал. Чтоб никаких сегодня посиделок, нарушений режима!

— Дядь Мить! Что ж, разве я не понимаю? — возмутился молодой теннисист.

Но наставник на него и не посмотрел, только подмигнул Але:

— Под вашу ответственность, Алла Сергеевна! Сон — не меньше восьми часов. И проследите, чтобы обязательно позавтракал. Белковой пищи побольше, кофе не увлекаться.

— Дядя Митя, — продолжал возмущаться Кирилл, — я вроде не юниор уже!

— Но финал на таком серьезном турнире играешь впервые, — отбрил его Колобок.

Аля же поймала себя на мысли, что с удовольствием проследит за молодым человеком. Чтобы выспался, отдохнул, нормально поел. И с грустью подумала: «Скорее сын он мне, а вовсе не любимый...»

Она проснулась с дурным предчувствием. Еще окончательно глаз не разлепила, а уже поняла: проигрывает Кирилл.

Вчера, когда пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись, каждый в свой гостиничный номер, она еще долго не могла заснуть. Пятизвездочный отель, куда поселили участников турнира (и их гостей) предоставлял массу самых разнообразных услуг. Алла Сергеевна решительно проигнорировала тайский массаж, косметолога, бассейн и сауну, а вот компьютер с беспроводным доступом в Интернет пригодился. Аля решила узнать побольше про завтрашнего соперника Кирилла, бельгийца Жака Пелье. Понятно, конечно, что дядя Митя даст подопечному куда более компетентную установку на матч, но ей тоже хотелось быть Кирюше полезной.

Рассмотрела внимательно фотографии, изучила вехи спортивной карьеры бельгийца, прочитала с десятков интервью, статей — и совсем приуныла. Хоть бы одно слабое место отыскать у месье Пелье! Но журналисты, вкуче с аналитиками, дружно утверждали: когда Жак в форме,

равных ему нет. Француз виртуозно сочетает атакующий теннис и оборону, умело играет на ошибках соперника, не горячится, с судьей не спорит, на обидные крики с трибун внимания не обращает.

«Для Пелье нет простых — или, наоборот, непобедимых соперников, — утверждала пресса. — На каждый матч — хоть с Джоковичем, хоть с игроком совершенно неизвестным — он выходит с максимальным настроем».

И что подобному сопернику мог противопоставить Кирюша? Свою молодость? Но Пелье — всего-то на пару лет старше. Хитрое тактическое решение? Только — несмотря на всю помощь дяди Мити! — теннисист Бодрых в построении коварных комбинаций силен лишь до тех пор, пока серьезного сопротивления не встречает, а уж Пелье сопротивляться будет отчаянно.

В общем, растравила себя Аля чуть не до слез и уснуть смогла только к пяти утра. Еще и будильник забыла поставить. В итоге, в десять утра Зоинька, юная хулиганка, тихонько выбравшись из кровати, со счастливой улыбкой ползала по холодному полу, а в дверь кто-то настойчиво стучал.

Аля — глаза сонные, волосы дыбом — бросилась открывать. На пороге стоял Кирилл. Перед ним — столик с сервированным завтраком, а в руках букет цветов! «Доброе утро, Алла Сергеевна! — засмеялся он. — Не хочу показаться занудным, но через полчаса мне нужно выезжать на разминку!»

— Кирюша, прости... — пробормотала она и покаянно добавила: — Как я могла проспаться?! Ведь хотела сама и завтрак тебе принести, и массаж сделать!

— Алла Сергеевна, я обожаю, конечно, ваш массаж... но позвольте напомнить, что мы находимся в одном из лучших отелей столицы. С утра в мой номер уже приходила очаровательная тайская девушка. Больше того, я и Зоиньке на сегодняшний день компанию нашел. Вы только сразу не отказывайтесь. Тут, оказывается, имеется целая служба нянечек! Лучшие кадры, кандидаты психологических наук, а игровая комната — вообще настоящий сказочный дворец!

— Ты что, Кирюша? — ахнула Аля. — Как я оставлю ребенка с совершенно посторонними людьми?

— Да я бы тоже хотел с собой ее взять, но вдруг она заплачет во время матча?

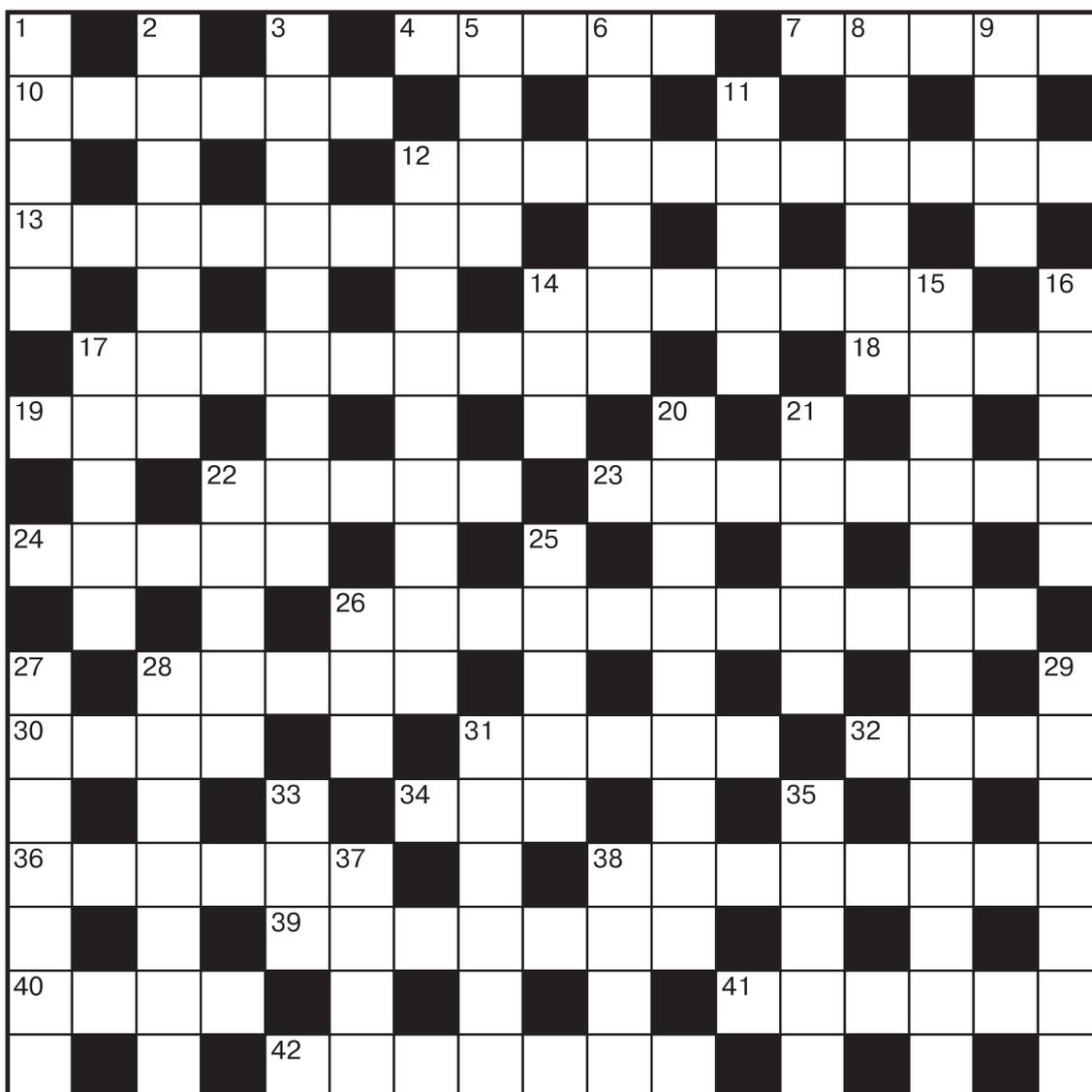
Аля задумалась. Сегодняшний матч для Кирилла очень важен, и битва будет серьезной. Малышке там действительно делать нечего.

— Я должна прежде посмотреть на игровую комнату, и что там за няни, — решительно произнесла она.

— Как скажете, моя королева! — просиял молодой человек. □

Окончание следует

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «В некоторых случаях остаться друзьями — самый безнадежный ...» **7.** Библейская стезя. **10.** «Стоп-кран у водителя под ногой». **12.** Умение сидящего в автобусе мужчины быстро поднять оброненную перчатку стоящей возле него женщины. **13.** «Безвыигрышная лотерея». **14.** Лидер труппы. **17.** Аргентинец, забивший десять мячей на ЧМ по футболу. **18.** Какой овощ долгое время заменял англича-

нам картофель? **19.** Спортивное нарушение. **22.** Любимый парижский ресторан кардинала Ришелье назывался «Серебряная ...» **23.** Любимое периодическое издание «дяди Федора» из Простоквашина. **24.** «... придает неприятный вкус кофе, если забыть его туда положить». **26.** Послание по линии разведки. **28.** «У всякого Моисея своя ...» **30.** Кто принца с нищим поменял местами? **31.** Что запечатлено на карти-

не «Последний выстрел А.С. Пушкина» Адриана Волкова? **32.** Парк «райской красоты». **34.** «Суетится, как ... перед заутреней». **36.** «Чапаевский пулемет». **38.** Кто уходит с поля боя по-английски? **39.** Головоногое, способное выпрыгивать из воды, пролетая расстояние более 50 метров. **40.** В каком месяце родились Арнольд Шварценеггер и Сильвестр Сталлоне? **41.** «Наколка» на шампур. **42.** От какого «количества» можно и терпение потерять?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Нога» у уличного фонаря. **2.** Кисельный «желатин». **3.** Коробочка вместо кисета. **5.** Какое топливо заправляют в ядерные реакторы? **6.** «Многосерийная рабыня». **8.** Колодный шут. **9.** Чем удои меряют? **11.** «Брачная отметка» в паспорте. **12.** Какой цветок японцы называют «тоскующая по воде», поскольку весной и летом его листья испаряют много влаги? **14.** Кто из древнеегипетских богов отвечал за правду и порядок? **15.** Кого на телевидении любят больше, чем зрители? **16.** «Мне снится, что меня ве-

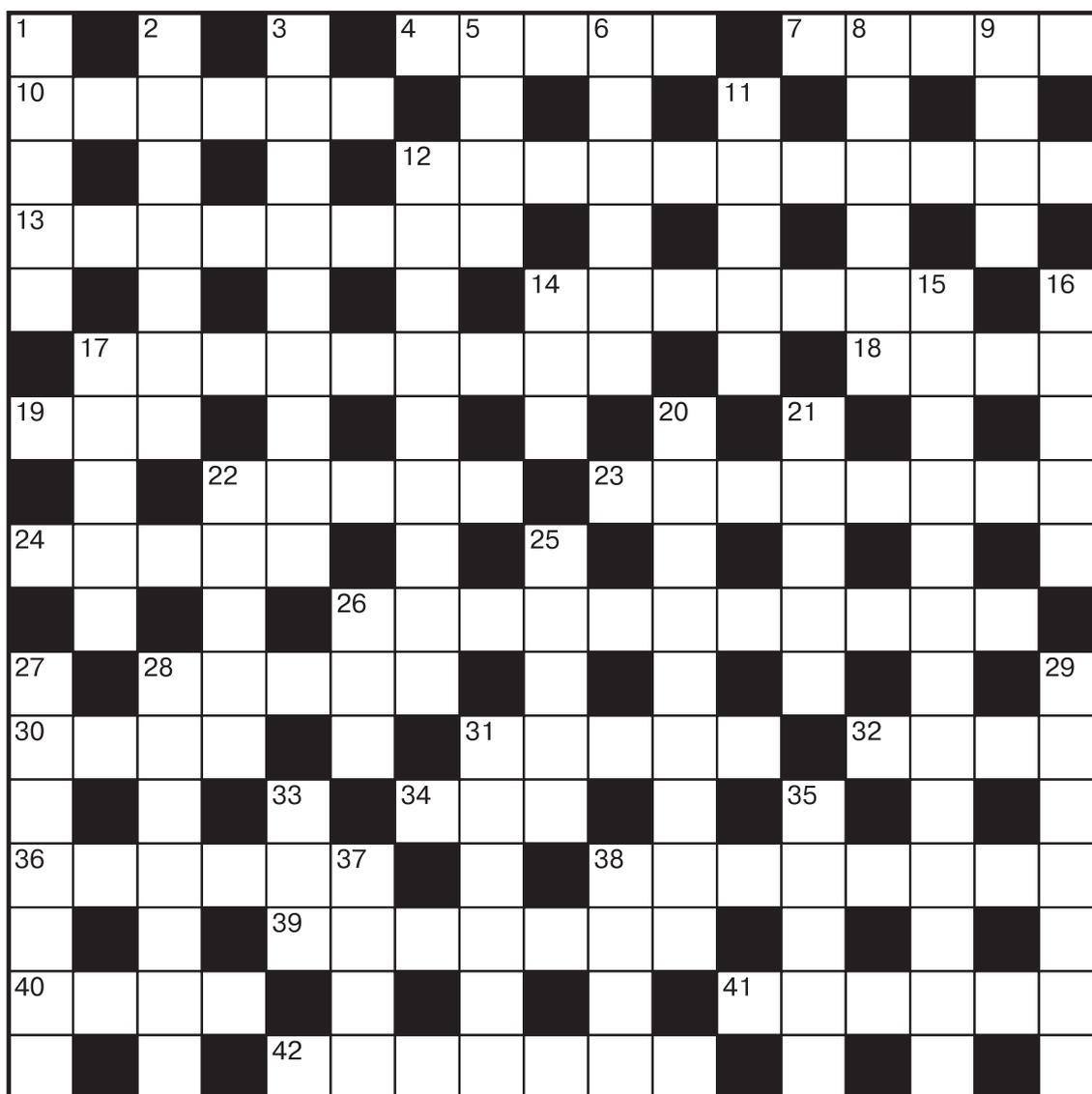
дет ... по голубым предутренним дорогам». **17.** Сколько шампанского обычно выпивала Айседора Дункан перед выходом на сцену? **20.** Кем служил Иосиф Сталин в Тифлисской обсерватории? **21.** Мистическая драма «... крыльев мотылька» с загадочной Одри Тоту. **22.** «Обезьяний хлеб». **25.** Планета вселенной Warcraft. **26.** «Из-под чистого ворота грязная ... еще виднее». **27.** Какой физик около ускорителя дежурит? **28.** Каждый из предметов, выставленных во Дворце миражей на Всемирной Парижской выставке 1900 года. **29.** Какой континент Зигмунд Фрейд считал самым грандиозным экспериментом, который когда-либо видел мир? **31.** «... не портят мужчину до тех пор, пока есть женщина, снимающая такую порчу». **33.** Фасонистая роскошь. **35.** Американский штат, где есть закон, запрещающий доить корову в отсутствие ее хозяина. **37.** Средняя из «Трех сестер» у Антона Чехова. **38.** Что пытался собрать с древлян князь Игорь, когда они его кокнули?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Шапка. **6.** Чапаев. **10.** Шторм. **12.** Бахчеводство. **13.** Фронт. **15.** Древесина. **17.** Ядро. **20.** Юра. **21.** Отруби. **22.** Ява. **24.** Грач. **26.** Отсев. **28.** Анархизм. **29.** Кинжал. **30.** Лай. **31.** Бас. **33.** Отвес. **34.** «Вариг». **37.** Гость. **39.** Жакет. **40.** Очередь. **41.** Искус. **42.** Фондю. **43.** Лифтинг. **44.** Человек. **45.** Цикля. **46.** Фауст.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Штурм. **2.** Бренд. **4.** Арагви. **5.** Качество. **7.** «Аида». **8.** Автодорожник. **9.** Виолончель. **11.** Авеню. **14.** Требуха. **16.** «Артек». **18.** Роман. **19.** Арзамас. **23.** Атлас. **25.** Взяточник. **27.** Вираж. **30.** Левретка. **31.** Бобслей. **32.** Стручок. **35.** Рабочий. **36.** Гендель. **38.** Адонис. **43.** Лев.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** «Каждая мелочь обретает ценность, когда главное утрачивает ...» **7.** «Отец советской физики» в учителях у Игоря Курчатова. **10.** Какая фирма выпустила первый в мире джип? **12.** Четки для чтения молитвы «Отче наш» у католиков. **13.** Американский метатель молота, сумевший стать олимпийским чемпионом, несмотря на частичный паралич левой руки. **14.** Упряжная собака с Аляски. **17.** Английские нар-

ды. **18.** Французская булка с солодом. **19.** Любимое геометрическое тело античного мудреца Архимеда. **22.** Принцип правильной жизни в брахманистской религии. **23.** «Слоновья нога» среди комнатных растений. **24.** Какой штат дал американцам восемь президентов? **26.** От какой клинической боязни страдал Наполеон Бонапарт? **28.** Узбекский плов. **30.** Великан из скандинавских мифов, чье тело стало всем сущим.

31. Балетный прыжок. **32.** Голливудский киномагнат, получивший за свое пристрастие к дальним перелетам прозвище «американский Чкалов». **34.** Сейшельский остров, единственное место в мире, где растут золотые бананы. **36.** Хищный динозавр. **38.** Кто послал «охотников на людей» убить великого оратора Демосфена? **39.** Фатализм у индусов. **40.** Какая птица у индейцев прежде отвечала за связь неба с водой? **41.** Почерк из средневековых рукописей. **42.** Хирург, который в 1967 году провел первую успешную операцию по пересадке сердца человека.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какое из своих стихотворений Михаил Лермонтов посвятил русскому гитаристу Михаилу Высоцкому? **2.** Кто изобрел первый в мире парашют? **3.** Всегдашатай на вечерах танго. **5.** Какие каменные статуи прославили остров Пасхи? **6.** Святой, чье имя носит главный собор в Вене. **8.** В каком селе родился русский поэт Федор Тютчев? **9.** Малярная кисть для лака. **11.** Масличное растение, чьим соком избавляются от мозолей. **12.** Сосуд

с благовониями у древних греков. **14.** Первая американка, совершившая полет вокруг земного шара. **15.** «Край Дракулы» из триллера «Ван Хельсинг». **16.** Китайский огнемёт, ставший прообразом современной пушки. **17.** «Конный кросс» у казахов. **20.** Высший титул в борцовской иерархии сумо. **21.** Какой дракон охранял «золотые яблоки» в саду Гесперид? **22.** Круглая казачья стрижка. **25.** «Ввиду того, что это правда, я без всякого ханжества признаю: я — великий человек» (герой Агаты Кристи). **26.** Легендарный боксер, лично встречавшийся с Леонидом Брежневым. **27.** С каким флорентийским художником дружил Данте? **28.** Каким полотенцем в давние времена невеста утирала слезы перед отъездом к венцу? **29.** Груши размером с «райские яблочки». **31.** Кто сделал первый перевод «Камасутры» с санскрита? **33.** Марокканский город, в честь которого называли шапочку с кисточкой. **35.** Моллюск, в чьей раковине можно отыскать жемчужину. **37.** Сура Корана. **38.** Кто открыл первую фабрику по получению сахара из свеклы?

Ответы на эрудит, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Осуми». **6.** Крипта. **10.** Этли. **12.** Бандерильеро. **13.** Уайлз. **15.** Абсейлинг. **17.** Шима. **20.** Дух. **21.** Фатига. **22.** Шор. **24.** Хобо. **26.** Нерит. **28.** Ифигения. **29.** Бурлюк. **30.** Шип. **31.** Ноо. **33.** Техас. **34.** Радха. **37.** Монро. **39.** Нутро. **40.** Конверт. **41.** Цимес. **42.** Хаски. **43.** Готланд. **44.** Заструг. **45.** Чопик. **46.** Шнитт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Астат. **2.** Юлила. **4.** Сканец. **5.** Медальон. **7.** Рыло. **8.** Птеригоплихт. **9.** Амораловка. **11.** Оринд. **14.** Збигнев. **16.** Гуниб. **18.** Аффиш. **19.** Атчисон. **23.** Ребис. **25.** Гинеколог. **27.** Туман. **30.** Шамвалон. **31.** Номинал. **32.** Оркестр. **35.** Дураков. **36.** Аракчин. **38.** Брандт. **43.** Гут.

Уважаемые читатели!

открыта подписка на 1-е полугодие 2014 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____
Дата рождения _____ Индекс _____
Обл./край _____ Район _____
Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2014 года и годовая (через каталог «Газеты и Журналы Агентства «Роспечать»), в любом отделении почтовой связи.

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Окончательное освобождение русских земель от власти ордынских ханов незамедлительно сказалось на возобновлении династических брачных союзов. Западные государи охотно засылали сватов к русским великим князьям. Ведь женщин привилегированного сословия на Руси отличала высокая степень культуры, многие прекрасно говорили на иностранных языках, знали математику, философию, астрономию, обучались «врачебным хитростям». Русские по происхождению королевы по грамотности и образованности могли соперничать с государственными мужами, только это не всегда приносило им счастье в личной жизни. Ярчайший пример — брак дочери великого князя Московского Ивана Васильевича (Ивана III) Елены с Александром Ягеллончиком, великим князем литовским.

Светлана **Бестужева-Лада** «Служебница Елена»

«История знает ничтожно мало примеров того, чтобы всеобщей любовью и уважением пользовалась женщина, построившая свою жизнь вопреки общепринятым моральным устоям. Но такие примеры все-таки есть, что доказывает судьба известной куртизанки Нинон де Ланкло.

Евгения **Гордиенко** «Любовь как смысл жизни»

«Она могла бы стать знаменитой поэтессой, но это место в семье было уже занято старшей сестрой — невероятно популярной Миррой Лохвицкой. В чем младшая сестра ее безусловно превосходила — это в чувстве юмора, и Надежда Лохвицкая стала Надеждой Тэффи, рассказами которой зачитывались Николай II, Керенский, Распутин и Ленин. Известность, счастье, обеспеченная жизнь — все это у нее было до 1917 года. А потом анекдот, по ее собственному определению, обернулся трагедией, которую, впрочем, она также воспринимала с юмором.

Денис **Логинов** «Первая в России»

«Для самых выдающихся певиц сегодня нет похвалы выше, чем сравнение с Марией Каллас. Монсеррат Кабалье считает ее вклад в оперный вокал уникальным, а Франко Дзеффирелли говорит, что она сделала для оперы в двадцатом столетии не меньше, чем великий Верди — в девятнадцатом. Но судьба ее оказалась не менее драматичной судеб героинь, образы которых она создавала на сцене. Жизнь ее была похожа на сказку, в сюжет которой были вплетены и поистине трагические нити...

Алла **Зубкова** «Дива»

«Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Талант на миллион»